

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ

ISSN 2500-2112
Эн № ФС77-77602

2025
1(50)

ISSN 2500-2112

Эл № ФС77-77602

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ № 1 (50)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Парфёнова Мария Яковлевна

Заместитель главного редактора:

Семенова Юлия Александровна

Редакционный совет

Председатель – Семенов А.В., д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;

Соколов И.А., д-р техн. наук, академик РАН, директор Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (ФИЦ ИУ РАН);

Бородин В.А., д-р техн. наук, чл.-корр. РАН, зав. лабораторией, генеральный директор ФГУП «Экспериментальный завод научно-приборостроения со Специальным конструкторским бюро РАН»;

Зацаринный А.А., д-р техн. наук, проф., действительный член Российской академии инженерных наук им. А.М. Прохорова, Академии военных наук, Международной академии связи, заместитель директора Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (ФИЦ ИУ РАН);

Курейчик В.М., д-р техн. наук, проф. Южного федерального университета (филиал в г. Таганроге), академик РАЕН, Академии инженерных наук Российской Федерации, Международной академии информатизации, Нью-Йоркской академии наук, заместитель руководителя по научной и инновационной деятельности;

Колонтаевская И.Ф., д-р пед. наук, проф., профессор кафедры гражданского права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;

Сухомлин В.А., д-р техн. наук, проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, проф. МИРЭА, академик Академии информатизации образования, член общественного совета ЦФО, председатель Международного Союза славянских журналистов, зав. лабораторией открытых информационных технологий;

Yatskiv Irina, Dr. sc. ing., Professor, Vice-Rector for Science and Development Affairs, Transport and Telecommunication Institute, Riga, Latvia;

Galya Hristozova, Dr. sc., Professor, Rector of Burgas Free University, Burgas, Republic of Bulgaria;

Joksimović Aleksandar, PhD, Head of Laboratory of Ichthyology and Marine Fisheries, University of Montenegro, Institute of Marine Biology, Kotor, Montenegro.

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ HR-БРЕНДА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.....	7
--	---

Афанасьева Юлия Станиславовна, Кострова Юлия Борисовна

ЦИФРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	15
--	----

Напсо Марианна Давлетовна

МЕТОДИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ У СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ	21
---	----

Дмитриева Марина Александровна, Кренева Юлия Анатольевна

КУРС «РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ» В ВУЗЕ В КОНТЕКСТЕ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА	31
--	----

Жулева Мария Игоревна

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У КАЗАКОВ ЗАРУБЕЖЬЯ	37
---	----

Кипреев Сергей Николаевич

КВЕСТ-ИГРА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ.....	45
---	----

Кузнецова Екатерина Вячеславовна, Лукашенко Елена Сергеевна, Маталова Светлана Валерьевна, Смирнова Мария Вадимовна

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОВ ОПТИМИЗАЦИИ МАЛЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ГЕНЕРАЦИИ SQL-ЗАПРОСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ	54
---	----

Босенко Тимур Муртазович

БЕЗОПАСНОЕ ХРАНЕНИЕ ДАННЫХ: СПОСОБЫ И ПОДХОДЫ	68
---	----

Васильев Тимур Игоревич

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К СТРУКТУРНОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ	77
--	----

Саенко Максим Андреевич

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОКРАТ И ПЛАТОН – ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)	84
--	----

Гусев Дмитрий Алексеевич, Минайченкова Екатерина Игоревна, Калайдова Анастасия Александровна, Пустовойтов Юрий Леонидович, Суслов Алексей Викторович

DEVELOPING CULTURE OF READING IN ENGLISH IN GENERATION Z STUDENTS	98
<i>Levina L.M.</i>	
БУДУЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	108
<i>Семёнова Юлия Александровна</i>	

CONTENTS

EDUCATIONAL ENVIRONMENT

SYSTEMIC PROBLEMS OF THE HR BRAND FORMING FOR HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS	7
<i>Afanasyeva Yu.S., Kostrova Yu.B.</i>	
DIGITAL BEHAVIOUR OF LEARNERS AND YOUNG PEOPLE: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS.....	15
<i>Napso M.D.</i>	

METHODS AND TECHNOLOGIES OF TRAINING AND UPBRINGING

EDUCATIONAL MOTIVATION AMONG STUDENTS OF PSYCHOLOGY DEPARTMENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SOCIAL CREATIVITY	21
<i>Dmitrieva M.A., Kreneva Yu.A.</i>	
THE COURSE “CONVERSATIONS ABOUT THE IMPORTANT THINGS” IN THE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF THE FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF A TEACHER	31
<i>Zhuleva M.I.</i>	
THE FEATURES OF THE FORMING OF A PATRIOTIC WORLDVIEW AMONG COSSACKS ABROAD	37
<i>Kipreev S.N.</i>	
QUEST GAME IN ENGLISH AS A TOOL FOR ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO THE UNIVERSITY ENVIRONMENT.....	45
<i>Kuznetsova E.V., Lukashenko E.S., Matalova S.V., Smirnova M.V.</i>	

INFORMATION TECHNOLOGY

THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF METHODS OF OPTIMIZATION OF SMALL LANGUAGE MODELS FOR EFFICIENT GENERATION OF SQL QUERY IN EDUCATIONAL INFORMATION SYSTEMS	54
<i>Bosenko T.M.</i>	
SECURE DATA STORAGE: METHODS AND APPROACHES	68
<i>Vasilev T.I.</i>	
AN INTEGRATIVE APPROACH TO STRUCTURAL MODELING IN THE INFORMATION FIELD.....	77
<i>Saenko M.A.</i>	

METHODOLOGICAL RESEARCHES

SOCRATES AND PLATO – FOR MODERN STUDENTS (HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL, WORLDVIEW AND DIDACTIC ASPECTS).....	84
<i>Gusev D.A., Minaychenkova E.I., Kalaidova A.A., Pustovoitov J.L., Suslov A.V.</i>	

DEVELOPING CULTURE OF READING IN ENGLISH IN GENERATION Z STUDENTS	98
<i>Levina L.M.</i>	
THE FUTURE OF EDUCATION AS AN OBJECT OF SOCIAL AND HUMANITARIAN EXPERTISE	108
<i>Semenova Y.A.</i>	

УДК 37.014.542.22

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ HR-БРЕНДА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Афанасьева Юлия Станиславовна¹,

канд. филос. наук, доцент,
e-mail: kalab-yuliya@yandex.ru,

Кострова Юлия Борисовна¹,

канд. экон. наук, доцент,
e-mail: ubkostr@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

В статье исследуются системные проблемы формирования HR-бренда высших учебных заведений в контексте современных тенденций на рынке труда и образовательных услуг. Акцентируется внимание на ключевых компонентах HR-бренда высших учебных заведений. Выделены особенности конкурсного отбора на замещение должности научно-педагогического работника в высшем учебном заведении, предложен способ повышения эффективности данной процедуры для участников конкурса. Проведены экспериментальные исследования по оценке представлений студентов об условиях работы профессорско-преподавательского состава и их предпочтений как будущих специалистов в сфере образования на базе филиала ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Рязани. По результатам анкетирования определены основные направления по привлечению молодых ученых и специалистов к научно-педагогической деятельности в вузе. Проведен анализ причин профессионального выгорания научно-педагогических работников вузов как одного из факторов, влияющих на формирование HR-бренда вуза. Рассмотрен подход к дифференциации содержания труда преподавателей, способствующий повышению результативности их деятельности. Практическая значимость данного исследования направлена на повышение HR-бренда высших учебных заведений, что будет способствовать созданию их положительного имиджа, привлечению выпускников для работы в вузах, повышению конкурентоспособности в сфере оказания образовательных услуг.

Ключевые слова: HR-бренд вуза, профессорско-преподавательский состав, конкурсный отбор, стереотипы об академической среде, молодые ученые и специалисты

SYSTEMIC PROBLEMS OF THE HR BRAND FORMING FOR HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Afanasyeva Yu.S.¹,

candidate of philosophy sciences, associate professor,
e-mail: kalab-yuliya@yandex.ru,

Kostrova Yu.B.¹,

candidate of economic sciences, associate professor,
e-mail: ubkostr@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article describes the systemic problems of forming the HR brand of higher education institutions in the context of current trends in the labor market and educational services. Attention is focused on the key components of the HR brand of higher education institutions. The features of competitive selection for the position of a scientific and pedagogical worker in a higher educational institution are highlighted, and a way is proposed to increase the effectiveness of this procedure for the participants of the competition. Experimental studies have been conducted to evaluate students' ideas about the working conditions of the teaching staff and their preferences as future specialists in the field of education on the basis of the Branch of the private educational institution of

higher education “Moscow Witte University” in Ryazan. Based on the results of the survey, the main directions for attracting young scientists and specialists to scientific and pedagogical activities at the university have been identified. The analysis of the causes of professional burnout of scientific and pedagogical staff of universities as one of the factors influencing the HR brand forming for the university is carried out. An approach to the differentiation of the content of teachers’ work is considered, which contributes to improving the effectiveness of their activities. The practical significance of this research is aimed at improving the HR brand of higher education institutions, which will contribute to creating a positive image of them, attracting graduates to work at universities, and increasing competitiveness in the field of educational services.

Keywords: HR university brand, academic staff, competitive selection, stereotypes about the academic environment, young scientists and employees

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-7-14

Введение

Вопросы формирования HR-бренда высших учебных заведений рассматриваются в контексте современных тенденций рынка труда и образовательных услуг. Концепция HR-бренда (HR Branding) относится к репутации и образу образовательной организации на рынке труда. Это тот способ, которым образовательная организация позиционирует себя как работодатель и как она воспринимается сотрудниками, в том числе потенциальными. Это совокупность уникальных ценностей, культуры и практик, которая привлекает, удерживает и мотивирует сотрудников. Концепция HR-бренда основана на создании привлекательного образа работодателя, который помогает привлечь лучших специалистов на рынке труда [1].

Выделяют следующие основные составляющие концепции HR-бренда образовательной организации:

- ценности и культура организации: HR-бренд должен отражать основные ценности и принципы, которые важны для организации и ее сотрудников. Они поддерживаются и укрепляются через HR-практики;
- рабочая среда: комфортное рабочее место, возможность для саморазвития и профессионального роста являются важными составляющими успешного HR-бренда;
- профессиональные возможности: образовательная организация должна создавать условия для непрерывного повышения квалификации преподавателей в условиях интенсивного развития науки и техники;
- привлекательные бонусы и льготы: дополнительные бонусы, льготы и программы социальной защиты помогают создать привлекательный образ организации как работодателя;
- вовлеченность преподавателей в научную и международную деятельность.

Высшее учебное заведение, выступая на рынке труда как субъект спроса на рабочую силу, в современных условиях вынуждено конкурировать с другими работодателями и, соответственно, должно уделять не меньше внимания формированию своего HR-бренда, чем любая другая организация. Исследование процесса формирования HR-бренда вузов становится особенно актуальным для разработки стратегий, направленных на устойчивое развитие образовательных организаций, их конкурентоспособность и успешное функционирование в изменчивой образовательной среде [2]. В связи с этим целью данной работы является выделение системных проблем в процессе формирования и развития HR-бренда вузов в современных условиях и разработка предложений по их решению.

При проведении данного исследования были использованы эмпирические и теоретические методы – анкетирование, обобщение индивидуального опыта преподавателей, мысленный эксперимент, методы системного анализа.

1. Особенности конкурсного отбора на замещение должности научно-педагогического работника в высшем учебном заведении

В современных условиях создание сильного HR-бренда вуза становится необходимым условием его устойчивого развития. Он не только определяет репутацию учреждения как работодателя, что особенно критично в условиях дефицита квалифицированных кадров, но и влияет на привлечение студентов.

Для определения особенностей формирования HR-бренда вузов первоначально следует более подробно рассмотреть некоторые аспекты кадрового состава и управления персоналом в данной сфере. Следует отметить, что кадровый состав современного вуза включает в себя множество категорий работников, которые можно объединить в такие укрупненные группы, как профессорско-преподавательский состав (ППС), научные сотрудники (НС), инженерно-технические работники (ИТР), административно-хозяйственные, учебно-вспомогательные и другие работники.

Ключевой характеристикой персонала вуза является его высокий уровень образования и квалификации. Большинство сотрудников имеют высшее образование, ученые степени, звания и обладают специальными знаниями и навыками в своей области. Основу кадрового состава университета составляет ППС, без которого учебное заведение не сможет реализовать свои ключевые задачи – производство, накопление и передачу знаний [3]. Поэтому при формировании HR-бренда университета необходимо особое внимание уделять этапам подбора и найма сотрудников этой категории. Данные процессы осложняются тем, что для трудоустройства на должности ППС и НС кандидат должен проходить конкурсный отбор на замещение вакансии. Регламент проведения этой процедуры определяется Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, и все вузы нашей страны должны его соблюдать. С одной стороны, проведение конкурса на замещение вакантных должностей ППС и НС обеспечивает повышение уровня конкуренции среди кандидатов. В то же время его процедура предопределяет факторы, снижающие интерес претендентов к научно-педагогической деятельности. Так, прием пакета документов и оценка кандидатов занимает примерно два месяца, на протяжении которых претенденты находятся в состоянии неопределенности [4].

Бюрократический характер процедуры конкурсного отбора требует от соискателей сбора, подготовки и заполнения большого перечня документов, что может вызвать у них дополнительные затруднения. Таким образом, бюрократизм и долгосрочность в проведении конкурсного отбора на вакантные должности педагогического состава значительно снижают интерес к этой работе. И если вузы не могут вносить изменения в процедуру конкурсного отбора, то они могут повысить эффективность ее прохождения. Например, на веб-сайте вуза в разделе «Трудоустройство и конкурсный отбор» можно представить ответы работодателя на часто задаваемые вопросы по данному направлению с учетом уровней их детализации, административный регламент проведения конкурса для ППС и НС с указанием пакета документов и вложениями их образцов, а также реализовать процедуру электронной подачи структурированных по требованиям документов.

Проработка этапов конкурсного отбора очень важна, так как это упрощает процедуру отбора кандидатов ППС на вакантные должности для самого вуза, а главное – для кандидатов прозрачен весь процесс и ясны сроки прохождения конкурса. Размещение подобной информации демонстрирует клиентоориентированный подход работодателя как к внутренним, так и к внешним соискателям.

Негативное влияние на формирование HR-бренда вуза оказывает также достаточно закрытая кадровая политика, которая предполагает участие в конкурсных процедурах в основном действующих сотрудников [4]. Это предопределяется формальным подходом к публикации объявлений о проведении конкурса на замещение вакантных должностей. Обычно данная информация размещается во внутренних источниках вуза (доска объявлений, периодические вузовские издания и т.п.). Все эти коммуникационные каналы действуют, как правило, в пределах самого учебного заведения. Внешнему кандидату для того, чтобы узнать об открытии вакансии, необходимо непрерывно мониторить информационные источники разных университетов. Таким образом, сложившаяся практика приводит к тому, что в вузах для должностей ППС и НС используется преимущественно внутренний отбор персонала, и обновление кадров происходит очень медленно.

Низкая доля внешних кандидатов способствует снижению уровня конкуренции среди работников, уменьшению их мотивации к развитию и освоению инноваций. Решение данной проблемы может

быть эффективным путем создания под эгидой Министерства образования и высшей школы РФ единой интернет-платформы, на которой все российские вузы должны будут размещать объявления об открытых конкурсах на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава. Это позволит кандидатам быстро получить доступ к актуальной информации о вакансиях в университетах по всей стране. Такая платформа сделает процесс поиска работы в учебных заведениях более прозрачным, упростит доступ к информации о вакансиях и повысит конкуренцию среди кандидатов. В перспективе такая платформа может быть доработана до площадки, на которой не только можно получить информацию, но и онлайн подать заявление на участие в конкурсе, предоставить комплект необходимых документов и отслеживать процесс проведения процедуры конкурсного отбора.

Разработанные предложения позволят вузам обеспечить развитие конкуренции среди сотрудников, что положительно отразится на формировании их HR-брендов.

2. Проблема привлечения молодых сотрудников на работу в высшие учебные заведения

Серьезной проблемой кадрового обеспечения российских вузов является старение кадров. По данным Российского союза ректоров, в настоящее время только порядка 30 % ППС по стране являются лицами моложе 39 лет¹. Это свидетельствует о незаинтересованности выпускников оставаться работать на кафедрах в качестве преподавателей.

Такое положение стало следствием того, что на протяжении долгого времени государство практически не уделяло внимание данному направлению, поддержка молодых преподавателей вузов отсутствовала. Однако с 2018 года ситуация начинает меняться. Национальный проект «Наука и университеты» в части показателя «привлекательность карьеры в сфере науки и высшего образования» предписывает динамику роста доли ППС в возрасте до 39 лет в его общей численности как минимум на 1,5 % ежегодно. Для этого необходимо повысить привлекательность работы в вузах для ведущих российских и зарубежных ученых, молодых исследователей и обучающихся [5]. Это определяет потребность в разработке мероприятий по привлечению молодых специалистов в систему высшего образования.

В качестве основного источника омоложения кадров университета можно рассматривать его студентов. Это следует учитывать при формировании HR-бренда вуза. Для оценки готовности студентов к научно-преподавательской деятельности проведено экспериментальное исследование на основе анкетирования. В рамках научно-исследовательской работы сотрудники кафедры бизнеса и управления филиала ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Рязани провели анкетирование студентов с целью выявления их заинтересованности в трудоустройстве в вуз, а также выявлены факторы, влияющие на выбор первого места работы. В опросе приняли участие 95 человек, среди которых 60 студентов 3–5 курсов очной формы обучения по специальности 38.05.02 «Таможенное дело» и 35 студентов 4–5 курсов очно-заочной формы обучения по направлению 38.03.02 «Менеджмент».

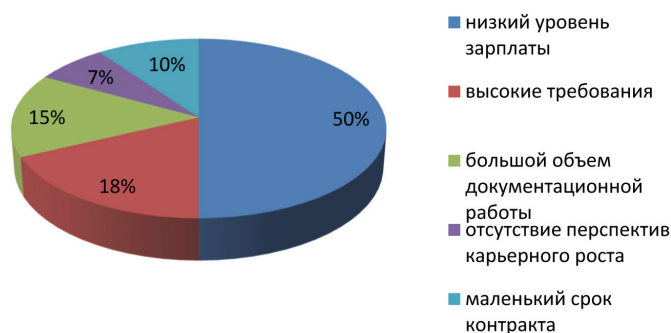

Рисунок 1 – Оценка представлений студентов об условиях работы ППС, %²

¹ Сайт Российского союза ректоров. – URL: <https://rsr-online.ru/news/2022/10/27/v-nastoyashee-vremya-tolko-poryadka-30-pps-po-strane-yavlyayutsya-licami-molozhe-39-let/?ysclid=m4e8pvc2i5341159230> (дата обращения: 05.12.2024). – Текст: электронный.

² Составлено авторами.

Итоги проведенного исследования, представленные на рисунке 1, показали, что половина опрошенных студентов считают, что у ППС низкий уровень заработной платы. Вторым по значимости стали высокие требования, предъявляемые к работникам (наличие ученой степени, звания, научных публикаций и пр.). По мнению 15 % опрошенных студентов, значительную долю труда преподавателей занимает работа с документами. 10 % респондентов отметили маленький срок контракта, что не дает уверенности в завтрашнем дне. 7 % опрошенных не понимают перспектив карьерного роста в университете.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты имеют неполные и неточные представления о трудовой деятельности ППС в университете.

На вопрос о характеристиках «идеального» будущего рабочего места респонденты указали следующие характеристики:

- достойный уровень заработной платы (90 %);
- индивидуальный подход на рабочем месте (85 %);
- мобильность (80 %);
- наличие системы наставничества (70 %);
- быстрый выход на результат (65 %);
- возможность карьерного роста (65 %);
- гибкий график работы (60 %).

Таким образом, проведенное исследование показало несоответствие запросов студентов и их представлений о работе в вузе.

Для развенчания неверных стереотипов, сложившихся у студентов об академической среде, необходимо вести систематическую работу с ними, которая может включать в себя следующие мероприятия:

- программы стажировок и практик: можно предложить студентам возможность проходить стажировки или практики в университете. Это даст им подлинное представление о работе в учебном заведении и поможет развить необходимые навыки;
- менторские программы: рекомендуется назначить опытных сотрудников в качестве менторов для студентов, проявляющих готовность заниматься научно-педагогической деятельностью. Это поможет им наладить связи и получить советы по карьере в академической среде;
- организация мероприятий: карьерные ярмарки, семинары и круглые столы являются мероприятиями, на которых студенты смогут познакомиться с возможностями трудоустройства в университете;
- финансовые стимулы: можно предоставить стипендии или гранты тем студентам, которые согласны остаться работать в университете после окончания обучения;
- развитие корпоративной культуры: в вузе должна быть создана дружелюбная атмосфера, где студенты будут чувствовать себя ценными и услышанными;
- акцент на исследовательские проекты: рекомендуется предоставлять студентам возможность участвовать в исследовательских проектах совместно с преподавателями, которые могут привести к дальнейшему трудоустройству в университете;
- карьерные маршруты: до студентов следует в доступной форме донести информацию о возможных карьерных траекториях, которые их ожидают в университете;
- обратная связь и вовлечение: необходимо регулярно собирать отзывы от студентов об их опыте и потребностях, чтобы адаптировать предложения и программы в соответствии с их ожиданиями;
- создание сети выпускников: рекомендуется поддерживать связь с выпускниками и активно вовлекать их в жизнь университета, что может помочь создать положительный имидж работы в академической среде;
- обучение и профессиональное развитие: студентам еще в процессе обучения можно предложить пройти курсы повышения квалификации или переподготовки, что позволит сделать работу в университете для них более привлекательной.

Эти шаги могут усилить HR-бренд вуза в глазах студентов и увеличить вероятность того, что они захотят остаться работать в университете после окончания учебы [6].

Для вовлечения выпускников магистратуры, специалитета и студентов-аспирантов с высоким академическим потенциалом в научно-преподавательскую сферу необходимо разработать комплекс мер, способствующих повышению престижности работы в вузе. При этом необходимо создать в учеб-

ном заведении привлекательную среду для молодых сотрудников, используя и усиливая те возможности, которые у него уже имеются. Например, гибкий график и возможность совмещать трудовую деятельность с другой работой или учебой в аспирантуре или в магистратуре могут стать мощными факторами удержания студентов в академической среде. При этом небольшие сроки контракта могут привести к тому, что молодые сотрудники будут воспринимать вуз как временное место работы и активно искать дополнительный заработок за пределами университета. Важным направлением в данном случае является материальная мотивация молодых сотрудников, которая может включать в себя выплату «подъемных средств», дополнительных стимулирующих выплат и т.п., а также увеличение срока, на который заключается контракт. Мобильность, которая является привлекательной для 80 % респондентов, может быть обеспечена путем перевода части занятий в дистанционный формат, что позволит преподавателям проводить их из любой точки мира [7]. Необходимо также уделять внимание развитию системы наставничества и сформировать междисциплинарное сообщество молодых преподавателей.

3. Анализ причин профессионального выгорания профессорско-преподавательского состава вузов

Отдельного внимания заслуживает вопрос профессионального выгорания ППС. Это серьезная проблема, которая может негативно сказаться как на самих преподавателях, так и на студентах, на образовательном процессе в целом, а также на формировании HR-бренда вуза. Деятельность преподавателей в высшей школе является разноплановой, с одной стороны, они занимаются педагогической работой, с другой – одновременно осуществляют научно-исследовательскую, организационно-методическую и воспитательную деятельность. Такая многогранность и высокая интенсивность труда может приводить к профессиональному выгоранию, которое характеризуется эмоциональным, физическим и психическим истощением, возникающим в результате длительного стресса и напряженной работы.

Выделим основные причины профессионального выгорания ППС:

- высокие требования: как уже отмечалось, преподаватели часто сталкиваются с необходимостью выполнять множество задач, включая преподавание, научные исследования, административные обязанности и участие в общественной жизни университета;
- недостаток информационно-методической поддержки в профессиональном развитии ППС: в связи с расширением функций преподавателя в электронной информационно-образовательной среде и быстрого развития средств информатизации необходима информационная и интеллектуальная поддержка, которая может быть обеспечена путем проведения обучающих online/offline-курсов в области образовательных технологий, доступа к эталонным информационным ресурсам и наилучшим современным практикам;
- неравномерная нагрузка: периоды особо интенсивной работы, такие как экзаменационные сессии, подготовка выпускников к защите выпускной квалификационной работы, участие в работе оргкомитета конференции, подготовка публикаций и др. могут приводить к значительному стрессу.

Таким образом, загруженность преподавательского состава различными мероприятиями и требованиями выполнения нагрузки в срок приводит к снижению мотивации и профессиональному выгоранию преподавателей. Стоит отметить и тот факт, что нагрузка у преподавателей увеличивается непропорционально заработной плате. Данные аспекты влияют на дефицит кадрового состава в вузах и способствуют нежеланию молодых специалистов работать в высших учебных заведениях. Решение данной проблемы возможно путем разделения ППС по направлениям деятельности или карьерным трекам.

В своей работе «Инновационный подход к управлению деятельностью вуза на основе применения HR-брендинга» В.А. Бондаренко, А.А. Маскаева и И.А. Шумакова предлагают выявлять у сотрудников предрасположенность к деятельности, в которой они могут быть максимально эффективны [8]. Дифференциация содержания труда способствует качественному выполнению целей и задач вуза. Оценка эффективности деятельности каждой категории сотрудников определяется как материальным, так и нематериальным стимулированием.

Обратим внимание на заработную плату научно-педагогических работников в России, которая является номинальной и обеспечивается за счет статистических манипуляций (например, через выплату нерегулярных надбавок, путем учета полной ставки научного сотрудника при его работе на части ставки и т.д.), а также учета вознаграждений за научную деятельность (гранты, НИОКР, публикации в ведущих российских и зарубежных изданиях и т.д.). При этом должностные оклады не увеличиваются, а если увеличиваются, то незначительно. Поэтому преподавателям приходится подрабатывать в нескольких вузах, что также снижает качественный уровень работы.

Конечно, решить вышеперечисленные проблемы только повышением заработной платы не получится, однако роль материальной мотивации в HR-брендинге не стоит игнорировать. Ведь если вуз не сможет обеспечить персонал конкурентоспособной заработной платой, то другие мероприятия не принесут ожидаемого эффекта.

Заключение

Исследуя процессы формирования HR-бренда высших учебных заведений, можно выделить несколько ключевых аспектов, требующих внимания. Прежде всего, создание сильного HR-бренда не может быть успешным без четко определенной стратегии, которая учитывает уникальные особенности каждого учебного заведения. В современных условиях конкуренции за студентов и преподавателей учреждения должны активно работать над улучшением своего имиджа, развивая актуальные программы обучения, исследовательские инициативы и поддержку карьерного роста.

В ходе данного исследования были выделены ключевые факторы, влияющие на формирование HR-бренда вуза, предложены пути решения обозначенных проблем в данной сфере.

Выделены особенности конкурсного отбора на замещение должности научно-педагогического работника в высшем учебном заведении. Предложены способы повышения эффективности данной процедуры на основе совершенствования и развития функционала официальных сайтов.

Проведены экспериментальные исследования по оценке представлений студентов об условиях работы профессорско-преподавательского состава и их предпочтений как будущих специалистов в сфере образования на базе филиала ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Рязани. По результатам анкетирования определены основные направления повышения мотивации профессорско-преподавательского состава и привлечения молодых ученых и специалистов к научно-педагогической деятельности в вузе.

Проведен анализ причин профессионального выгорания профессорско-преподавательского состава вузов как одного из факторов, влияющих на формирование HR-бренда вуза. Рассмотрен подход к дифференциации содержания труда преподавателей, способствующий повышению результативности деятельности научно-педагогических работников.

Решение обозначенных в статье системных проблем позволит усилить HR-бренды высших учебных заведений, что в свою очередь повлияет на эффективность деятельности вузов в целом.

Список литературы

1. Дубовкина К.Ю. HR-бренд как объект исследования: понятие и история возникновения // Флагман науки. – 2023. – № 11 (11). – С. 435–437.
2. Грацианова Л.И. Новые роли HR-подразделений и подготовка HR-специалистов в вузе // Проблемы теории и практики управления. – 2022. – № 5-6. – С. 133–145.
3. Власов Д.Г., Кузьмичев А.С., Кострова Ю.Б. Менеджмент персонала: учет особенностей внешнего и внутреннего рынков труда при найме и трудоустройстве // Юность и знания – гарантия успеха-2019: сборник научных трудов 6-й Международной молодежной научной конференции. – Курск: ЮЗГУ, 2019. – Т. 1. – С. 62–65.
4. Бондаренко В.А., Рыбалко М.А., Кравец А.О., Шумакова И.А. Вопросы брендинга и построения HR-бренда университета в активизации регионального развития // Московский экономический журнал. – 2023. – Т. 8, № 10. – DOI 10.55186/2413046X_2023_8_10_493.

5. Социальная и профессиональная адаптация молодежи: монография / Ю.С. Афанасьева, Ю.Б. Кострова, И.В. Саттарова, О.Ю. Шибаршина. – Москва: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2023. – 194 с. – ISBN 978-5-9580-0647-2.
6. Лега Р.В. HR-бренд работодателя как фактор привлечения работников поколения Z // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 5. – С. 157–164.
7. Афанасьева Ю.С., Кострова Ю.Б. Формирование профессионального самосознания и самоопределения у современной молодежи // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 4 (48). – С. 475–479.
8. Бондаренко В.А., Маскаева А.А., Шумакова И.А. Инновационный подход к управлению деятельностью вуза на основе применения HR-брендинга // Экономика. Информатика. – 2020. – Т. 47, № 1. – С. 47–54.

References

1. Dubovkina K.Yu. HR-brend kak ob'ekt issledovaniya: ponyatie i istoriya vzniknoveniya // Flagman nauki. – 2023. – № 11 (11). – С. 435–437.
2. Gracianova L.I. Novye roli HR-podrazdelenij i podgotovka HR-specialistov v vuze // Problemy teorii i praktiki upravleniya. – 2022. – № 5-6. – С. 133–145.
3. Vlasov D.G., Kuz'michev A.S., Kostrova Yu.B. Menedzhment personala: uchet osobennostej vneshnego i vnutrennego rynkov truda pri najme i trudoustrojstve // Yunost' i znaniya – garantiya uspekha-2019: sbornik nauchnyh trudov 6-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii. – Kursk: YUZGU, 2019. – Т. 1. – С. 62–65.
4. Bondarenko V.A., Rybalko M.A., Kravec A.O., Shumakova I.A. Voprosy brendinga i postroeniya HR-brenda universiteta v aktivizacii regional'nogo razvitiya // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. – 2023. – Т. 8, № 10. – DOI 10.55186/2413046X_2023_8_10_493.
5. Social'naya i professional'naya adaptaciya molodezhi: monografiya / Yu.S. Afanas'eva, Yu.B. Kostrova, I.V. Sattarova, O.Yu. Shibarshina. – Moskva: izd. CHOUVO «MU im. S.Yu. Vitte», 2023. – 194 s. – ISBN 978-5-9580-0647-2.
6. Leza R.V. HR-brend rabotodatela kak faktor privlecheniya rabotnikov pokoleniya Z // Chelovek. Socium. Obshchestvo. – 2024. – № 5. – С. 157–164.
7. Afanas'eva Yu.S., Kostrova Yu.B. Formirovanie professional'nogo samosoznaniya i samoopredeleniya u sovremennoj molodezhi // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. – 2023. – № 4 (48). – С. 475–479.
8. Bondarenko V.A., Maskaeva A.A., Shumakova I.A. Innovacionnyj podhod k upravleniyu deyatel'nost'yu vuza na osnove primeneniya HR-brendinga // Ekonomika. Informatika. – 2020. – Т. 47, № 1. – С. 47–54.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2024

Received: 09.12.2024

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

УДК 009

ЦИФРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Напсо Марианна Давлетовна¹,

д-р социол. наук, профессор,

e-mail: napso.marianna@mail.ru,

¹Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск, Россия

В статье исследуется проблематика цифрового поведения в среде обучающихся и молодых людей. Обращается внимание на составляющие цифрового поведения, рассматриваются его отличия от поведения в подлинном мире, показывается воздействие цифрового поведения на реальные процессы и отношения. Исследуется феномен цифровой культуры, прослеживается зависимость цифрового поведения от уровня владения цифровой культурой. Раскрывается содержание понятия «цифровая аддикция», раскрываются ее негативные характеристики, влияющие на развитие когнитивных способностей и выбор поведенческих стратегий – реальных и виртуальных. Анализируются позитивные и негативные последствия цифрового поведения, обусловленные одновременным существованием индивида в реальном и виртуальном мире. Показывается роль кибериллюзий на процесс формирования цифровой зависимости и цифрового поведения, прослеживаются риски экстраполяции виртуальных сущностей в естественную среду, приводящие к глубинным трансформациям сознания и социальных действий молодых людей. Отмечается, что поведение и коммуникации в пространстве интернета и социальных сетей характеризуются своей противоречивостью и непредсказуемостью, что отражается на социальных и психоэмоциональных состояниях и нравственных установках индивидов.

Ключевые слова: реально-виртуальный обучающийся, виртуальная среда, социальные сети, цифровое поведение, цифровая культура, цифровая аддикция, социализация, иллюзорность, психоэмоциональные состояния

DIGITAL BEHAVIOUR OF LEARNERS AND YOUNG PEOPLE: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Napso M.D.¹,

doctor of sociological sciences, professor,

e-mail: napso.marianna@mail.ru,

¹North Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia

The article explores the problem of digital behavior among students and young people. Attention is paid to the components of digital behavior; its differences from behavior in the real world are considered, and the impact of digital behavior on real processes and relationships is shown. The phenomenon of digital culture is studied, and the dependence of digital behavior on the level of digital culture is traced. The content of the concept of 'digital addiction' is described, its negative characteristics affecting the development of cognitive abilities and the choice of behavioral strategies – real and virtual – are revealed. The positive and negative consequences of digital behavior stipulated by the simultaneous existence of an individual in the real and virtual world are analyzed. The role of cyber illusions on the process of forming of digital addiction and digital behavior is shown, the risks of extrapolation of virtual entities into the natural environment are traced, leading to profound transformations of consciousness and social actions of young people. It is noted that behavior and communication in the space of the Internet and social networks are characterized by their inconsistency and unpredictability, which affects the social and psycho-emotional states and moral attitudes of individuals.

Keywords: real-virtual student, virtual environment, social networks, digital behavior, digital culture, digital addiction, socialization, illusiveness, psycho-emotional states

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-15-20

Введение

Современные технологии сформировали новый тип человека и обучающегося, которого справедливо именуют цифровым. Очевидно, что изменилось и поведение участников образовательного процесса, в котором стали превалировать информационные черты. В этой связи проблематика исследования особенностей цифрового поведения молодых людей является объективной необходимостью, востребованной реалиями и императивами современной системы образования, испытывающей на себе воздействие информационно-коммуникационных технологий. Современный обучающийся – это сетевой человек, пространство жизни которого наполнено смыслами, обусловленными в значительной степени цифровыми тенденциями и трансформациями. Бытие реально-виртуального индивида и обучающегося протекает в двух мирах – виртуальном и подлинном, и это накладывает на него новые обязательства, в том числе в вопросах выбора соответствующих форм поведения. Речь идет не только и не столько о способах получения цифровой информации, сколько о новом типе деятельности, в котором информация является фактором, обеспечивающим качество и продуктивность человеческого существования. Цифровое поведение в таком понимании является феноменом и образом действия, которым присущи сложность и многоаспектность, отражающиеся на социальных, психологических и эмоциональных состояниях молодых людей. Поведение человека в цифровом контексте может содержать рискованные черты, которые приводят к возникновению последствий негативного характера, обнаруживаемых в реальной жизни и виртуальной реальности. В случае цифровой зависимости (аддикции) данные явления имеют тенденцию к росту, которая расширяет пространство информационного девиантного поведения, а коммуникационные взаимодействия и практики наполняются деструктивным содержанием.

Результаты исследования

Проблема цифрового поведения приобретает все большую актуальность, о чем свидетельствует многообразие научных публикаций, в которых затрагиваются теоретические и практические аспекты исследуемой темы. Подавляющая часть исследователей согласна с тем, что развитие информационных технологий приводит к необходимости исследования феномена цифрового поведения обучающихся и молодежи в целом, жизнь которых в значительной степени протекает в пространстве интернета и социальных сетей, трансформирующих привычные способы общения и взаимодействий. В работах И.В. Абакумова, А.В. Гришина [1], Т. Евдошиной [2], Р.В. Ершовой [3], А.Е. Канаковой [4], А.О. Кравцова [5], И.Н. Погожиной, А.И. Подольского [6] и других рассматриваются различные аспекты проблемы цифрового поведения пользователей социальных сетей: уточняется понятийно-категориальный аппарат, рассматриваются социальные и психоэмоциональные последствия информационного поведения, выявляется их влияние на качество образования и успеваемость обучающихся, исследуются условия, позволяющие выявить составляющие цифрового поведения. Особое внимание обращается на то, что в цифровом поведении отражаются индивидуальные потребности и интересы, которые воздействуют на социальные практики и образ жизни, когнитивные и умственные способности индивидов.

Цифровое поведение относится к разряду явлений, которые отличаются не только своей сложностью, но неопределенностью и непредсказуемостью, что негативно сказывается на коммуникациях – реальных и виртуальных. В этой связи важными являются вопросы овладения цифровой культурой: речь идет не только о способах получения необходимой информации, что представляется крайне важным, поскольку современный человек находится в ситуации избытка информации, которой необходимо умело пользоваться. Он должен развивать в себе «ответственность, самостоятельность, мобильность, стрессоустойчивость, ... критическое, аналитическое, алгоритмическое, проектное и другие виды мышления» [7, с. 41]. В таком контексте цифровое поведение, с одной стороны, является реакцией на процессы усиливающейся цифровизации социума, а с другой – диктуется необходимостью переработки и усвоения цифровой информации, а также новыми требованиями, которые предъявляются реально-виртуальному индивиду. Традиционные практики общения все больше замещаются цифровыми взаимодействиями разного рода. В таких условиях возникают множественные проблемы, связанные с соблюдением норм цифрового поведения и этикета, владением определенными компетенциями и на-

выками, принятием продуцируемых виртуальным миром социально-ценностных и мировоззренческих установок. Данные факторы, вместе взятые, призваны содействовать более успешной цифровой социализации обучающихся и их адаптации к современному образовательному контексту, который находится под серьезным воздействием цифровых технологий.

Современный человек, справедливо названный цифровым или реально-виртуальным, располагается на границе двух миров, что существенно видоизменяет его социальное поведение, которое приобретает разные, в том числе противоположные смыслы и измерения. Расширяется и пространство человеческих проявлений, на характер протекания которых влияют особенности реальной и виртуальной среды. Кардинально изменяется и поведение индивидов, в котором наблюдается симбиоз подлинного и цифрового, которые, находясь в глубоком единстве, трансформируют ткань человеческой жизни и деятельности. Поэтому цифровое поведение можно «рассматривать как полноценный аналог поведения в традиционном понимании этого слова, только в интернет-контексте» [8, с. 54].

Цифровое поведение не сводимо к понятию «пользование интернетом и социальными сетями», им охватывается широкий круг явлений, имеющих отношение к социальным аспектам жизни. Данное обстоятельство свидетельствует о его сложной структуре, которая включает в себя психологические, эмоциональные, интеллектуальные, ценностные, мотивационные составляющие, отражающиеся на восприятии информации и происходящих событий. Изменились и объемы воспринимаемой информации, она становится доступной неизмеримо быстрее, поскольку индивид может и пользуется различными цифровыми каналами, которые характеризуются своей многозначностью и объемом. В этом есть безусловные плюсы, которые касаются возможностей создания креативных форм, содержащих новые смыслы и нарративы и позволяющие по-иному интерпретировать уже известное, наполнять его современным содержанием. Что касается минусов, они заключаются в том, что происходит ослабление внимания, концентрация усилий и ментальных способностей обучающихся оставляет желать лучшего. Кроме того, процесс восприятия информации характеризуется поверхностностью, слабым уровнем критичности, тексты как бы «считываются» и быстрее поглощаются, что, несомненно, отражается на качестве обучения и самого знания. Цифровой индивид оказывается в двойственной позиции, которая не позволяет ему отличить подлинное от виртуального, эстетическое от уродливого. Соответственно, изменяется и понятие вкуса: основным его определителем становятся внешние атрибуты, навязываемые тренды и символы, за которыми нередко скрывается «некрасивость» жизни. Очевидно, что в таких условиях цифровое поведение требует определенной коррекции, потребление реальной и виртуальной информации должно быть сбалансированным и рационально осмысленным, что требует более эффективной адаптации к новым технологическим и социальным условиям.

Не последнюю роль в цифровом поведении играют вопросы, связанные с процессами реальной и виртуальной социализации. Если брать во внимание факт того, что численность пользователей интернета и социальных сетей имеет тенденцию к неуклонному росту, то проблемы сетевой социализации приобретают особую остроту. Сложности реальной жизни, невозможность (или нежелание) преодолевать трудности бытия «толкают» молодых людей в пространство виртуальной реальности, в котором, как представляется многим из них, можно вести себя свободно и безнаказанно. В итоге меняется их поведение как в самом обществе, так и в виртуальной среде. Есть еще одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить внимания. Речь идет о том, что виртуальные практики «уводят» индивида в мир несуществующих сущностей в том числе, в котором возможно осуществление разных фантазий, нереализуемых в естественном мире. Отсюда стремление быть всегда или достаточно часто в интернете и социальных сетях, следствием этого является «расколотое» сознание, которое, как «двуликий Янус», трансформирует бытие человека, его поведение, интересы и стратегии. Особенно велико это воздействие на психику подростков и молодых людей, которые, будучи заражены виртуальностью, оказываются мало приспособленными к реалиям подлинного бытия. Поскольку иллюзии обладают свойством замещать и преувеличивать значимость ирреальных явлений, поведение и образ жизни в интернете становятся более предпочтительными, а цифровые установки – социальные и нравственные – доминирующими. Результатом этого становятся нарушения в процессах социализации и интеграции в реальный контекст, деформации сознания, расстройства психоэмоциональных состояний, делинквентные проявления и т.д.

Самым противоречивым следствием чрезмерности влияния виртуального мира является возникновение феномена цифровой зависимости или аддикции. Ею, как известно, «болеет» большинство молодых пользователей социальных сетей, в результате возникает широкий спектр последствий негативного характера, касающихся практик коммуникаций и общения, которые из виртуальной среды перемещаются в сферу реальности. Так индивид оказывается в сложной и порой неразрешимой ситуации, когда между реальностью и виртуальностью выбор делается в пользу иллюзорных сущностей в том числе. Цифровое поведение характеризуется и тем, что оно в значительной степени диктуется бескрайними возможностями виртуальной среды, которая позволяет представить себя в качестве успешной, состоявшейся и креативной личности, образы которой всегда привлекательны и находят единомышленников, а значит – и сторонников. Мир селфи создает основу для определенного типа поведения или наоборот: цифровой образ жизни предполагает использование практик, с помощью которых индивид воплощает и реализует себя в наилучшем виде. Но цифровая зависимость возникает и по причине того, что электронные инструменты стали жизненной необходимостью, они используются во всех сферах человеческой жизнедеятельности, тем более что государство способствует «искусственной стимуляции перехода достаточно большой доли жизни человека в виртуальное пространство» [9, с. 179].

Следует отметить, что цифровая зависимость, изменяющая поведение и поведенческие стратегии индивидов в реальном мире, является одной из составных частей процесса социализации, значение которой трудно игнорировать. Речь идет о содержащихся позитивных свойствах этой аддикции, воспринимаемой многими в качестве социальной нормы, которая удовлетворяет постоянно растущие потребности и запросы. По мнению многих молодых людей, цифровая зависимость, в отличие от других форм зависимости, не содержит видимых угроз, а значит – не является феноменом, имеющим рискогенное содержание. В таком же контексте рассматривается и воспринимается цифровое поведение, которое становится значимым фактором социализации, поскольку оно связано с практиками, которые способствуют процессам общения, взаимодействия, создают условия для преодоления трендов, формируемых диджитализацией.

Расширение масштабов цифровизации приводит к необходимости рассмотрения вопросов, имеющих отношение к проблематике включенности индивидов в цифровые процессы и коммуникации, которые оказывают непосредственное и опосредованное (латентное) воздействие на цифровое поведение. С одной стороны, молодые люди находятся под прямым влиянием технологий, благодаря которым создаются широкие возможности для возникновения множественных стереотипов и клише, установок и ориентаций, которыми успешно манипулируют. С другой стороны, данное обстоятельство содержит некоторый позитивный смысл, поскольку таким способом индивиды включаются в сложный мир цифровых отношений и находят в нем личное пространство для самореализации. В обоих случаях речь идет о том, что цифровое поведение реагирует соответствующим образом на предлагаемые виртуальным миром возможности, даже если они искусственно создаются для достижения вполне конкретных целей. Поскольку интернет и социальные сети обладают свойствами анонимности, цифровое поведение испытывает на себе ее воздействие. Кроме того, оно выступает своеобразным драйвером, способствующим инкорпорации в реальный и цифровой контекст. Можно предположить, что цифровое – разумное – поведение способствует преодолению узких рамок локальности, вхождению в мир глобальных взаимодействий, что, несомненно, обогащает индивидов социально, ментально, психологически. Одновременно усиливаются процессы, связанные с культурными заимствованиями, которые обогащают и трансформируют социально-культурную и национальную идентичность, наполняют ее содержанием, адекватным требованиям реального и цифрового времени.

Цифровое поведение во многом определяется цифровой культурой, феноменом, возникшим благодаря развитию современных информационных и коммуникационных технологий, которые привели к трансформации культурных процессов и отношений в реальном мире. Одновременное сосуществование и взаимодействие обеих форм культуры отражаются и на специфике цифрового поведения, которое характеризуется двойственностью и противоречивостью. Исследователи отмечают, что присущий цифровизации и цифровой культуре «гипериндивидуализм, дополненный нарциссизмом, причудливо сочетается со специфическим коллективизмом, свойственным “виртуальным общинам”» [10, с. 8]. Такая амбивалентность отражается на цифровом и реальном поведении молодых людей: практики самовы-

ражения получают новое измерение, понятия свободы и ответственности оказываются переосмысленными, морально-этические установки и ценностные ориентации, степень самостоятельности и дисциплинированности – заниженными. В таких условиях проблематика цифрового поведения приобретает особую актуальность и востребованность.

Заключение

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что цифровое поведение молодых людей является фактором, который играет важную роль в процессах реальной и виртуальной социализации и интеграции в социум. Формируясь под воздействием информационно-коммуникационных технологий, цифровое поведение, будучи частью цифровой культуры, испытывает на себе воздействие реальных и виртуальных процессов и отношений. Чрезмерность присутствия в цифровом пространстве порождает феномен цифровой аддикции, которая придает цифровому поведению новые смыслы и содержание, создает пространство рисков, которым особенно подвержены молодые люди, именуемые поколением Z. Одним из негативных последствий цифрового поведения является процесс экстраполяции его особенностей в мир реальных взаимоотношений, в результате чего утрачиваются предъявляемые к личности социальные и нравственные императивы. В итоге происходит распад личности как ответственного и самостоятельного существа.

Список литературы

1. Гришина А.В., Абакумова И.В., Звездина Г.П., Смольянов И.Г. Психологические предикторы рискованного информационного поведения студенческой молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 1–12.
2. Евдошина Т. Виртуальная личность: Net-мышление, сетевой психотип и интернет-фобии. – URL: <https://pandia.ru/text/80/125/1189.php> (дата обращения: 03.01.2025). – Текст: электронный.
3. Ершова Р.В., Плотникова А.Ю. Индивидуально-психологические и когнитивные особенности пользователей социальных сетей // Человеческий капитал. – 2023. – № 11 (179), ч. 2. – С. 90–99.
4. Канакова А.Е. Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность? // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 126–135.
5. Кравцов А.О. Диалектика «сетевой личности» в современном образовательном пространстве // Образовательная динамика сетевой личности: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 января 2019 года. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 15–20.
6. Погужина И.Н., Подольский А.И., Идобаева О.А., Подольская Т.А. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 60–94.
7. Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 40–49.
8. Флеров О.В., Кутайцева О.Н. Цифровое поведение как психолого-педагогический феномен (структурно-содержательный анализ) // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 1 (42). – С. 51–61.
9. Вайсбург А.В. Влияние зависимости от информационных технологий на социализацию личности // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 178–180.
10. Горлова И.И., Зорин А.Л. Цифровая культура в информационном обществе // Культурное наследие России. – 2020. – № 2 (29). – С. 3–9.

References

1. Grishina A.V., Abakumova I.V., Zvezdina G.P., Smol'yanov I.G. Psihologicheskie prediktory riskovannogo informacionnogo povedeniya studencheskoj molodezhi // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 1–12.

2. *Evdoshina T.* Virtual'naya lichnost': Net-myshlenie, setevoy psihotip i internet-fobii. – URL: <https://pandia.ru/text/80/125/1189.php> (data obrashcheniya: 03.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
3. *Ershova R.V., Plotnikova A.Yu.* Individual'no-psihologicheskie i kognitivnye osobennosti pol'zovatelej social'nyh setej // *Chelovecheskij kapital*. – 2023. – № 11 (179), ch. 2. – S. 90–99.
4. *Kanakova A.E.* Chelovek est' cifrovaya lichnost', ili u cheloveka est' cifrovaya lichnost'? // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. – 2024. – T. 8, № 1. – S. 126–135.
5. *Kravcov A.O.* Dialektika «setevoy lichnosti» v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve // *Obrazovatel'naya dinamika setevoy lichnosti: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 29 yanvarya 2019 goda*. – Sankt-Peterburg, 2019. – S. 15–20.
6. *Pogozhina I.N., Podol'skij A.I., Idobaeva O.A., Podol'skaya T.A.* Cifrovoe povedenie i osobennosti motivacionnoj sfery internet-pol'zovatelej // *Voprosy obrazovaniya*. – 2020. – № 3. – С. 60–94.
7. *Grevceva G.Ya.* Cifrovaya socializaciya lichnosti v obrazovatel'noj srede // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*. – 2022. – T. 14, № 1. – S. 40–49.
8. *Flerov O.V., Kutajceva O.N.* Cifrovoe povedenie kak psihologo-pedagogicheskij fenomen (strukturno-soderzhatel'nyj analiz) // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. – 2023. – № 1 (42). – S. 51–61.
9. *Vajsburg A.V.* Vliyanie zavisimosti ot informacionnyh tekhnologij na socializaciyu lichnosti // *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. – 2018. – № 1. – S. 178–180.
10. *Gorlova I.I., Zorin A.L.* Cifrovaya kul'tura v informacionnom obshchestve // *Kul'turnoe nasledie Rossii*. – 2020. – № 2 (29). – S. 3–9.

Статья поступила в редакцию: 04.01.2025

Received: 04.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

УДК 159.9.316.6

УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ У СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Дмитриева Марина Александровна¹,

канд. психол. наук, доцент,
e-mail: mdmitrieva@muiiv.ru,

Кренева Юлия Анатольевна¹,

канд. психол. наук,
e-mail: burd73@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье приводятся результаты исследования структуры учебной мотивации студентов, обучающихся на психолого-педагогическом направлении, с разной степенью выраженности у них социальной креативности. Для реализации исследования были применены такие психодиагностические методики, как «Определение социальной креативности личности» Н.П. Фетискина и «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» А.А. Реана и В.А. Якунина, в качестве методов математико-статистического анализа были использованы одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова и непараметрический U-критерий Манна – Уитни. В исследовании приняли участие 42 респондента. Для реализации целей исследования из выборки были выделены три группы респондентов с разным уровнем социальной креативности. Гипотеза о существовании статистически значимых различий в структуре учебной мотивации респондентов с разным уровнем социальной креативности была полностью подтверждена, а также была выявлена специфика структуры учебной мотивации каждой группы респондентов. Результаты исследования могут быть использованы при организации психологического сопровождения студентов психологических факультетов, а также при разработке соответствующих учебных курсов и дисциплин.

Ключевые слова: креативность, социальная креативность, мотив, учебная мотивация, студенты психологических факультетов, психологическое тестирование, выраженность мотивов

EDUCATIONAL MOTIVATION AMONG STUDENTS OF PSYCHOLOGY DEPARTMENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SOCIAL CREATIVITY

Dmitrieva M.A.¹,

candidate of psychological sciences, associate professor,
e-mail: mdmitrieva@muiiv.ru,

Kreneva Yu.A.¹,

candidate of psychological sciences,
e-mail: burd73@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

The article presents the results of a study of the structure of educational motivation of students studying in the psychological and pedagogical area, with varying degrees of expression of their social creativity. In order to implement the study, such psychodiagnostic methods as “Determining the social creativity of a personality” by N.P. Fetiskin and “Studying the motives of students’ learning activities” by A.A. Rean and V.A. Yakunin were used. The single-sample Kolmogorov-Smirnov criterion and the nonparametric U-Mann-Whitney criterion were used as methods of mathematical and statistical analysis. The study involved 42 respondents. In order to achieve the goals of the study, three groups of respondents with different levels of social creativity were identified from the sample. The hypothesis of the existence of statistically significant differences in the structure of educational motivation of respondents with different levels of social creativity was fully confirmed, and the specificity of

the structure of educational motivation of each group of respondents was revealed. The results of the study can be used in organizing psychological support for students of psychology departments, as well as in developing relevant courses and disciplines.

Keywords: creativity, social creativity, motive, educational motivation, students of psychology faculties, psychological testing, severity of motives

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-21-30

Введение

Учебная деятельность современных студентов происходит в условиях перехода на новые модели обучения. Вводятся новые профессии и специальности, изменяются формы и организация занятий, внедряются новые образовательные стандарты и педагогические технологии. Всё это требует от студента смены многих стереотипов поведения и деятельности. И принципа простого приспособления к изменяющемуся и динамическому социуму и процессу совершенно недостаточно, чтобы студенческий период и ситуация вузовского обучения стали этапом получения нового опыта в построении социальных отношений, который пригодится современному человеку в последующей профессиональной и личной жизнедеятельности. Необходимо творческое приспособление, а это особый род умений, труда и поиска.

Анализ накопленных к настоящему времени психологических знаний в отношении творческого потенциала личности указывает на то, что имеющиеся подходы к изучению такого феномена человеческой активности, как креативность, в основном, сосредоточены на интеллектуальной его природе [1–6]. Трактовка креативности с позиции ее связи с умственными способностями и талантами человека была необоснованно распространена и на исследование других видов творческих способностей, не лежащих в предметной плоскости. Задача оптимизации межличностного взаимодействия, задействующая социальный контекст, поднимает вопрос о креативном (нестандартном) поведении в тех или иных общественных, учебных и профессиональных ситуациях. Оно определенно имеет свою специфику, изучение которой сегодня является востребованным современной социокультурной реальностью.

С учётом всего вышесказанного нами было спланировано и реализовано исследование, имеющее своей целью изучение особенностей мотивации учебной деятельности студентов с различным уровнем социальной креативности. Задачами нашего исследования стали определение уровня социальной креативности студентов, выявление их мотивов учебной деятельности, а также сравнительный, количественный и качественный анализ мотивов учебной деятельности студентов с разным уровнем социальной креативности. Для достижения поставленной цели и решения вышеназванных задач нами было разработано и проведено эмпирическое исследование, включающее в себя следующие методы: анализ специализированной научной литературы в рамках изучаемой проблематики; психологическое тестирование; анализ полученных в результате тестирования эмпирических данных с применением методов математической статистики.

Понятия социальной креативности и учебной мотивации в психологии

Изучение специализированной научной литературы, посвящённой вопросам креативности, позволило сделать вывод о том, что внимание вопросам креативности, в том числе связи креативности с мотивацией к усвоению новой информации, уделяется в работах как отечественных (Н.Ф. Вишнякова [7], А.А. Воронкова, Н.А. Чайковская [8], Е.В. Дворникова, Ю.Н. Зарубина [9], Е.С. Ермакова [10] и др.), так и зарубежных (Г. Линдсей, К.С. Халл, Р.Ф. Томпсон¹, К.Дж. Мейкер [11], М. Чиксентмихайи [12] и др.) специалистов.

¹ Линдсей Г., Халл К.С., Томпсон Р.Ф. Творческое и критическое мышление // Общая психология: хрестоматия: учебное пособие / сост. Л.Б. Бровина, Т.А. Сергеева. – 2-е изд., испр. – Москва: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2008. – С. 115–121.

При этом отечественные психологи редко используют в своих трудах термин «социальная креативность». Чаще всего способность к творчеству в социальном контексте определялась терминами «коммуникативная креативность», «креативность в сфере общения» и др. Так, в частности, Н.А. Тюрмина и К.М. Романов предлагают использовать термин «социально-психологическая креативность», объясняя это тем, что он может более полно отразить специфику изучаемого феномена [13].

Работы зарубежных психологов отражают социальную креативность в проработанном определении «социального интеллекта» (Дж. Гилфорд, Р. Стернберг), «коммуникативной компетентности» и «социальной одарённости» (С. Грейс, Р. Томассони) [4]. В частности, в данном Э. Фроммом определении креативности как способности удивляться и познавать, умении находить решения в нестандартных ситуациях, нацеленности на открытие нового и способности к глубокому осознанию своего собственного опыта, заметна необходимость и важность более широкой трактовки данного личностного феномена [13].

Как в отечественной, так и в зарубежной психологии нет единого подхода к сущности, природе и структуре мотивации несмотря на то, что она являлась предметом рассмотрения многих ученых.

Содержание мотива как центрального понятия мотивационных теорий также неоднозначно. В психологии мотив связывается не только с функцией побуждения, но и с направленностью деятельности, регуляционной, смыслообразующей ее составляющей [14]. Структура мотивации, характеризующаяся иерархической соподчиненностью, полимотивированным характером, поливалентностью мотивов по отношению к потребностям и взаимозаменяемостью, складывается под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Мотивы, лежащие в основе учебной деятельности, могут делать ее более осознанной и целенаправленной [4; 15]. Таким образом, мотивация оказывает влияние как на сам образовательный процесс, так и на результат обучения.

Организация и методы исследования

С целью изучения особенностей мотивации учебной деятельности студентов с различным уровнем социальной креативности нами было реализовано исследование. В качестве респондентов в исследовании приняли участие 42 студента очной и очно-заочной форм обучения направления подготовки «Психолого-педагогическое образование», обучающихся на втором и третьем курсах в Академии психологии и педагогики ЮФУ, филиале Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону. Перед началом проведения исследования нами было сделано гипотетическое предположение о наличии различий в мотивах учебной деятельности у студентов с разным уровнем социальной креативности.

Для проверки гипотезы в ходе реализации исследования были использованы следующие психодиагностические методики: «Определение социальной креативности личности» (Н.П. Фетискин и др.) [16] и «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» А.А. Реана и В.А. Якунина [14].

С целью проверки эмпирических данных на нормальность распределения нами был применен одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова, результаты которого показали распределение данных в обследованной выборке, значительно отличающееся от нормального, о чём свидетельствует тот факт, что величина вероятности принадлежности выборки к генеральной совокупности с нормальным распределением по большинству шкал проведенных тестов ничтожно мала ($p \leq 0,05$). Исходя из полученных результатов, было принято решение о применении методов непараметрической статистики для сравнения средних показателей групп респондентов с разным уровнем социальной креативности. Таким образом, для сравнения данных, полученных для групп респондентов с разным уровнем социальной креативности, был применен непараметрический U-критерий Манна – Уитни для сравнения двух независимых выборок. Математико-статистический анализ данных был реализован с применением стандартных компьютерных программ “Microsoft Excel 10.0” и SPSS 20.0 for Windows – Statistical Package for the Social Science (статистический пакет для социальных наук)².

В результате математического анализа нами были выделены 5 групп респондентов с разным уровнем социальной креативности. Так, с низким уровнем креативности было выявлено 2,4 % студентов-психологов, с уровнем ниже среднего – 4,8 %, со средним уровнем социальной креативности –

² Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. – Санкт-Петербург: Питер, 2013. – 416 с.

28,6 %, с уровнем выше среднего – 35,6 % и с высоким уровнем социальной креативности – 28,6 % респондентов. Результаты указанного разделения выборки представлены на рисунке 1.

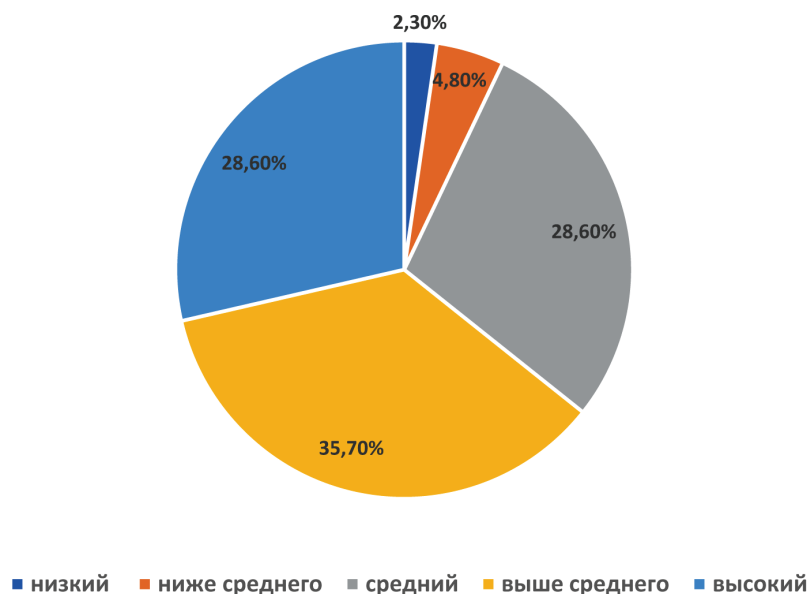

Рисунок 1 – Уровни социальной креативности

На диаграмме, представленной на рисунке 1, видно, что группы респондентов с низким и ниже среднего уровнями социальной креативности значительно меньше трёх остальных групп. В связи с чем было принято решение о включении в исследование только респондентов со средним, выше среднего и высоким уровнями социальной креативности.

Мы можем предполагать, что практическое отсутствие респондентов с низким (2,4 % выборки) и ниже среднего (4,8 % выборки) уровнями социальной креативности связано со спецификой выбранной будущей сферы профессиональной деятельности, предполагающей постоянный и непосредственный контакт с людьми. Поскольку социальная креативность – качество не статичное, а имеющее тенденцию к развитию, вследствие накопления социального опыта, то люди, работающие в социоэкономической сфере, имеют возможность повышать свой уровень социальной креативности.

Таким образом, в исследование нами были включены респонденты:

- со средним уровнем социальной креативности (28,6 % выборки), для которых характерны продуктивность мышления, способность к прогнозированию, умение использовать социальный интеллект при решении социальных задач;
- с уровнем социальной креативности выше среднего (35,6 % выборки), у которых отмечаются развитый социальный интеллект и социальная компетентность, позволяющие ориентироваться в социальных отношениях, способность к постановке и решению различных социальных задач, умение комбинировать различные элементы социальной реальности, наличие социальных представлений и умение оперировать этими представлениями в повседневной жизни;
- с высоким уровнем социальной креативности (28,6 % выборки), проявляющимся в активном социальном познании, в поиске различных способов взаимодействия с социумом, социальном интересе, побуждающем к жизненной активности и творческому отношению к жизненным процессам.

Анализ результатов исследования учебной мотивации студентов с разным уровнем социальной креативности

Для определения структуры мотивов учебной деятельности студентов-психологов нами использовалась методика «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» А.А. Реана и В.А. Якуни-

на [14]. Эмпирические данные были усреднены и отражены диаграммой, представленной на рисунке 2, что позволило выявить структуру учебной мотивации всех респондентов до разделения выборки на группы по уровню социальной креативности.

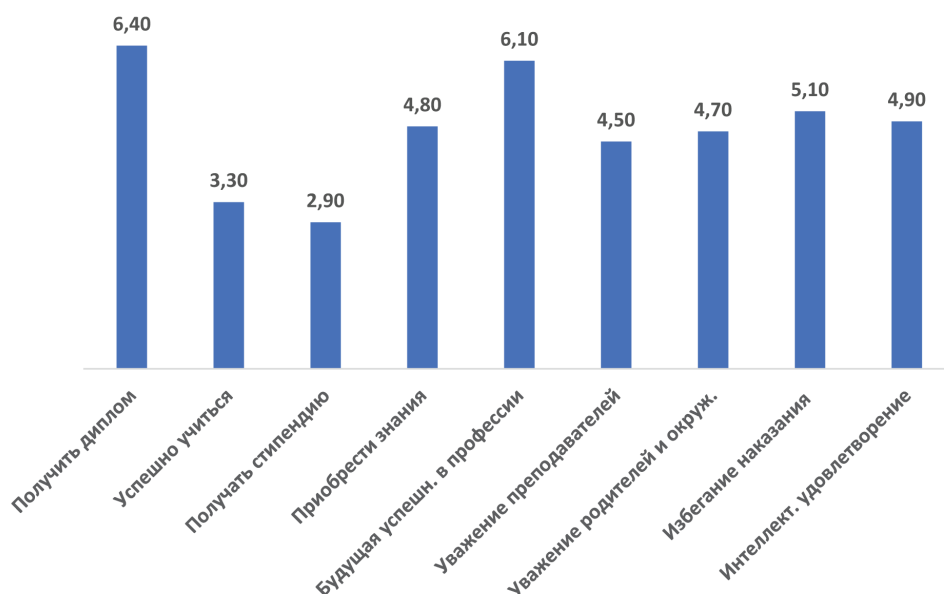

Рисунок 2 – Выраженность мотивов учебной деятельности студентов (вся выборка)

На представленной диаграмме видно, что ведущими у студентов-психологов являются профессиональные мотивы и мотивы интереса к учению, такие как стремление к получению диплома и обеспечение себе успешной профессиональной карьеры после окончания вуза, которые и детерминируют учебную деятельность на данном этапе обучения.

На рисунке 3 диаграммой представлена структура мотивации учебной деятельности в трёх сравниваемых группах респондентов с разным уровнем социальной креативности.

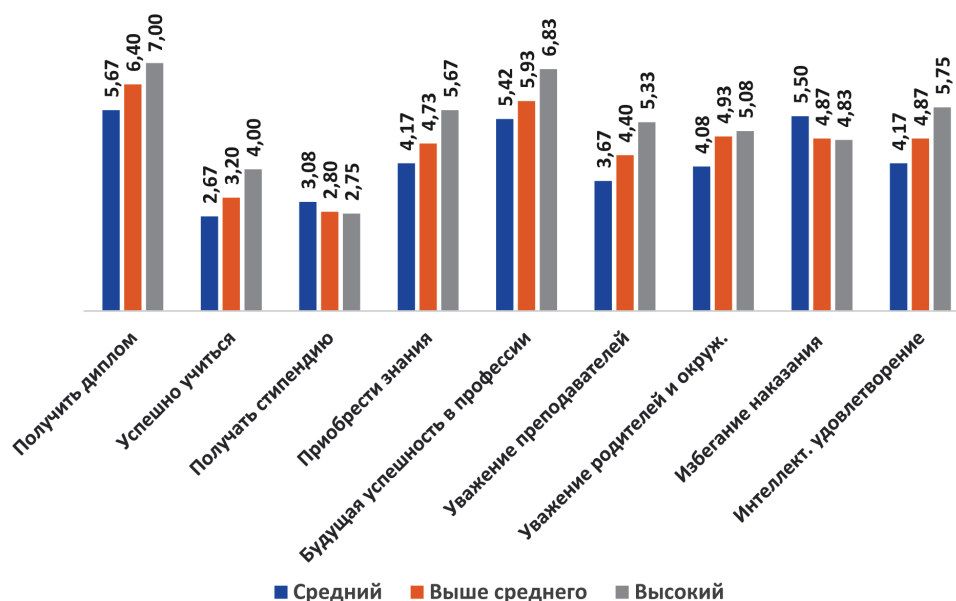

Рисунок 3 – Выраженность мотивов учебной деятельности студентов (по группам с разной социальной креативностью)

На диаграмме, представленной на рисунке 3, визуально видно, что респонденты с высоким уровнем социальной креативности более остальных мотивированы получить документ об окончании вуза, обеспечить себе профессиональную карьеру в будущем, получая в процессе успешной учёбы качественные знания и интеллектуальное удовлетворение. Менее остальных эти респонденты стремятся к получению стипендии и их не особенно тревожит возможность стороннего осуждения и наказания за неудачи в учёбе.

У респондентов с уровнем социальной креативности выше среднего в целом структура учебной мотивации совпадает со структурой учебной мотивации респондентов с высокой социальной креативностью, но выражена несколько слабее, при этом респонденты с уровнем социальной креативности выше среднего больше респондентов с высокой социальной креативностью опасаются осуждения и наказания, а также больше, чем респонденты с высокой социальной креативностью, настроены на получение стипендии.

В группе студентов со средним уровнем социальной креативности мотивы избегания наказания и получения стипендии выражены больше, чем у респондентов, включённых в две другие группы. Все остальные мотивы по структуре совпадают с двумя другими группами, но выражены слабее, чем у остальных.

Для более точного сравнения групп респондентов с разным уровнем социальной креативности был применен непараметрический U-критерий Манна – Уитни для двух независимых выборок, позволивший попарно сравнить выраженность и специфику учебной мотивации в группах респондентов с разным уровнем выраженности социальной креативности и сделать выводы о наличии и специфике статистически достоверных различий в структуре их учебной мотивации.

Результаты математико-статистического анализа, осуществлённого с применением вышеуказанного критерия, представлены в таблицах 1, 2 и 3.

В таблице 1 представлены результаты сравнительного анализа групп респондентов со средним и выше среднего уровнями развития социальной креативности.

Таблица 1 – Статистически значимые различия в мотивах учебной деятельности у студентов-психологов со средним и выше среднего уровнями социальной креативности (U-критерий Манна – Уитни)

Мотив учебной деятельности	Уровень соц. креативности	Σ	U	p
Получение диплома	Средний	5,67	36,000	0,002**
	Выше среднего	6,40		
Приобретение знаний	Средний	4,17	48,500	0,024*
	Выше среднего	4,73		
Уважение преподавателей	Средний	3,67	51,000	0,042*
	Выше среднего	4,40		
Уважение родителей и окружающих	Средний	4,08	31,000	0,001**
	Выше среднего	4,93		
Избегание наказания	Средний	5,50	46,000	0,020*
	Выше среднего	4,87		
Интеллектуальное удовлетворение	Средний	4,17	41,500	0,009**
	Выше среднего	4,87		

Различия достоверны на уровне: ** – 0,01; * – 0,05.

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что выявлено шесть различий, три из которых на среднем и три на высоком уровнях статистической достоверности. Так, на высоком уровне статистической значимости выявлены различия в отношении таких трёх мотивов, как получение диплома ($p = 0,002^{**}$), стремление добиться уважения родителей и окружающих ($p = 0,001^{**}$) и получение интеллектуального удовлетворения от процесса учёбы ($p = 0,009^{**}$). Кроме того, на среднем уровне статистической значимости выявлены различия в отношении таких трёх мотивов, как желание приобрести глубокие и прочные знания ($p = 0,024^{*}$), стремление достичь уважения преподавателей

($p = 0,042^*$) и желание избежать осуждения и наказания за плохую учебу ($p = 0,020^*$). Обращает на себя внимание тот факт, что пять из вышеперечисленных мотивов у респондентов с уровнем социальной креативности выше среднего выражены сильнее, чем у респондентов со средним уровнем социальной креативности, кроме мотива «избегание осуждения и наказания за плохую учебу», который выражен сильнее у респондентов со средним уровнем социальной креативности.

В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа групп респондентов с высоким и выше среднего уровнями развития социальной креативности.

Таблица 2 – Статистически значимые различия в мотивах учебной деятельности у студентов-психологов с высоким и выше среднего уровнями социальной креативности (U-критерий Манна – Уитни)

Мотив учебной деятельности	Уровень соц. креативности	Σ	U	p
Получение диплома	Выше среднего	6,40	36,000	0,001**
	Высокий	7,00		
Успешная учёба	Выше среднего	3,20	42,000	0,012*
	Высокий	4,00		
Приобретение знаний	Выше среднего	4,73	43,000	0,017*
	Высокий	5,67		
Будущая успешность в профессии	Выше среднего	5,93	30,000	0,001**
	Высокий	6,83		
Уважение преподавателей	Выше среднего	4,40	38,000	0,008**
	Высокий	5,33		
Интеллектуальное удовлетворение	Выше среднего	4,87	40,500	0,012*
	Высокий	5,85		

Различия достоверны на уровне: ** – 0,01; * – 0,05.

Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что выявлено шесть различий, три из которых на среднем и три на высоком уровнях статистической достоверности. Так, на высоком уровне статистической значимости выявлены различия в отношении таких трёх мотивов, как получение диплома ($p = 0,001^{**}$), обеспечение успешности будущей профессиональной деятельности ($p = 0,001^{**}$) и стремление достичь уважения преподавателей ($p = 0,008^{**}$). Кроме того, на среднем уровне статистической значимости выявлены различия в отношении таких трёх мотивов, как успешная учёба, позволяющая сдавать экзамены на «4» и «5» ($p = 0,012^*$), желание приобрести глубокие и прочные знания ($p = 0,017^*$) и получение интеллектуального удовлетворения от процесса учёбы ($p = 0,012^*$). Следует также отметить тот факт, что все шесть вышеперечисленных мотивов у респондентов с высоким уровнем социальной креативности выражены сильнее, чем у респондентов с уровнем социальной креативности выше среднего.

В таблице 3 представлены результаты сравнительного анализа групп респондентов со средним и высоким уровнями развития социальной креативности.

Таблица 3 – Статистически значимые различия в мотивах учебной деятельности у студентов-психологов со средним и высоким уровнями социальной креативности (U-критерий Манна – Уитни)

Мотив учебной деятельности	Уровень соц. креативности	Σ	U	p
Получение диплома	Средний	5,67	0,000	0,000***
	Высокий	7,00		
Успешная учёба	Средний	2,67	20,000	0,002**
	Высокий	4,00		
Приобретение знаний	Средний	4,17	25,500	0,005**
	Высокий	5,67		
Будущая успешность в профессии	Средний	5,42	12,000	0,000***
	Высокий	6,83		

Уважение преподавателей	Средний	3,67	12,500	0,000***
	Высокий	5,33		
Уважение родителей и окружающих	Средний	4,08	32,000	0,014*
	Высокий	5,08		
Интеллектуальное удовлетворение	Средний	4,17	20,000	0,002**
	Высокий	5,85		

Различия достоверны на уровне: *** – 0,00; ** – 0,01; * – 0,05.

Данные, представленные в таблице 3, показывают, что выявлено семь различий, три из которых на очень высоком, три на высоком и одно на среднем уровнях статистической достоверности. Так, на очень высоком уровне статистической значимости выявлены различия в отношении таких трёх мотивов, как получение диплома ($p = 0,000***$), обеспечение успешности будущей профессиональной деятельности ($p = 0,000***$) и стремление достичь уважения преподавателей ($p = 0,000***$). На высоком уровне статистической значимости выявлены различия в отношении таких трёх мотивов, как успешная учёба, позволяющая сдавать экзамены на «4» и «5» ($p = 0,002**$), желание приобрести глубокие и прочные знания ($p = 0,005**$) и получение интеллектуального удовлетворения от процесса учёбы ($p = 0,002**$). На среднем уровне статистической значимости выявлены различия в отношении такого мотива, как стремление добиться уважения родителей и окружающих ($p = 0,0014*$). При этом все семь вышеперечисленных мотивов у респондентов с высоким уровнем социальной креативности выражены сильнее, чем у респондентов со средним уровнем социальной креативности.

Заключение

Сравнительный анализ данных трёх групп студентов психологических факультетов с разным уровнем социальной креативности позволяет говорить о том, что, чем выше уровень социальной креативности студентов психологических факультетов, тем более значимыми для них выступают мотивы получения диплома о высшем образовании, достижения уважения со стороны преподавателей, приобретения прочных и глубоких знаний, успешности учёбы и получения от этого процесса интеллектуального удовлетворения, а также перспективы построения успешной профессиональной карьеры в будущем, что может объясняться более выраженным стремлением этой категории респондентов к самореализации в выбранном направлении деятельности, к получению удовольствия как от процесса деятельности, так и от своих учебных и профессиональных достижений.

Для респондентов с наименее выраженной социальной креативностью, находящейся на среднем уровне, более значимы мотивы получения признания со стороны родителей и окружающих, а также избегания наказания за неуспешность в учёбе, что свидетельствует об их ориентированности, в первую очередь, не на собственное развитие и самореализацию, а на внешние оценки и избегание негативной обратной связи от значимого социального окружения.

Таким образом, наша гипотеза о наличии статистически достоверных различий в структуре учебной мотивации студентов психологических факультетов с разным уровнем социальной креативности полностью подтвердилась. Кроме того, была выявлена качественная специфика структуры учебной мотивации респондентов с разным уровнем социальной креативности.

Полученные результаты могут найти своё применение в практической работе специалистов, осуществляющих психологическое сопровождение учебного процесса студентов, а также могут быть учтены при разработке учебных материалов, применяемых в процессе обучения студентов психологического и психолого-педагогического направлений.

Список литературы

1. Боровинская Д.Н. Зарубежный опыт исследований креативности в XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 348. – С. 42–46.

2. Боно Э. Серьезное творческое мышление / пер. с англ. Д.Я. Онацкая. – Минск: Попурри, 2005. – 416 с.
3. Любард Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности: пер. с фр. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 215 с.
4. Чичук Е.Ю. Побудительные основания социальной креативности личности (на материале соционических профессий): дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Краснодар, 2006. – 220 с.
5. Boden M.A. The creative mind: Myths and mechanisms. – Second edition. – Routledge Taylor and Francis Group London and New York, 2004. – 344 p.
6. Michael J.J., Michael W.B. Book Reviews: J.P. Guilford. Intelligence, Creativity, and Their Educational Implications // Educational and Psychological Measurement. – 1969. – Vol. 29, No. 4. – P. 1013–1015.
7. Вишнякова Н.Ф. Креативная психопедагогика: психология творческого обучения. – Минск, 1995. – 239 с.
8. Воронкова А.А., Чайковская Н.А. Развитие социальной креативности – необходимое условие формирования профессиональной зрелости предпринимателя // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 7-2. – С. 366–370.
9. Дворникова Е.В., Зарубина Ю.Н. Социальная креативность личности студентов направления «социальная работа» как необходимое условие их профессиональной компетентности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – № 3. – С. 142–146.
10. Ермакова Е.С. Социальная креативность студентов различных направлений профессиональной подготовки // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2019. – № 2. – С. 87–99.
11. Мейкер К.Дж. Проект «Дискавер»: Интегрируя креативность, интеллект и решение проблем // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2, № 4. – С. 102–112.
12. Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений / пер. с англ. И. Ющенко. – Москва: Карьера Пресс, 2013. – 528 с.
13. Романов К.М., Тюрмина Н.А. Особенности социально-психологической креативности // Интеграция образования. – 2003. – № 2. – С. 131–138.
14. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 512 с.
15. Ильиных А.Е. Социальная креативность личности: психологическая структура // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 3. – С. 74–77.
16. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. – 720 с.

References

1. Borovinskaya D.N. Zarubezhnyj opyt issledovaniy kreativnosti v XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 348. – S. 42–46.
2. Bono E. Ser'eznoe tvorcheskoe myshlenie / per. s angl. D.Ya. Onackaya. – Minsk: Popurri, 2005. – 416 s.
3. Lyubard T., Mushiru K., Tordzhman S., Zenasni F. Psihologiya kreativnosti: per. s fr. – Moskva: Kogito-Centr, 2009. – 215 s.
4. Chichuk E.Yu. Pobuditel'nye osnovaniya social'noj kreativnosti lichnosti (na materiale sociionomicheskikh professij): dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.01. – Krasnodar, 2006. – 220 s.
5. Boden M.A. The creative mind: Myths and mechanisms. – Second edition. – Routledge Taylor and Francis Group London and New York, 2004. – 344 r.
6. Michael J.J., Michael W.B. Book Reviews: J.P. Guilford. Intelligence, Creativity, and Their Educational Implications // Educational and Psychological Measurement. – 1969. – Vol. 29, No. 4. – P. 1013–1015.
7. Vishnyakova N.F. Kreativnaya psihopedagogika: psihologiya tvorcheskogo obucheniya. – Minsk, 1995. – 239 s.
8. Voronkova A.A., Chajkovskaya N.A. Razvitie social'noj kreativnosti – neobhodimoe uslovie formirovanie professional'noj zrelosti predprinimatel'ya // Fundamental'nye issledovaniya. – 2015. – № 7-2. – S. 366–370.
9. Dvornikova E.V., Zarubina Yu.N. Social'naya kreativnost' lichnosti studentov napravleniya «social'naya rabota» kak neobhodimoe uslovie ih professional'noj kompetentnosti // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. – 2019. – № 3. – С. 142–146.

10. *Ermakova E.S.* Social'naya kreativnost' studentov razlichnyh napravlenij professional'noj podgotovki // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. – 2019. – № 2. – С. 87–99.
11. *Mejker K.Dzh.* Proekt «Diskaver»: Integriruya kreativnost', intellekt i reshenie problem // Psihologiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki. – 2005. – Т. 2, № 4. – С. 102–112.
12. *Chiksentmihaji M.* Kreativnost'. Potok i psihologiya otkrytij i izobretenij / per. s angl. I. Yushchenko. – Moskva: Kar'era Press, 2013. – 528 s.
13. *Romanov K.M., Tyur'mina N.A.* Osobennosti social'no-psihologicheskoy kreativnosti // Integraciya obrazovaniya. – 2003. – № 2. – С. 131–138.
14. *Il'in E.P.* Motivaciya i motivy. – Sankt-Peterburg: Piter, 2002. – 512 s.
15. *Il'inyh A.E.* Social'naya kreativnost' lichnosti: psihologicheskaya struktura // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. – 2011. – Т. 11, № 3. – С. 74–77.
16. *Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P.* Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'yx grupp. – 2-e izd., dop. i pererab. – Moskva: Institut psihoterapii i klinicheskoy psihologii, 2018. – 720 s.

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025

Received: 31.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

УДК 378.147

КУРС «РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ» В ВУЗЕ В КОНТЕКСТЕ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Жулева Мария Игоревна¹,
e-mail: zhuleva.mariya@mail.ru,

¹Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Представленная статья посвящена проблеме подготовки обучающихся педагогического вуза к будущей профессии. Целью исследования является поиск эффективных методических приемов работы со студентами в практике проведения цикла воспитательно-образовательных мероприятий «Разговоры о важном». Объектом исследования выступает процесс подготовки будущих педагогов к осуществлению воспитательной деятельности в условиях современной школы. Предметом исследования – приобретение студентами опыта проведения занятий в рамках проекта «Разговоры о важном». Приведены результаты опытной работы с обучающимися 3-го курса филологического факультета. В статье обозначены концептуальные основы преподавания курса будущим педагогам, выделены основные проблемы, возникающие в практике проведения занятий. Приобретение студентами опыта проведения воспитательно-образовательных мероприятий может способствовать более успешной реализации подобных занятий в рамках педагогической практики, в перспективе – в будущей профессиональной деятельности, связанной с обучением и воспитанием школьников. Материалы статьи могут представлять интерес для студентов и преподавателей вузов, представителей методических объединений.

Ключевые слова: разговоры о важном, воспитательная деятельность, патриотическое воспитание, педагогическое образование, педагогическая практика, профессиональная деятельность

THE COURSE “CONVERSATIONS ABOUT THE IMPORTANT THINGS” IN THE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF THE FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF A TEACHER

Zhuleva M.I.¹,
e-mail: zhuleva.mariya@mail.ru,

¹Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

The article is devoted to the problem of training students of a pedagogical university for their future profession. The purpose of the study is to find effective methodological techniques for working with students in the practice of conducting a cycle of educational events “Conversations about the Important Things”. The object of the study is the process of preparing future teachers to carry out educational activities in the conditions of a modern school. The subject of the study is the acquisition by students of the experience of conducting classes within the framework of the “Conversations about the Important Things” project. The article presents the results of experimental work with 3rd year students of the Philological Faculty. The article outlines the conceptual foundations of teaching the course to future teachers, highlights the main problems that arise in the practice of conducting classes. Students’ acquisition of experience in conducting educational and upbringing activities can contribute to more successful implementation of such classes within the framework of the upcoming pedagogical practice, in the long term - in future professional activities related to the training and education of schoolchildren. The materials presented in the article may be of interest to students and teachers of higher education institutions, representatives of methodological associations.

Keywords: conversations about important things, educational activities, patriotic education, pedagogical education, pedagogical practice, professional activity

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-31-36

Введение

В современных условиях вопросы воспитания, формирования у подрастающего поколения базовых национальных ценностей, системы знаний о родной стране становятся приоритетным направлением государственной политики в сфере образования [1; 2]. В российском обществе происходит осознание важности и необходимости особого внимания к формированию личности патриота и гражданина. Одной из реализуемых мер, направленных на воспитание молодежи, является новый проект «Разговоры о важном», который стал обязательным для освоения в образовательных организациях на территории Российской Федерации.

Вопросам преподавания курса «Разговоры о важном» на различных уровнях образования посвящены труды многих современных исследователей образования: Н.Ф. Виноградовой [3], В.О. Гусаковой [4], В.М. Толмачевой, Н.В. Амелиной [5], Е.А. Амраховой [6], И.А. Журавлевой [7] и др.

Проект «Разговоры о важном» направлен на развитие ценностного отношения подрастающего поколения к своей родине, ее истории, природным и культурным богатствам¹. Занятия с обучающимися проводятся в форме беседы, затрагивающей важные аспекты жизни человека в современном обществе. Данный курс внеурочной деятельности раскрывает уникальную возможность для формирования и развития гражданско-патриотических качеств у подрастающего поколения [8, с. 51]. В рамках проекта происходит популяризация достижений известных людей, знакомство с памятными датами российской истории («День героев Отечества»), общественными процессами («Как пишут законы?»), достижениями современной науки и техники («Искусственный интеллект и человек»). В рамках указанных тем, помимо воспитания ценностного отношения к родной стране, происходит обогащение системы знаний обучающихся о ее значимых достижениях.

В поле зрения «Разговоров о важном» находятся темы, связанные с духовно-нравственными ценностями. Так, осенью 2024 года для обсуждения с обучающимися предлагались темы «Что значит быть взрослым?», «Как создать крепкую семью?», «Миссия – милосердие. Ко Дню волонтера» и др. Например, рассмотрение вопросов духовно-нравственного развития личности в рамках темы «Как создать крепкую семью?» способствует приобщению подрастающего поколения к базовым национальным ценностям, позволяет осознать значимость семьи в жизни каждого человека. Как отмечает О.В. Бурляева, успешность организации «Разговоров о важном» во многом зависит от педагога, который должен уметь использовать жизненный опыт и взаимодействовать с обучающимися, вызывая у них эмоциональный отклик [9, с. 21]. По мнению современных исследователей, приступить к подготовке к реализации курса будущим учителям целесообразно еще в период обучения в вузе [10, с. 2]. В связи с этим особую значимость «Разговоры о важном» приобретают в контексте работы со студентами педагогического университета, которым предстоит проводить подобные занятия со школьниками. Сначала обучающиеся вуза получают опыт частичной реализации курса при прохождении производственной практики, а затем организуют его полностью в рамках профессиональной деятельности.

Целью исследования является поиск, обоснование и совершенствование образовательных, психолого-педагогических и дидактических методических приемов работы с учащейся аудиторией, которые могли бы принести желаемые результаты в виде прочно усвоенных знаний, сформированных умений и навыков, а также определенных ценностей и идеалов в процессе изучения курса-дисциплины «Разговоры о важном».

Основные проблемы реализации курса

В Оренбургском педагогическом университете с будущими педагогами каждый понедельник проводятся «Разговоры о важном». Ввиду отсутствия специальных материалов, предназначенных для обучающихся вузов, основой для занятия служат материалы, предусмотренные для студентов среднего профессионального образования².

¹ Письмо Министерства просвещения России от 15.08.2022 № 03-1190 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации цикла внеурочных занятий “Разговоры о важном”»). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/351615213> (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.

² Разговоры о важном. – URL: <https://razgovor.edsoo.ru/> (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.

По мысли М.Г. Ямбаевой, детская и молодежная аудитории легко подвержены манипуляциям, являются информационно уязвимыми [11, с. 77]. В связи с этим основной проблемой проведения «Разговоров о важном» в студенческой аудитории следует признать психологическую составляющую. В отличие от школьника, у которого процесс формирования жизненных ориентиров находится на стадии формирования и может поддаваться влиянию, студент обладает более устойчивой определенной системой ценностей и взглядов. Поэтому при проведении «Разговора о важном» преподаватель не должен прибегать к авторитарному стилю, транслировать информацию в формате обязательной лекции. Необходимо предоставить возможность студенту выступить в роли участника разговора. Опыт взаимодействия со студентами 3-го курса показывает, что оптимальной является форма доверительного общения, при которой каждый обучающийся имеет возможность высказать собственное мнение, поделиться возникающими мыслями. Приведем примеры из практики реализации серии «Разговоров о важном» в образовательном пространстве университета, проведенных в период ноября-декабря 2024 года со студентами 3-го курса, обучающимися по двум профилям подготовки – «Русский язык» и «Начальное образование».

На занятии «Твой вклад в общее дело» студентам было предложено привести примеры из личного опыта. В ходе обсуждения был рассмотрен пример реализации общего дела – совместной деятельности будущих педагогов в рамках учебного процесса. Так, студентами выполнялись групповые проекты по языкознанию в ходе освоения дисциплины «Методы исследовательской деятельности». Обучающимся третьего курса предлагалось рассказать о распределении обязанностей для организации более эффективной работы над проектом. При обсуждении выяснилось, что одним студентом проводился анализ научной литературы, разработка теоретической составляющей исследования. Вторым участником группы осуществлялась разработка диагностического инструментария. В зависимости от выбранной темы проводилось составление анкет, вопросов для беседы с респондентами и т.п. Третьим студентом выполнялся анализ полученных результатов, описание хода проведения исследования. Подведение итогов, формулирование результатов, написание заключительной части происходило совместно, обучающиеся обсуждали результаты проведенного исследования в целом. Таким образом, каждый участник группы внес вклад в общее дело – продукт, выступивший результатом совместной деятельности.

При обсуждении темы «С заботой к себе и окружающим» студенты в качестве примера из жизни привели опыт работы над проектами в рамках курса «Обучение служением», когда обучающиеся на безвозмездной основе выполняют социально значимый проект [12, с. 278]. Некоторые студенты рассказали об участии в добровольческом движении, мероприятиях и акциях Волонтерского центра, действующего при педагогическом вузе.

На занятии «Гостеприимная Россия» студенты поделились впечатлениями о посещении российских регионов, рассказали об опыте знакомства с традициями народов Республик Башкортостан и Татарстан и др. Со стороны будущих педагогов важно отметить интерес к культурным комплексам, позволяющим познакомиться с традициями и культурой различных народов. В Оренбурге примечателен комплекс «Национальная деревня», представленный 9 тематическими подворьями. Каждое из подворий оформлено в национальном стиле, а в домах-музеях воссоздан быт представителей народа, имеется домашняя утварь, народные музыкальные инструменты, национальные костюмы. Студенты, обучающиеся по профилям «Русский язык» и «Начальное образование», отметили воспитательный и образовательный потенциал культурного комплекса, прежде всего, при организации внеурочной деятельности младших школьников по предмету «Окружающий мир».

Перспективы развития проекта

В рамках реализации «Разговоров о важном» в педагогическом вузе существующую систему работы необходимо дополнить обсуждением, направленным на осмысление будущими педагогами образовательного и воспитательного потенциала материалов для школьников. В ходе такого обсуждения студенты должны прийти к выводу, какие знания могут приобрести школьники по итогам занятия и какие нравственные аспекты затрагиваются в рамках определенной темы.

Как отмечает Э.В. Петрова, содержание занятий «Разговоры о важном» следует дополнять региональным материалом и не допускать дублирования традиционных уроков [13, с. 13]. В этом отношении нам представляется перспективной организация деятельности студентов по разработке занятий «Разговоры о важном» с включением регионального компонента. В программу производственной (педагогической) практики могут быть включены задания, предусматривающие составление и проведение занятия, которое предполагает обогащение представлений обучающихся о родном крае. Приведем примеры заданий, которые могут выполняться студентами при прохождении практики на базе образовательной организации на 3–5-х курсах.

1. На сайте «Разговоры о важном» ознакомьтесь со списком последних предложенных тем проекта. Выберите одну из тем (для 1–11-х классов на выбор) и проведите анализ материалов по предложенному плану:

- а) считаете ли вы достаточным количество материала для проведения занятия?
- б) какие материалы вы бы использовали при проведении беседы со школьниками? Обоснуйте свой ответ;
- в) к каким материалам из предложенных на сайте вы бы не стали обращаться в ходе занятия? Почему?
- г) дополните занятие такими материалами, где актуализируется региональная составляющая.

2. Используя материалы портала «Разговоры о важном», подготовьте конспект занятия с включением регионального компонента. Проведите «Разговор о важном» со школьниками.

3. На сайте «Разговоры о важном» выберите 5 тем и предложите варианты беседы с обращением к личному опыту школьника.

4. Выберите какую-либо организацию, учреждение, расположенную в вашем городе. Из списка тем, представленных на портале «Разговоры о важном», определите те, в рамках которых школьникам целесообразно рассказать о деятельности/функционировании этой организации.

Например, при работе над заданием 3 студент может предложить следующий ответ. На занятии «Миссия – милосердие. Ко Дню волонтера» возможно обсуждение участия школьников в добровольческом движении, опыта оказания помощи нуждающимся, пострадавшим в результате стихийных бедствий и т.п. Обучающиеся могут рассказать об участии в «Российском движении школьников», «Юнармии», «Движении первых», «Орлята России» и др.

Приведем примеры оренбургских учреждений, которые могут быть рассмотрены при выполнении задания 4. При обсуждении темы «День героев Отечества» школьников можно познакомить с Музеем защитников Отечества, расположенным в г. Оренбурге, а в рамках темы «Гостеприимная Россия» – рассказать о комплексе «Национальная деревня».

Заключение

В статье представлена и обоснована задача подготовки студентов педагогического вуза к проведению «Разговоров о важном» с целью эффективной реализации курса в рамках работы со школьниками. Проведенное исследование подтверждает необходимость актуализации жизненного опыта обучающихся в рамках курса «Разговоры о важном», целесообразности обращения к региональному компоненту. По результатам обобщения опыта проведения занятий со студентами представлены возможности развития системы работы с будущими педагогами, направленной на формирование у них готовности к осуществлению воспитательной деятельности в школе при реализации курса «Разговоры о важном».

Список литературы

1. Виноградова Н.Ф. «Разговоры о важном» и воспитание младших школьников (часть 2) // Начальное образование. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 3–8. – DOI 10.12737/1998-0728-2023-11-3-3-8.
2. Фадеева С.А. Вопросы нравственного развития школьников в оценках педагогов // Нижегородское образование. – 2023. – № 1. – С. 42–49.
3. Ямбаева М.Г. Патриотическое воспитание как важный элемент государственной политики // Нижегородское образование. – 2021. – № 2. – С. 37–44.

4. Гусакова В.О. Разговоры о важном. Говорить или не говорить? // Воспитание школьников. – 2023. – № 5. – С. 3–9. – DOI 10.47639/0130-0776_2023_5_3.
5. Толмачева В.М., Амелина Н.В. Проект «Разговоры о важном»: к вопросу об актуальности реализации // Педагогический поиск. – 2023. – № 7. – С. 42–46.
6. Амрахова Е.А. Особенности реализации проекта «Разговоры о важном» в работе классного руководителя начальных классов // Современные технологии в образовании. – 2023. – № 23-1. – С. 20–25.
7. Журавлева И.А. «Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях // Социология. – 2024. – № 3. – С. 35–43.
8. Байбородова Л.В., Белкина В.В., Гурьянчик В.Н. «Разговоры о важном»: подготовка будущих педагогов к организации внеурочной деятельности // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 5 (134). – С. 48–57. – DOI 10.20323/1813-145X_2023_5_134_48.
9. Бурляева О.В. «Разговоры о важном» в профессиональной деятельности педагогов // Разговоры о важном: создаем будущее: сборник научно-методических и учебно-методических материалов. – Саранск: ЦНППМ «Педагог 13.ру», 2024. – С. 21–24.
10. Попова Т.И., Попов А.С., Гусева С.Ю. Подготовка будущих педагогов к организации «Разговоров о важном» со школьниками // Наука и Образование. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 1–7.
11. Ямбаева М.Г. «Разговоры о важном» как инструмент формирования ценностных ориентаций обучающихся // Нижегородское образование. – 2024. – № 1. – С. 75–83.
12. Кочемасова Л.А., Жулева М.И. «Обучение служением» как перспективное направление воспитательной работы в вузе // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 277–280.
13. Петрова Э.В. Включение регионального материала в классные часы «Разговоры о важном» // Марийское краеведение: опыт и перспективы развития. – 2023. – Т. 1. – С. 13–15.

References

1. Vinogradova N.F. «Razgovory o vazhnom» i vospitaniye mladshikh shkol'nikov (chast' 2) // Nachal'noye obrazovaniye. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 3–8. – DOI 10.12737/1998-0728-2023-11-3-3-8.
2. Fadeeva S.A. Voprosy npravstvennogo razvitiya shkol'nikov v otsenkakh pedagogov // Nizhegorodskoye obrazovaniye. – 2023. – № 1. – С. 42–49.
3. Yambayeva M.G. Patrioticheskoye vospitaniye kak vazhnyy element gosudarstvennoy politiki // Nizhegorodskoye obrazovaniye. – 2021. – № 2. – С. 37–44.
4. Gusakova V.O. Razgovory o vazhnom. Govorit' ili ne govorit'? // Vospitaniye shkol'nikov. – 2023. – № 5. – С. 3–9. – DOI 10.47639/0130-0776_2023_5_3.
5. Tolmacheva V.M., Amelina N.V. Proyekt «Razgovory o vazhnom»: k voprosu ob aktual'nosti realizatsii // Pedagogicheskiy poisk. – 2023. – № 7. – С. 42–46.
6. Amrakhova E.A. Osobennosti realizatsii proyekta «Razgovory o vazhnom» v rabote klassnogo rukovoditelya nachal'nykh klassov // Sovremennyye tekhnologii v obrazovanii. – 2023. – № 23-1. – С. 20–25.
7. Zhuravleva I.A. «Razgovory o vazhnom» kak instrument formirovaniya patriotizma v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh // Sotsiologiya. – 2024. – № 3. – С. 35–43.
8. Bayborodova L.V., Belkina V.V., Gur'yanchik V.N. «Razgovory o vazhnom»: podgotovka budushchikh pedagogov k organizatsii vneurochnoy deyatel'nosti // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. – 2023. – № 5 (134). – С. 48–57. – DOI 10.20323/1813-145X_2023_5_134_48.
9. Burlayeva O.V. «Razgovory o vazhnom» v professional'noy deyatel'nosti pedagogov // Razgovory o vazhnom: sozdayem budushcheye: sbornik nauchno-metodicheskikh i uchebno-metodicheskikh materialov. – Saransk: TSNPPM «Pedagog 13.ru», 2024. – С. 21–24.
10. Popova T.I., Popov A.S., Guseva S.Y. Podgotovka budushchikh pedagogov k organizatsii «Razgovorov o vazhnom» so shkol'nikami // Nauka i Obrazovaniye. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 1–7.
11. Yambayeva M.G. «Razgovory o vazhnom» kak instrument formirovaniya tsennostnykh oriyentatsiy obuchayushchikhsya // Nizhegorodskoye obrazovaniye. – 2024. – № 1. – С. 75–83.

12. *Kochemasova L.A., Zhuleva M.I.* «Obucheniye sluzheniyem» kak perspektivnoye napravleniye vospitatel'noy raboty v vuze // Donetskkiye chteniya 2023: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii, Donetsk, 25–27 oktyabrya 2023 goda. – Donetsk: Donetskiiy gosudarstvennyy universitet, 2023. – S. 277–280.
13. *Petrova E.V.* Vkl'yucheniye regional'nogo materiala v klassnyye chasy «Razgovory o vazhnom» // Mariyskoye krayevedeniye: opyt i perspektivy razvitiya. – 2023. – T. 1. – S. 13–15.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025

Received: 15.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

УДК 378.1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У КАЗАКОВ ЗАРУБЕЖЬЯ

Кипреев Сергей Николаевич¹,

e-mail: komissar.1917@mail.ru,

¹Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

В условиях усложнившейся международной обстановки для Российской Федерации особую значимость приобрела всесторонняя и многоплановая поддержка соотечественников, проживающих за рубежом. Пророссийские взгляды наиболее сильны у патриотического актива – казаков зарубежья. В статье рассматриваются вопросы духовно-нравственного и патриотического воспитания зарубежной диаспоры Русского мира. Раскрыта специфика формирования духовно-нравственных ценностей у россиян, проживающих за границей. Рассмотрены особенности воспитательных мероприятий, которые позволяют формировать у членов русской диаспоры традиционные духовно-нравственные ценности и национальную русскую культуру. Выделены и раскрыты основные воспитательные ресурсы для формирования духовно-нравственных ценностей казаков зарубежья. Выделены исторические и культурные особенности, которые способствуют устойчивости патриотического мировоззрения у казаков зарубежья. Теоретическое значение проведенного исследования состоит в комплексном анализе множества факторов, которые положительно или отрицательно воздействуют на основные мировоззренческие ориентиры пророссийски настроенных граждан ближнего и дальнего зарубежья. Практическая значимость результатов исследования состоит в обогащении педагогической практики пониманием специфики патриотического воспитания соотечественников, проживающих за рубежом.

Ключевые слова: казаки за рубежом, казачество, педагогика, казачье самоопределение, чувство патриотизма, духовно-нравственные ценности, духовно-нравственное воспитание

THE FEATURES OF THE FORMING OF A PATRIOTIC WORLDVIEW AMONG COSSACKS ABROAD

Kipreev S.N.¹,

e-mail: komissar.1917@mail.ru,

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

In the context of the complicated international situation, the comprehensive and multifaceted support of compatriots living abroad has become particularly important for the Russian Federation. The pro-Russian views are strongest among the patriotic activists of the Cossacks abroad. The article discusses the issues of spiritual, moral and patriotic education of the foreign diaspora of the Russian world. The article reveals the specifics of the forming of spiritual and moral values among Russians living abroad. The features of educational activities that allow us to form traditional spiritual and moral values and national Russian culture among members of the Russian Diaspora are considered. The main educational resources for the forming of spiritual and moral values of Cossacks abroad are identified and described. The historical and cultural features that contribute to the stability of the patriotic worldview of Cossacks abroad are highlighted. The theoretical significance of the conducted research consists in a comprehensive analysis of many factors that positively or negatively affect the main ideological orientations of pro-Russian citizens of the near and far abroad. The practical significance of the research results lies in enriching pedagogical practice with an understanding of the specifics of patriotic education of compatriots living abroad.

Keywords: Cossacks abroad, Cossacks, pedagogy, Cossack self-determination, sense of patriotism, spiritual and moral values, spiritual and moral education

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-37-44

Введение

На сегодняшний день за рубежом проживает значительное количество соотечественников, имеющих русское национальное самоопределение. Патриотическим ядром русской диаспоры является казачество. Казаки и потомки казаков, по различным причинам покинувшие Родину, по-прежнему чтут отчие обычаи и традиции, обладали и обладают пророссийским мировоззрением [1]. Воспитательный потенциал казачества для продвижения ценностей российской цивилизации в регионах нетрадиционного проживания граждан России, считающих себя казаками, или являющимися фактическими потомками казаков, чрезвычайно велик. В современных условиях казачество выступает той активной частью нашего общества, которая направляет его развитие по пути традиционализма и способствует защите его внутренней и внешней безопасности от различных социально-политических угроз.

Казаки – это русские люди, которые имеют свою историю, культуру и традиции. Они живут в разных странах и сталкиваются с различными проблемами. Однако, несмотря на это, они сохраняют свою идентичность и стремятся к сохранению своих традиций и культуры. Здесь уместно упомянуть мнение В. Тишкова, который пишет о том, что «возрожденные или заново конструируемые коллективные идентичности среди русских не носят взаимоисключающего характера и, назвавшийся казаком, помором или сибиряком, не перестает быть русским, если только он демонстративно не отвергает свою русскую принадлежность» [2, с. 33].

Целью исследования является выявление особенностей патриотического воспитания казаков за рубежом, определение перспектив формирования патриотического мировоззрения соотечественников, проживающих за границей.

В задачи проводимого исследования входит:

- выявление основных ресурсов воспитания молодых соотечественников-казаков;
- изложение рекомендаций по усовершенствованию методов патриотического воспитания соотечественников, проживающих за рубежом.

Применяемые методы исследования: обобщение индивидуального опыта; сравнительно-историко-типологический метод, позволяющий раскрыть сходство не связанных по своему происхождению явлений; метод абстрагирования, позволяющий выделить педагогические стороны рассматриваемых гуманитарных явлений и процессов.

Исторические и культурные особенности формирования чувства патриотизма у казаков зарубежья

Казаки зарубежья – это группа людей, которые имеют казачье происхождение, но проживают за пределами исторической Родины. В разных странах мира проживает значительное количество казаков, их количество оценивается в несколько миллионов. У этих людей есть своя история, традиции и особенности, которые формируют их казачью идентичность. Одной из важных составляющих этой идентичности является патриотизм.

С.Г. Марковчин, А.Д. Лопуха, Т.Л. Лопуха говорят о том, что «патриотизм является базирующимся на патриотических духовно-идеологических ценностях, системно-комплексным качеством личности, обеспечивающим её готовность к патриотическим социальным действиям в интересах общества» [3, с. 19].

Патриотизм для казаков зарубежья – это не только любовь и преданность исторической Родине, но и связь с культурными и традиционными ценностями своего народа. Одним из ключевых способов формирования чувства патриотизма у казаков зарубежья является сохранение и передача культурных традиций. Казаки зарубежья активно изучают и пропагандируют казачью культуру, музыку, танцы, народные обычаи. Они организуют фольклорные группы, проводят национальные праздники и мероприятия, на которых демонстрируют свою культуру и традиции. Таким образом, они поддерживают и развивают свою национальную идентичность, что способствует укреплению чувства патриотизма.

Формирование чувства патриотизма у казачества зарубежья – это сложный процесс, который зависит от многих факторов, включая исторические, культурные и социальные условия.

Одной из особенностей формирования чувства патриотизма у казачества является их отношение к своей истории и культуре. Казаки гордятся своими традициями и обычаями, которые передавались из поколения в поколение. Они считают, что эти традиции являются частью их идентичности и должны быть сохранены. Такая педагогическая позиция позволяет решить проблему утраты старшим поколением людей роли носителей актуальных ценностей молодому поколению [4, с. 217]. Кроме того, казаки также гордятся своей военной историей. Они считают себя защитниками своей Родины и готовы защищать ее в случае необходимости. Также одной из особенностей формирования чувства патриотизма у казачества являются их отношения с другими народами. Казаки уважают другие народы и культуры, но при этом сохраняют свою индивидуальность и не хотят растворяться в других культурах.

Воспитательные ресурсы для формирования духовно-нравственных ценностей казаков зарубежья

Зачастую формирование пророссийских взглядов сопряжено с усвоением генеалогических знаний. Увлечение генеалогией способствует пониманию семейных национальных традиций, продуцирует желание молодого человека соблюдать обычаи, стимулирует изучение религиозных основ своей веры. Татьяна Цыден-Ешиевна Намсараева пишет о том, что, к примеру, студенты «с первых дней обучения изучают родословную своей семьи, в результате у многих выявляются казачьи предки» [5].

Человек отождествляет себя с государством-прародиной, интересуется положением дел в нем, «болеет» за него, становится на сторону страны предков в спорных вопросах истории и политики. Здесь важно донести до человека основное правило, позволяющее определять его принадлежность к казачеству: любой, кто имеет предков казаков и сохранил приверженность православию, может считать себя казаком по праву крови. Формируется желание посетить историческую Родину, а затем может возникнуть идея переселиться в Россию. Молодые казаки зарубежья, участвующие в деятельности культурных центров, вырастают патриотами России, даже не владея русским языком. Они любят идеальный образ Отечества – Святую Русь – и стремятся к её возрождению, находясь от нее даже на большом расстоянии.

В авторской работе [6] рассматривалась система взаимодействия российского казачества по важнейшим вопросам воспитания молодежи с органами государственной власти, где казачество признано важным партнером полиции в сфере воспитания молодежи. Было отмечено, что в деятельности образовательных организаций особая роль принадлежит патриотическому активу казаков, которые имеют возможность транслировать свои ценности на сослуживцев, оказывают значительное влияние на общественное мнение коллектива [6, с. 32].

Благодаря анализу СМИ и изучению ведущих исследований в сфере патриотического воспитания определены основные ресурсы воспитания, которые рекомендуется использовать в педагогической практике:

- гармонизация использования воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в содержании образования и в воспитательном и образовательном процессах;
- формирование чувства патриотизма на индивидуальном и коллективном уровнях;
- насыщение образовательной среды использованием духовно-нравственных ценностей, благодаря которым обеспечивается устойчивое развитие органов внутренних дел в современных условиях;
- применение региональных ресурсов в процессе воспитания чувства патриотизма в сочетании с задачей сформировать у молодежи понимание причастности к традициям и истории региона происхождения;
- использование патриотического актива как дополнительного средства патриотического воспитания.

Вышеприведенный перечень не является исчерпывающим, составлен на основе обобщения практического опыта патриотического воспитания, почерпнутого автором работы в ходе взаимодействия с руководителями общественных организаций казачества, осуществляющих педагогическую деятельность среди молодых соотечественников.

Детализируя описанные выше рекомендации, следует отметить специфику применения основных воспитательных ресурсов. Важным является функционирование казачьих СМИ (например, электронного издания «Донские ведомости») и их интеграция с медийными платформами, такими как Рутуб и Russia Today. Развитие эмоционально-ценностных отношений и активизации исторической памяти происходит благодаря таким мероприятиям, как трансляция народно-патриотической музыки, в ходе которой молодое поколение приобщается к культуре своей нации и получает мотивационный заряд для патриотической деятельности.

Акцией массового характера, демонстрирующей свою патриотическую позицию, является участие в проведении шествий «Бессмертного полка», где отдается дань памяти и уважения подвигам предков, формируется историческая память и поддерживается связь поколений. Подобными мероприятиями являются концерты и фестивали народных казачьих ансамблей и хоров, возложение цветов к памятникам погибшим сотрудникам и воинам Великой Отечественной войны. Так, к примеру «Российские соотечественники в Австралии отметили День Победы казачьим маршем и шествием «Бессмертного полка»¹. Практика человеческой жизни по проявлению реального патриотизма и приверженности истинным традиционным ценностям на наших глазах оставляет самые глубокие следы в личности человека.

Сегодня ширится взаимодействие зарубежных и отечественных казачьих организаций в воспитательной сфере. Взаимодействие с зарубежным казачеством осуществляет Комиссия по вопросам международной деятельности казачьих обществ и объединений Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества. Крупнейшим объединением, имеющим подразделения в странах Европы, выступает общероссийская общественная организация «Союз казаков-воинов России и зарубежья». Зарубежными организациями, ведущими активную патриотическую деятельность среди соотечественников, являются такие структуры, как «Конгресс казаков в Америке», «Американское казачество», «Казачий народный союз», «Семейный союз казаков Германии», фонд «Казачье зарубежье» и др.

Взаимная поддержка в образовательной сфере позволяет иметь за рубежом единые педагогические подходы и цели образования с Россией, а также выверенный воспитательный маршрут и единую «дорожную карту» этапов педагогических действий. Стандартными (традиционными) подходами к решению данных задач является деятельностный и событийный. Конструирование взглядов и педагогический процесс осуществляются преимущественно посредством привлечения воспитуемых к участию в патриотически ориентированных проектах и ярких эмоциональных (запоминающихся) мероприятиях. Примером может служить проведение в 2023 году в Русском доме науки и культуры в Париже международной научно-практической конференции «Казачество в Отечественной войне 1812 г. и Освободительном походе русской армии 1813–1814 гг.» и организация с 2021 года Международных биваков, мероприятий, на которых проводится комплексное психолого-педагогическое воздействие на молодежь (соревнования по традиционным казачьим дисциплинам на силу, ловкость, меткость и умение владеть оружием, рассказы о православных праздниках, исполнение казачьих песен и пр.).

Специфика патриотического мироощущения у казаков зарубежья

Проведем анализ специфики патриотического мироощущения соотечественников и объясним отличия, присущие именно казакам зарубежья. Превосходно интегрированное в зарубежное общество российское казачество носит диаспоральный характер (что роднит его с представителями иных нетитульных культур в государстве-реципиенте). Современная казачья молодежь основывает свою идентичность на православной вере, старается выбирать спутников жизни среди общины или же ассимилировать их в своей среде. Несмотря на гонения на казачество в советский период истории восприятие России носит, безусловно, положительный и даже идеализированный характер. Казаки ощущают свою особую роль «ковчега» традиций Российской империи. Российскую Федерацию большинство воспринимает как не до конца вернувшееся к идеалу Святой Руси (но стремящееся к нему) государство. Именно по этой причине многие не стремятся возвращаться на Родину предков.

¹ В Австралии к акции «Бессмертный полк» присоединились свыше 100 человек. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20711353> (дата обращения: 06.05.2024). – Текст: электронный.

Для казаков зарубежья особенно важна связь с исторической Родиной – с территорией, на которой жили их предки. Они активно изучают историю казачества, посещают исторические места, связанные с казачьей историей. Т.А. Белых говорит о том, что «любовь к родному краю становится настоящим глубоким чувством, когда она выражается не только в стремлении больше узнать, но и в желании потребности трудиться на благо Отечества, бережно относиться к ее богатствам» [4]. Многие казаки зарубежья посещают Россию, чтобы побывать на Родине своих предков, поучаствовать в казачьих праздниках и мероприятиях. Такие поездки помогают им укрепить связь с исторической Родиной. Это отражается на зарубежной практике казачьего воспитания. Так, в 2011 году в городе Монте-Гранде был основан Аргентинский казачий округ. Одной из его задач было заявлено «воспитание подростков и молодежи в духе казачьих исторических традиций».

Формирование чувства патриотизма у казаков включает несколько важных аспектов, сформулированных нами в качестве рекомендаций по усовершенствованию педагогических технологий патриотического воспитания соотечественников, проживающих за рубежом:

1. Понимание исторической связи с Родиной. Казаки зарубежья в большинстве своем имеют корни в России или других соседних странах, где казачество имело свое развитие. Эта историческая связь с Родиной играет важную роль в формировании чувства патриотизма у казачьей молодежи.

2. Сохранение казачьей культуры и традиций. Казаки зарубежья активно сохраняют и передают свои традиции, обычаи и культуру следующему поколению. Это помогает им чувствовать себя частью казачьего народа и укрепляет их чувство патриотизма.

3. Участие в деятельности общественных организаций казачества. Многие казаки зарубежья активно участвуют в казачьих общественных организациях и мероприятиях, которые связаны с историей и культурой казачества. Это помогает им ощутить себя частью казачьей общины и укрепляет их патриотические чувства.

4. Стремление к духовной связи с Родиной. Казаки зарубежья часто стремятся поддерживать духовную связь с Россией или сопредельной с ней страной, которая является их исторической Родиной (Семиречье, Запорожье). Они посещают памятники истории, участвуют в праздниках и мероприятиях, связанных с Родиной, что укрепляет их чувство патриотизма.

5. Общий мировоззренческий настрой. Казаки зарубежья, как правило, придерживаются определенных ценностей и убеждений, которые способствуют формированию патриотизма. Они ценят свободу, справедливость, традиции и культуру своего народа, что помогает им чувствовать себя связанными с Родиной и приверженными ее интересам. Это выделяет их от автохтонного населения страны пребывания и выступает фактором объединения.

Однако без материальной и духовной поддержки Родины усилия зарубежного казачества по воспитанию пророссийски (а значит и патриотически) настроенного молодого поколения недостаточны для обеспечения целей образования. Здесь значима роль отдельных личностей – патриотов, выходцев из русской эмиграции различных волн [7]. Яркий пример тому – Николай Мишутушкин (или, как его называли, «Русский Гоген»), художник и коллекционер предметов искусства народов Океании. Его отец, терский казак и полковник, эмигрировал во Францию после Гражданской войны, но смог воспитать сына в типично русском духе. Попав в 1957 году в Океанию, Николай Мишутушкин стал самым известным русским художником в Тихоокеанском регионе. В Вануату он хранил островок русскости, в своем имении и ботаническом саду рассказывал посетителям о великой стране России. Собрав 800 уникальных предметов культуры в огромном районе, от Папуа – Новой Гвинеи до самых отдаленных уголков Французской Полинезии, фактически спас культуру народов Океании. Премьер-министру Вануату Натапеи он рассказал о том, что в июле 1809 года на острове побывали бежавшие из английского плена русские моряки под командой капитана Головина, после чего на набережной столицы острова был открыт памятник русскому мореплавателю.

Казачество помогает членам русской диаспоры усвоить национальное самоопределение, понять, куда движется Россия, какие недруги есть у нашего государства и общества [8]. Именно эти качества лежат в основе духовного мира настоящего патриота. Игумен Киприан (Яценко) пишет о том, что «в результате духовно-нравственного становления личности, в основе которого лежит стяжание добродетелей, формируются нравственные чувства и нравственный облик человека, его нравственная пози-

ция» [9, с. 26]. К примеру, для формирования и развития духовно-нравственных ценностей, присущих истинному патриоту, в педагогическом процессе особое внимание необходимо уделять изучению культурных особенностей конкретного казачьего войска и тем традициям воспитания, которые существуют на казачьей земле. Принцип учета территориальных особенностей в деле воспитания имеет особое значение. Опора на культурные и социальные особенности региона происхождения приносит хорошие плоды.

Казачество сегодня не просто общественная организация, содействующая охране общественного порядка. Казачество – это носитель традиционализма и гарант сохранения исторической памяти русского суперэтноса, стабильности российского общества. Верность традициям и непреклонное следование русофильской повестке казачество показало, отстаивая государственные интересы кровью и потом, защищая подлинные патриотические взгляды в условиях принудительной коренизации и расказачивания [10]. Именно казачество может являться тем ориентиром, к мнению которого следует прислушиваться патриотически ориентированной молодежи и руководству государства.

Зарубежная часть казачества важна для России тем, что создает политико-педагогический инструмент, с помощью которого можно эффективно осуществлять деятельность по продвижению идей Русского мира в сопредельных странах [11]. Это верно потому, что любой человек без ограничения по возрасту, полу, национальности, социальному происхождению, желающий принять казачью веру и культуру (и все сопутствующее) в качестве своей, может быть принят в казачество лично или вместе с семьей. И освоив (опять же через систему образования) основы казачества, он уже может считаться своим.

Перспективы совершенствования патриотического воспитания казаков зарубежья могут быть следующие: вовлечение молодежи в инновационные проекты, активизация воспитания через социальные сети, проведение историко-патриотических квестов, тренингов, школ патриотического воспитания, видеоблогинга, аудиокниг патриотической направленности, патриотических дебатов и пр. Эффективность предложенных методов подтверждается современной педагогической практикой, используемой в воспитании российской молодежи.

Заключение

Формирование чувства патриотизма у казачества – это сложный и многогранный процесс, который требует усилий и времени. Но благодаря своей культуре, традициям и истории казаки продолжают отстаивать свою идентичность, права и свободы, но будущее зарубежной казачьей диаспоры зависит от качественного обучения и воспитания молодого поколения на патриотической основе, формирования мировоззрения и мироощущения русских за границей в неразрывной связи с Россией, без чего его ждет ассимиляция и вырождение.

В статье рассмотрены практико-ориентированные вопросы участия представителей казачества в области патриотического и духовно-нравственного воспитания зарубежной части Русского мира. Выделены наиболее важные, с точки зрения народного воспитания, просвещения и образования мероприятия, которые проводятся и планируются патриотическими общественными силами русского зарубежья.

Значительное внимание уделено рассмотрению специфики становления, формирования и развития духовно-нравственных ценностей российского по духу человека, проживающего вне России. Раскрываются особенности воспитательных мероприятий, содействующих приобщению представителей русской части заграничного мира к национальной русской культуре и формированию у них традиционных духовно-нравственных ценностей и мировоззренческих ориентиров. В статье также рассмотрены основные воспитательные ресурсы, на основе которых возможно формирование нравственных и духовных ценностей казаков зарубежья. Предлагаются рекомендации по совершенствованию системы патриотического воспитания проживающих за рубежом соотечественников, прочерчены перспективы формирования патриотического мировоззрения у казаков зарубежья. Определены следующие перспективы совершенствования системы патриотического воспитания казаков зарубежья: вовлечение молодежи в инновационные проекты, активизация воспитания через социальные сети, проведение истори-

ко-патриотических квестов, тренингов, школ патриотического воспитания, видеоблогинга, аудиокниг патриотической направленности, патриотических дебатов и пр. Эффективность предложенных методов подтверждается современной педагогической практикой, используемой в воспитании российской молодежи.

Список литературы

1. Гулевич Т.М. Традиции патриотического воспитания казачества как средство социализации детей и подростков в Российском зарубежье первой четверти XX века // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2012. – № 4 (24). – С. 42–50.
2. Тишков В.А. О русских (Введение к новому изданию коллективного труда «Русские» в серии «Народы и культуры») // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6 (38). – С. 30–46.
3. Марковчин С.Г., Лопуха А.Д., Лопуха Т.Л. Хочешь мира – готовься! Воспитание патриотизма в условиях гибридной войны // Вестник военного образования. – 2022. – № 3 (36). – С. 16–22.
4. Бельх Т.А. Воспитание осознанного чувства патриотизма // Наука через призму времени. – 2018. – № 12 (21). – С. 216–219.
5. Намсараева Т.Ц.-Е. Этнокультурное образование современной молодежи в контексте сохранения и развития забайкальского казачества: проблемы и перспективы // Казачество в социокультурной жизни России: история, культура, традиции духовно-нравственного и патриотического воспитания: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. К 170-летию забайкальского казачества, Чита, 23–24 сентября 2021 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. – С. 118–124.
6. Кипреев С.Н. Министерство внутренних дел России и казачество: соработничество в сфере духовно-нравственного воспитания молодежи // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2023. – № 1 (7). – С. 30–34.
7. Дубовиков А.М. Николай Андреевич Бородин: ученый, политик и депутат 1-й Государственной Думы от Уральского казачьего войска // Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.): сборник статей, Казань, 07–08 сентября 2017 года. – Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2017. – С. 149–167.
8. Новиков Л.В., Камышова В.Д. Международное сотрудничество казачьих организаций. Современное состояние и перспективы // Общество. Доверие. Риски: Доверие к миграционным процессам. Риски нового общества: материалы Международного форума, Москва, 02 октября 2019 года / под общ. ред. П.В. Терелянского. – Москва: Государственный университет управления, 2019. – Вып. 2. – С. 243–248.
9. Яценко К. Святоотеческая духовная традиция и духовно-нравственное становление личности (по творениям Василия Великого) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2010. – № 2 (17). – С. 26–35.
10. Унарь О.Н. Страницы жизни последнего атамана станицы Старотитаровской М.К. Кулика // Кубань в эпоху великих потрясений. 1917–1920 гг. // Фелицынские чтения – XIX: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Краснодар, 17–19 октября 2017 года. – Краснодар: Вика-Принт, 2017. – С. 155–158.
11. Рвачева О.В. Казачьи организации России и зарубежья как часть Русского мира // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Международной научно-практической конференции, Новороссийск, 28–30 октября 2018 года / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. – Новороссийск: Кубанский государственный университет, 2018. – С. 171–177.

References

1. Gulevich T.M. Tradicii patrioticheskogo vospitaniya kazachestva kak sredstvo socializacii detej i podrostkov v Rossijskom zarubezh'e pervoj chetverti XX veka // Social'no-gumanitarnyj vestnik Yuga Rossii. – 2012. – № 4 (24). – S. 42–50.
2. Tishkov V.A. O russkih (Vvedenie k novomu izdaniyu kollektivnogo truda «Russkie» v serii «Narody i kul'tury») // Vestnik Rossijskoj nacii. – 2014. – № 6 (38). – S. 30–46.

3. *Markovchin S.G., Lopuha A.D., Lopuha T.L.* Hochesh' mira – gotov'sya! Vospitanie patriotizma v usloviyah gibridnoj vojny // *Vestnik voennogo obrazovaniya*. – 2022. – № 3 (36). – S. 16–22.
4. *Belyh T.A.* Vospitanie osoznannogo chuvstva patriotizma // *Nauka cherez prizmu vremeni*. – 2018. – № 12 (21). – S. 216–219.
5. *Namsaraeva T.C.-E.* Etnokul'turnoe obrazovanie sovremennoj molodezhi v kontekste sohraneniya i razvitiya zabajkal'skogo kazachestva: problemy i perspektivy // *Kazachestvo v sociokul'turnoj zhizni Rossii: istoriya, kul'tura, tradicii duhovno-nravstvennogo i patrioticheskogo vospitaniya: materialy Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoy konferencii. K 170-letiyu zabajkal'skogo kazachestva, Chita, 23–24 sentyabrya 2021 goda*. – Chita: Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2021. – S. 118–124.
6. *Kipreev S.N.* Ministerstvo vnutrennih del Rossii i kazachestvo: sorabotnichestvo v sfere duhovno-nravstvennogo vospitaniya molodezhi // *Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii*. – 2023. – № 1 (7). – S. 30–34.
7. *Dubovikov A.M.* Nikolaj Andreevich Borodin: uchenyj, politik i deputat 1-j Gosudarstvennoj Dumy ot Ural'skogo kazach'ego vojska // *Narody Povolzh'ya i Priural'ya mezhdru revolyuciyami (1905–1917 gg.): sbornik statej, Kazan', 07–08 sentyabrya 2017 goda*. – Kazan': Institut istorii imeni SHigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2017. – S. 149–167.
8. *Novikov L.V., Kamysheva V.D.* Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo kazach'ih organizacij. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy // *Obshchestvo. Doverie. Riski: Doverie k migracionnym processam. Riski novogo obshchestva: materialy Mezhdunarodnogo foruma, Moskva, 02 oktyabrya 2019 goda / pod obshch. red. P.V. Terelyanskogo*. – Moskva: Gosudarstvennyj universitet upravleniya, 2019. – Vyp. 2. – S. 243–248.
9. *Yashchenko K.* Svyatootecheskaya duhovnaya tradiciya i duhovno-nravstvennoe stanovlenie lichnosti (po tvorenijam Vasiliya Velikogo) // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya*. – 2010. – № 2 (17). – S. 26–35.
10. *Upar' O.N.* Stranicy zhizni poslednego atamana stanicy Starotitarovskoj M.K. Kulika // *Kuban' v epohu velikih potryasenij. 1917–1920 gg. // Felicynskie chteniya – XIX: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 17–19 oktyabrya 2017 goda*. – Krasnodar: Vika-Print, 2017. – S. 155–158.
11. *Rvacheva O.V.* Kazach'i organizacii Rossii i zarubezh'ya kak chast' Russkogo mira // *Istoriya i sovremennoe razvitie Prichernomor'ya v kontekste formirovaniya patriotizma i ukrepleniya cennostej rossijskoj civilizacii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Novorossiysk, 28–30 oktyabrya 2018 goda / otv. red. A.V. Baranov, V.V. Kas'yanov*. – Novorossiysk: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2018. – S. 171–177.

Статья поступила в редакцию: 08.05.2024

Received: 08.05.2024

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

УДК 372.881.1

КВЕСТ-ИГРА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ

Кузнецова Екатерина Вячеславовна¹,

канд. пед. наук,
e-mail: ecaterina.kuz@gmail.com,

Лукашенко Елена Сергеевна¹,

канд. филол. наук,
email: lena0512@mail.ru,

Маталова Светлана Валерьевна²,

канд. пед. наук,
email: svetvm@mail.ru,

Смирнова Мария Вадимовна²,

e-mail: ya.natalia56@yandex.ru,

¹Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

²Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена актуальной проблеме социокультурной и психологической адаптации иностранных студентов, поступающих в российские вузы. Важность адаптации определяется ее устойчивой корреляцией с дальнейшим обучением, его эффективностью. На основе включенного наблюдения и обобщения собственного педагогического опыта авторами статьи предпринята попытка проанализировать особенности адаптационного процесса, являющегося неотъемлемым компонентом академической миграции, а также описаны разработанные инструменты его смягчения. Результаты анкетирования иностранных студентов на основе авторского опросника позволили установить взаимосвязь между уровнем адаптации и уровнем владения английским и русским языками. Авторы статьи приходят к выводу о востребованности английского языка и необходимости популяризации его использования в академической среде в условиях активизации процессов академической мобильности. Разработанная и апробированная авторами квест-игра на английском языке является эффективным инструментом первичной интеграции в новую культурную среду. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенных инструментов адаптации иностранных студентов в различных учебных заведениях.

Ключевые слова: академическая мобильность, академическая миграция, иностранные студенты, социокультурная адаптация, психологическая адаптация, языковая адаптация, межкультурное взаимодействие

QUEST GAME IN ENGLISH AS A TOOL FOR ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

Kuznetsova E.V.¹,

candidate of pedagogical sciences,
e-mail: ecaterina.kuz@gmail.com,

Lukashenko E.S.¹,

candidate of philological sciences,
email: lena0512@mail.ru,

Matalova S.V.²,

candidate of pedagogical sciences,
email: svetvm@mail.ru,

Smirnova M.V.²,

e-mail: ya.natalia56@yandex.ru,

¹Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia²Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

The article is devoted to the relevant problem of socio-cultural and psychological adaptation of foreign students entering Russian universities. The importance of adaptation is determined by its stable correlation with further education, its effectiveness. Based on the included observation and generalization of their own pedagogical experience, the authors of the article attempted to analyze the features of the adaptation process, which is an integral component of academic migration, and also described the tools developed for its mitigation. The results of the survey among foreign students based on the author's questionnaire made it possible to establish the relationship between the level of adaptation and the level of proficiency in the English and Russian languages. The authors of the article come to the conclusion about the demand for English language and the need to popularize its usage in the academic environment in the context of intensification of academic mobility processes. The quest game in English developed and tested by the authors is an effective tool for primary integration into a new cultural environment. The practical significance of the study lies in the possibility of using the proposed tools for adaptation of foreign students in various educational institutions.

Keywords: academic mobility, academic migration, foreign students, sociocultural adaptation, psychological adaptation, language adaptation, intercultural interaction

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-45-53

Введение

Важным направлением экономической и образовательной политики России является академическая миграция. По данным Минобрнауки, в России учится 355 тысяч иностранных студентов, что составляет примерно 7,6 % от общего числа всех студентов. Несмотря на кардинально изменившуюся геополитическую ситуацию, интерес к российскому образованию и русскому языку не падает. Университеты разрабатывают новые программы, открывают дистанционные курсы обучения русскому языку и проводят олимпиады для иностранных студентов. Квота на бесплатное обучение в российских вузах для иностранцев увеличивается.

Согласно Национальному докладу о реализации государственной политики в сфере образования Федеральному Собранию, наибольшим спросом отечественное высшее образование пользуется у абитуриентов из Белоруссии (7 %), Таджикистана (6,6 %), Китая (6,2 %), а также Казахстана, Узбекистана, Сирии, Киргизии, Афганистана, Туркменистана, Вьетнама, Ирака, Египта, Алжира и Индии¹. В основном иностранных абитуриентов интересуют программы бакалавриата, при этом наибольший интерес у студентов из других стран вызывают такие направления подготовки, как клиническая медицина, экономика и менеджмент, педагогические науки, информатика и инженерное дело, лингвистика, строительство, добыча полезных ископаемых, электрическая и тепловая энергетика, машиностроение². Самыми популярными вузами среди иностранных студентов традиционно остаются МГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, РУДН, МИФИ, Уральский федеральный университет, томские вузы, Новосибирский государственный университет, Казанский федеральный университет, МГИМО, Московский энергетический университет (МЭИ), Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого.

За последние пять лет (2019–2023 гг.) общее число иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, увеличилось на 16 % (данные приемной кампании за 2024/25 учебный год не опубли-

¹ В российских вузах обучается почти 356 000 иностранцев, и их становится больше // Ведомости. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/27/1039611-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-pochti-356-000-inostrantsev?from=copy_text (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.

² Обучение в России для иностранцев: всё, что нужно знать // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2024/03/12/obuchenie-v-rossii-dlia-inostrancev-vse-chto-nuzhno-znat.html> (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.

кованы). Для вузов привлечение иностранных студентов – это один из показателей эффективности. Минобрнауки ожидает от университетов, чтобы доля иностранных обучающихся составляла не менее 10 % от общего числа студентов ежегодно. Согласно Указу Президента Владимира Путина «О национальных целях развития РФ», количество иностранных студентов в РФ к 2030 году должно вырасти до 500 000 человек.

Расширение границ международного сотрудничества конкретного университета, рост количества программ студенческого обмена говорят об активных процессах, связанных с академической мобильностью. В настоящее время рейтинг университета во многом определяется тем, насколько удовлетворены учебные мигранты образовательным пространством выбранного вуза.

Рост академической мобильности и образовательной миграции в российских вузах влечет за собой проблему адаптации иностранных студентов к условиям проживания и обучения.

Под адаптацией принято понимать способность человека приспосабливаться к требованиям среды без ощущения внутреннего дискомфорта и без конфликта со средой, а также изменение установок, ценностей, целей под воздействием среды [1]. Считается, что адаптация непосредственно связана с аккультурацией, под которой понимается прямое взаимодействие представителей различных культурных групп. Межкультурный контакт оказывает влияние на участников процесса коммуникации, отражается на их социально-психологическом благополучии и успешности функционирования [1–3].

Актуальность проблемы адаптации иностранных студентов в вузах России определяется, в первую очередь, задачами их дальнейшего эффективного обучения. Безусловно, принимающие российские университеты инициируют многочисленные меры, направленные на улучшение и смягчение адаптационного процесса для иностранных студентов (кросс-культурные студенческие мероприятия, экскурсионные поездки, дискуссии, беседы, курсы русского языка и другое). Однако, наблюдения преподавателей и результаты анкетирования учебных мигрантов констатируют факт, что иностранные студенты остаются относительно обособленными на фоне принимающего студенческого сообщества.

Несмотря на наличие достаточно большого количества современных исследований, посвященных изучению проблемы адаптации иностранных студентов [3–10], мы отмечаем недостаток работ практического характера по данной проблематике. Актуальность настоящего исследования обуславливается необходимостью поиска новых, более эффективных инструментов адаптации иностранных студентов, что способствует укреплению и улучшению позиций конкретного вуза и города как культурного центра.

Цель и задачи исследования

Цель данной работы – поиск средств и инструментов смягчения адаптационных трудностей у академических мигрантов, приезжающих на обучение в вузы Нижнего Новгорода.

Исследуя проблему адаптации, мы ставили следующие задачи: 1) выявить и проанализировать уровень социокультурной и психологической адаптации у иностранных студентов, обучающихся в нижегородских вузах; 2) уточнить вопрос востребованности английского языка учебными мигрантами в университетской среде; 3) апробировать квест-игру на английском языке как инструмент адаптации учебных мигрантов к образовательному пространству университета.

Настоящее исследование проводилось в рамках сотрудничества преподавателей кафедры иностранных языков Высшей школы социальных наук НГЛУ имени Н.А. Добролюбова (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова) и кафедры иностранных языков Приволжского исследовательского медицинского университета (ПИМУ, г. Нижний Новгород).

По данным, опубликованным на портале ПИМУ, в 2024/25 учебном году в вузе обучается 1037 иностранных студентов, из них 400 поступили на первый курс. Учиться в ПИМУ больше всего приезжает студентов из Индии, Северной Африки, Ирака, Ирана и Малайзии³.

По данным, предоставленным приемной комиссией НГЛУ имени Н.А. Добролюбова, в 2024/25 учебном году в вузе обучается 267 иностранных студентов, из них поступили на первый курс 65 человек.

³ Приволжский исследовательский медицинский университет. – URL: <https://pimunn.ru/prospective-student/incoming-progress/> (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.

НГЛУ как образовательный центр привлекает студентов из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Туркменистана, Азербайджана, Китая, Турции, Шри-Ланки, Египта, Камеруна, Республики Конго, Алжира, Нигерии, Афганистана, Зимбабве, Боснии и Герцеговины, Кот-Д'Ивуара, Марокко. Представляется, что данный контингент иностранных студентов является весомой базой для настоящего исследования.

В исследовательской работе мы применяли следующие методы: анализ научной литературы по вопросам адаптации иностранных студентов в российских вузах, включенное наблюдение, обобщение собственного педагогического опыта работы, беседы с коллегами-преподавателями, анкетирование иностранных студентов по разработанному авторскому опроснику, вычисление среднего балла по шкале Лайкерта.

Результаты исследования и их обсуждение

Образовательное пространство, которым является университетская среда, определяется как социально-педагогическая система, содержательно-смысловой и пространственно-временной континуум, посредством которого происходит интеграция личности в ценностный мир культуры. Включаясь в образовательное пространство, личность начинает формировать свою собственную индивидуальную культуру [11]. Образовательное пространство высшего учебного заведения позволяет человеку определиться с выбором профессии. В университетской среде появляются возможности для самореализации, человек может раскрыть свои творческие начала [12]. В этой связи меняются требования к образовательному пространству. Оно должно быть максимально открытым и гибким, способствующим личностному росту каждого обучающегося [10]. Вместе с тем, начало обучения в вузе является периодом кардинальных изменений в жизни любого человека, вызванных различиями в формах организации и содержании образовательного процесса, формах контроля и оценки учебной деятельности, характере взаимоотношений преподавателей и студентов. Для иностранных студентов ситуация усугубляется необходимостью адаптации не только к академической среде вуза, но и к новым бытовым условиям, культурным различиям, сложностям общения, вызванным языковым барьером.

Исследователи и практикующие преподаватели русского языка как иностранного сходятся во мнении, что языковая адаптация и преодоление языкового барьера являются одной из самых сложных задач адаптации иностранных студентов в России. Недостаточный уровень владения русским языком способен образовывать различные преграды для иностранных обучающихся, связанные не только с овладением выбранной специальностью, но и с бытовыми процессами. Эти трудности иностранные студенты порой испытывают вплоть до последнего курса обучения [6; 7; 9; 10]. Значительные трудности в усвоении знаний возникают также из-за того, что образовательные программы и курсы часто не адаптированы для иностранных студентов.

Исследуя вопрос социокультурной и психологической адаптации иностранных мигрантов к университетской образовательной среде, мы обратились к шкалам BSAS (Brief Sociocultural Adaptation Scale) и BPAS (Brief Psychological Adaptation Scale) (К.А. Демес (K.A. Demes) и Н. Гираерт (N. Geeraert)) [2]. Шкала BSAS разработана для изучения культурной дистанции и социокультурной адаптации, содержит вопросы о социальных установках, нормах, ценностях, каждодневной рутине, природной среде и т.д. (состоит из 12 утверждений, которые респондентам предлагается оценить по шкале Лайкерта). Шкала BPAS включает вопросы, которые позволяют оценить психологическую адаптацию. Вопросы направлены на выявление позитивных или негативных эмоций, касающихся родной и принимающей стран (8 утверждений, которые также оцениваются по шкале Лайкерта). Можно говорить о довольно прочной устойчивой связи между показателями BPAS и BSAS. Хотя между социокультурной и психологической адаптацией нельзя поставить знак равенства, они имеют явные различия и свои нюансы, при всем этом они тесно взаимосвязаны и должны рассматриваться в совокупности.

На основе шкал BSAS и BPAS нами была разработана анкета, включающая вопросы, касающиеся владения иностранными студентами английским языком, использования его в России, в университетской среде. Это позволило исследовать корреляцию между возможностью использовать английский язык как язык международного общения в академической среде вуза и успешностью процесса адапта-

ции учебных мигрантов. Авторский опросник составлен на английском языке и состоит из 22 вопросов⁴. Для ознакомления респондентов с задачами исследования был составлен «Информационный листок».

В исследовании приняли участие иностранные студенты, обучающиеся в НГЛУ имени Н.А. Добролюбова и ПИМУ, всего 210 человек (опрос проводился анонимно при использовании Google Forms), из них женщин – 34 %, мужчин – 66 %. Возраст респондентов – от 18 до 29 лет, большинство респондентов указало возраст 18–21 год – 52 % (34 % – 22–25 лет, 14 % – 26–29 лет). Место рождения респондентов: Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Афганистан, Алжир, Египет, Марокко, Ирак, Иран, Ливия, Индия, Китай, Турция, Шри-Ланка, Малайзия, Камерун, Республика Конго, Нигерия, Зимбабве, Босния и Герцеговина, Кот-Д'Ивуар.

Время нахождения в стране проживания – от 3 месяцев до года – 39 %, 32 % – 3 месяца, 24 % – от 2 до 3 лет, 5 % – 3 года и более.

Вопрос, касающийся адаптационных мероприятий, был сформулирован следующим образом: проводились ли у вас мероприятия по знакомству с городом Нижним Новгородом, университетом или другими иностранными студентами по прибытии? Подавляющее большинство респондентов – 53 % – ответили утвердительно.

Далее предлагались вопросы относительно знания русского и английского языков и использования английского в академической среде и в повседневной жизни.

Результаты опроса показали, что большинство респондентов оценивают свой уровень владения русским языком как средний – 46 % (*fair*), 32 % иностранных студентов считают, что знают русский хорошо (*good*), только 7 % оценили свой уровень на отлично (*excellent*), остальные 15 % – как неудовлетворительный (*poor*).

Знание английского языка, напротив, оцениваются иностранными студентами высоко: 44 % – отлично владеют английским (*excellent*), 46 % – хорошо (*good*), 10 % – удовлетворительно (*fair*). Примечательно, что ни один опрошенный студент, оценивая свой уровень английского, не выбрал ответ «неудовлетворительно» (*poor*).

Последующие вопросы анкеты были представлены в виде утверждений, которые предлагалось оценить по 5-балльной шкале Лайкерта. Диапазон интерпретации среднего балла шкалы Лайкерта был выбран следующим: 1,0–2,4 (низкое значение), 2,5–3,4 (среднее значение) и 3,5–5,0 (высокое значение).

На вопрос, как часто вы используете английский язык для коммуникации в университетской среде (со студентами-коллегами, преподавателями), были получены следующие данные: 44 % – всегда (*always*), 42 % – часто (*often*), 12 % – иногда (*sometimes*), 2 % – редко (*seldom*). Вариант ответа «никогда» (*never*) не выбрал ни один респондент. Средний балл по шкале Лайкерта – 4,2 (высокое значение).

Анкетирование показало, что иностранные студенты испытывают значительные трудности при использовании английского языка в повседневной жизни в принимающем городе, среднее значение составило 2,2 (*difficult*). Коммуникация в целом в принимающей стране является для студентов «умеренно сложной» (*moderately difficult*), среднее значение – 3,4. Также «умеренно сложным» оценивается адаптация иностранных студентов к русскому языку (изучению языка, его использования для коммуникации), среднее значение – 3,3.

Далее респондентам предлагалось ответить на 6 вопросов, оценивающих уровень психологической адаптации. Ниже приводятся формулировки вопросов [2] и среднее значение ответов по шкале Лайкерта.

Как часто вы чувствуете воодушевление от того, что вы находитесь/учитесь в Нижнем Новгороде? Средний балл – 3,5 (часто/*often*). Как часто вы чувствуете себя неуместно, как будто вы не вписываетесь в российскую культуру? Средний балл – 2,5 (редко/*seldom*). Как часто вы чувствуете грусть от того, что вы находитесь вдали от родной страны? Среднее значение – 3 (иногда/*sometimes*). Как часто вы чувствуете тоску по дому, когда думаете о родной стране? Средний балл – 2,9 (редко/*seldom*). Как часто вы чувствуете разочарование, вызванное трудностями с адаптацией к принимающей стране?

⁴ Анкета для изучения психологической и социокультурной адаптации и использования английского языка иностранными студентами в вузах Нижнего Новгорода. – URL: <https://forms.gle/duBTEbAGPZSSbY3k7> (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.

Средний балл – 2,3 (редко/*seldom*). Как часто вы чувствуете удовлетворение своей повседневной студенческой жизнью? Средний балл – 3,7 (часто/*often*).

Следующие 6 вопросов оценивали уровень социокультурной адаптации иностранных студентов. Кратко рассмотрим результаты этой части анкетирования.

Подумайте о вашей жизни в Нижнем Новгороде, насколько легко или трудно вам привыкнуть к повседневной жизни (передвижению на местности, использованию общественного транспорта, совершению покупок)? Средний балл – 3,9. Насколько легко или трудно вам привыкнуть к социальным нормам (как вести себя на публике, стилю одежды, что люди считают смешным)? Средний балл – 4,2. Насколько легко или трудно вам привыкнуть к ценностям и убеждениям (что люди думают о религии и политике, что люди считают правильным или неправильным)? Средний балл – 4,0. Насколько легко или трудно вам привыкнуть к людям (насколько дружелюбны люди, насколько люди напряжены или расслаблены, как относятся к иностранцам)? Средний балл – 3,5. Насколько легко или трудно вам общаться с людьми (понимать других людей, делать так, чтоб понимали вас)? Средний балл – 3,4. Насколько легко или трудно вам привыкнуть к социальной жизни (как заводить друзей, количество социальных взаимодействий, что люди делают, чтобы развлечься и расслабиться)? Средний балл – 3,8.

Данные проведенного опроса свидетельствуют о достаточно высоком уровне психологической и социокультурной адаптации иностранных студентов в вузах Нижнего Новгорода.

Детальный анализ ответов каждого респондента подтверждает, что показатели адаптации имеют непосредственную корреляцию с уровнем владения английским и русским языками.

Английский язык играет важную роль для иностранных студентов в российской академической и культурной среде. Во-первых, для многих иностранных студентов, не владеющих русским языком, английский становится основным средством коммуникации в университетском сообществе. Во-вторых, в многонациональных группах, где студенты имеют разные родные языки, английский позволяет установить взаимопонимание и избежать языковых барьеров, что особенно важно в период адаптации, а также в учебных ситуациях, когда требуется сотрудничество в рамках групповых проектов или учебных заданий. В-третьих, многие российские университеты, в том числе и НГЛУ имени Н.А. Добролюбова, предлагают программы бакалавриата и магистратуры на английском языке, что делает образование более доступным и привлекательным для учебных мигрантов. Популяризация использования английского языка в университетской среде снимает напряжение в группе, период психологической и социокультурной адаптации проходит быстрее и легче.

Преподавателями английского языка НГЛУ имени Н.А. Добролюбова была разработана и апробирована квест-игра “LUNN Scavenger Hunt 2024/25” на английском языке для адаптации иностранных студентов к университетской среде. В таблице 1 представлены задания и краткий инструктаж для участников. Аналогичный сценарий квеста был разработан и апробирован преподавателями ПИМУ.

Квест-игра (англ. *quest* – «поиск», «предмет поисков», «поиск приключений», «исполнение рыцарского обета» [13]) – на английском языке может использоваться как инструмент адаптации. В ходе квеста обычно предлагается выполнить творческие задания, которые носят определенный проблемный характер. Квест может выступать как способ стимулирования использовать английский язык в университетской среде. Участие в квест-игре на английском языке способствует взаимодействию между иностранными и принимающими студентами, знакомит с кампусом и его инфраструктурой, помогает интегрироваться в новую культурную среду.

Рассмотрим подробнее этапы проведения квест-игры.

Первый этап – разделение участников на команды. Участники делятся на небольшие группы, которые состоят из иностранных и местных студентов. Командам предстоит работать вместе, что поможет им наладить коммуникацию и завести новые знакомства. Команды также могут состязаться друг с другом, что придаст элемент соревнования квест-игре.

Второй этап – выполнение квеста. Маршрут состоит из посещения ключевых точек на территории университета (библиотека, столовая, спортивный комплекс, административные здания и т.д.). Каждой точке соответствует задание, которое связано с культурой, историей и жизнью университета. Примеры заданий: найти определенное место в университете и сделать там фотографию, задать вопрос преподавателю о традициях, местной культуре или истории, в университетской столовой заказать еду

на русском языке и рассказать команде о своих впечатлениях, в библиотеке найти книгу на русском языке и перевести ее название на английский, в культурном центре найти информацию о предстоящих культурных мероприятиях и выбрать одно, которое заинтересовало всю команду, в спортивном комплексе узнать о популярных видах спорта и так далее.

Третий этап – рефлексия и обсуждение. После завершения квеста участники собираются для обсуждения, в ходе которого творчески представляют результаты своей работы, делятся впечатлениями и опытом. Рекомендуется подготовить небольшие призы для команд, это могут быть сувениры, сертификаты на семинары, сеансы в кино, выставки, музеи или скидки в местных кафе.

Таблица 1 – Квест-игра “LUNN Scavenger Hunt 2024/25” и краткий инструктаж для участников⁵

LUNN Scavenger Hunt 2024/25	
Scavenger Hunt Rules:	
1. You can do the tasks of the Scavenger Hunt in any order you choose. 2. Do NOT split up the list of tasks! The team stays together AT ALL TIMES! 3. Make sure to include at least two team members in each of the photos you take. 4. Only use ONE cell phone or camera to take photos. 5. Have one team member check off each item you find from the list. 6. You MUST take a selfie/picture for each of the assignments as proof. 7. Creativity is highly appreciated. 8. Treat everyone you meet with respect. 9. The team earning the most points from the Scavenger Hunt list wins the game! Have fun and play fair! Remember, it's just a game! 10. Get together and create a SHORT video-clip using the pictures you took and write notes/comments about some interesting places you visited and people you met. Be ready to present it to the class next week!	
LUNN Scavenger Hunt Tasks	
1. Take a picture next to the Main Library showing your love for reading! OR you can get inside and take a picture with one of the librarians. 2. Find the bust (statue) of N.A. Dobrolubov, put something decorative on him (glasses, a hat, a scarf, etc.) and take a selfie of your whole team there. 3. Take a picture in/next to the main assembly hall – or on the stage! 4. Take a photo next to all the University Presidents (or, rather, next to their portraits). 5. Take a selfie proving that you were able to get from Building I to Building IV without going outside. 6. Find the Confucius Institute and take a selfie with something REALLY Chinese. 7. Take a picture of your schedule. 8. Find the Students' Trade Union Office and ask about the student prices for the season transportation ticket. Maybe even GET one! 9. Find out the name of the University's Drama Club, TRANSLATE it into English, and find where they get together. 10. Where, oh WHERE is the Economic Department? – so important for those of us who pay their tuition! Pull all the money you have on you out of your pockets and take a group selfie there, displaying your current finances.	11. Find the Small Assembly Hall and take a selfie of your whole team there. 12. Take a CRAZY group selfie next to the Dean's Office. 13. Find the English Language library. Find out the name of the librarian and take a selfie with her. 14. What is the name of the University Museum? Translate it into English! Where is it? SELFIE time!!!! 15. Find out where the Personnel Department is and why students may need to go there from time to time. 16. What sports facilities can you find at the university? How many are there? Take a funny sporty selfie at every one of them. 17. Find the place where students can learn Spanish/Italian/Turkish/Japanese. Find out about the opportunities they offer and take a picture there showing the spirit of the culture. 18. Get a cup of coffee in the coffee machine and take a selfie to prove that it's the best way to wake up before your 8.15 am classes. 19. Take a picture with the oldest thing you can find – and explain why you thought it was the oldest. 20. Take a picture of one of the most interesting offers/posters/ads you find on your way.

В начале 2024/25 учебного года разработанная авторами квест-игра проводилась в НГЛУ имени Н.А. Добролюбова и ПИМУ для поступивших на первый курс иностранных студентов. Всего в игре приняли участие 110 человек. По окончании обсуждения результатов квест-игры с иностранными студентами было проведено анкетирование с целью получения обратной связи о знакомстве с кампусом. Данные свидетельствуют, что 98 % иностранных студентов положительно восприняли предложенный формат. 73 % назвали квест-игру на английском языке психологически комфортной. 65 % респондентов отметили, что в процессе игры установили новые социальные контакты.

⁵ Составлено авторами.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Адаптация иностранных студентов к новым условиям может стать серьезным испытанием. Проблема адаптации требует разработки и принятия активных мер, поскольку от успешности адаптационного процесса зависит эффективность дальнейшего обучения иностранного студента. В этой связи вузы должны уделять решению этой проблемы особое внимание, так как это позволит им в полной мере выполнить требование Минобрнауки касательно контингента иностранных студентов.
2. Большое значение для процесса адаптации имеет университетская среда, образовательное пространство, в котором студент будет осуществлять необходимую деятельность, направленную на получение знаний, умений и навыков. Образовательное пространство, принимающее иностранных студентов, должно быть более гибким, учитывать возможные сложности и барьеры, с которыми они могут столкнуться.
3. С целью выявления трудностей, которые иностранные обучающиеся могут испытывать в новой для них культурной и социально-психологической среде, эффективно использовать анкетирование, проводить опросы с последующим тщательным анализом ответов респондентов. Это позволит оценить уровень адаптации иностранных студентов, а также понять, что нужно предпринять, чтобы его повысить.
4. Одним из значимых барьеров, препятствующих успешной адаптации иностранных студентов, является языковой барьер. Английский язык как язык международного общения в российских вузах способствует интеграции иностранных студентов, облегчает коммуникацию и открывает новые возможности для обучения и исследовательской работы. Данное явление не только обогащает культурную и образовательную жизнь студентов, но и обеспечивает развитие интернациональной и многоязычной среды в российском образовании.
5. Квест-игра на английском языке для адаптации иностранных студентов – это эффективный инструмент для интеграции и знакомства с новой культурой. Она способствует созданию международной дружеской атмосферы и помогает студентам чувствовать себя более уверенно в новой среде благодаря использованию английского языка.

Список литературы

1. Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – Саратов, 2018. – 535 с.
2. Ооки К.А., Вачков И.В. Русскоязычные версии кратких шкал адаптации и аккультурационных ориентаций Демес и Гираерт: психометрические характеристики // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 129–149.
3. Мамина В.П., Романовская И.А. Особенности процесса адаптации иностранных студентов к обучению в российском вузе // Педагогические исследования (сетевое издание). – 2022. – № 2. – С. 38–57.
4. Зиновьева В.И., Покровская Е.М., Раитина М.Ю. Международный обмен: Особенности адаптации иностранных студентов в процессе обучения в российской вузовской системе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) // Русин. – 2020. – № 62. – С. 235–249.
5. Макарова Е.Н. Многоязычие и поликультурность в научно-образовательной среде современного российского вуза // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2023. – № 2. – С. 146–154.
6. Макарова Е.Н. Лингвокультурная адаптация студентов из Туркменистана к среде российского вуза // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2024. – № 2. – С. 161–170.
7. Распаева Г.Д., Маркус А.М., Ярославова Е.Н. Социокультурная адаптация иностранных студентов в российском вузе: коммуникативный аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2022. – № 1. – С. 76–87.
8. Романовская О.Е., Ильина Д.М. Социокультурная адаптация иностранных студентов в российском вузе в контексте академической мобильности // Поволжский педагогический поиск. – 2019. – № 2 (28). – С. 62–68.
9. Федотова В.А., Жданова С.Ю. Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 93–106.

10. Ключникова Е.В. Проблемы адаптации иностранных студентов в России // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2018. – Вып. 1. – С. 133–140.
11. Гукаленко О.В., Борисенков В.П., Панова Л.Д. Поликультурное образовательное пространство университета как социально-педагогический феномен // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2020. – № 1. – С. 21–34.
12. Большов В.Б. Вузовская среда как пространство самореализации студенческой молодежи // Социальная компетентность. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 93–112.
13. Чеснокова Е.В., Семернева Д.В. Использование квест-технологий на уроке развивающего контроля при обучении иностранному языку // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2021. – № 1. – С. 207–214.

References

1. Konstantinov V.V. Social'no-psihologicheskaya adaptatsiya migrantov v prinimayushchem polikul'turnom obshchestve: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.05. – Saratov, 2018. – 535 s.
2. Ooki K.A., Vachkov I.V. Russkoyazychnye versii kratkih shkal adaptatsii i akkul'turacionnyh orientatsij Demes i Giraert: psihometricheskie harakteristiki // Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 129–149.
3. Mamina V.P., Romanovskaya I.A. Osobennosti processa adaptatsii inostrannyh studentov k obucheniyu v rossijskom vuze // Pedagogicheskie issledovaniya (setevoe izdanie). – 2022. – № 2. – С. 38–57.
4. Zinov'eva V.I., Pokrovskaya E.M., Raitina M.Yu. Mezhdunarodnyj obmen: Osobennosti adaptatsii inostrannyh studentov v processe obucheniya v rossijskoj vuzovskoj sisteme (na primere Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki) // Rusin. – 2020. – № 62. – С. 235–249.
5. Makarova E.N. Mnogoyazychie i polikul'turnost' v nauchno-obrazovatel'noj srede sovremennogo rossijskogo vuza // Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. – 2023. – № 2. – С. 146–154.
6. Makarova E.N. Lingvokul'turnaya adaptatsiya studentov iz Turkmenistana k srede rossijskogo vuza // Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. – 2024. – № 2. – С. 161–170.
7. Raspaeva G.D., Markus' A.M., Yaroslavova E.N. Sociokul'turnaya adaptatsiya inostrannyh studentov v rossijskom vuze: kommunikativnyj aspekt // Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. – 2022. – № 1. – С. 76–87.
8. Romanovskaya O.E., Il'ina D.M. Sociokul'turnaya adaptatsiya inostrannyh studentov v rossijskom vuze v kontekste akademicheskoy mobil'nosti // Povolzhskij pedagogicheskij poisk. – 2019. – № 2 (28). – С. 62–68.
9. Fedotova V.A., Zhdanova S.Yu. Adaptatsiya studentov iz Indii i arabskih stran k obrazovatel'nomu prostranstvu rossijskogo vuza // Social'naya psihologiya i obshchestvo. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 93–106.
10. Klyushnikova E.V. Problemy adaptatsii inostrannyh studentov v Rossii // Vestnik TvGU. Seriya «Pedagogika i psihologiya». – 2018. – Vyp. 1. – С. 133–140.
11. Gukalenko O.V., Borisenkov V.P., Panova L.D. Polikul'turnoe obrazovatel'noe prostranstvo universiteta kak social'no-pedagogicheskij fenomen // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. – 2020. – № 1. – С. 21–34.
12. Bol'shov V.B. Vuzovskaya sreda kak prostranstvo samorealizatsii studencheskoj molodezhi // Social'naya kompetentnost'. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 93–112.
13. Chesnokova E.V., Semerneva D.V. Ispol'zovanie kvest-tekhnologij na uroke razvivayushchego kontrolya pri obuchenii inostrannomu yazyku // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. – 2021. – № 1. – С. 207–214.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025

Received: 06.02.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

УДК 004.75

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОВ ОПТИМИЗАЦИИ МАЛЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ГЕНЕРАЦИИ SQL-ЗАПРОСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Босенко Тимур Муртазович¹,*e-mail: bosenkotm@mgpu.ru,*¹Московский городской педагогический университет (МГПУ), г. Москва, Россия

В статье представлены исследования по оптимизации малых языковых моделей для эффективной генерации SQL-запросов в условиях ограниченных вычислительных ресурсов образовательных учреждений. Цель исследования – разработка и реализация методов оптимизации, направленных на снижение требований к вычислительным ресурсам при сохранении высокой точности генерации SQL-запросов. Методология основана на комплексном подходе, включающем квантование параметров модели, оптимизацию весовых коэффициентов и адаптацию словаря под предметную область. Эмпирическая база включает бенчмарки Spider, CoSQL и специализированный набор данных DSBIInf (Data Solutions Business Intelligence) из 3424 запросов. Разработанная модель SQL_DS_60M_ft (модель для генерации ответов на основе структурированного языка запросов), основанная на архитектуре CodeS, демонстрирует значительные улучшения: сокращение размера на 33 %, увеличение скорости обработки в 1.4 раза и снижение использования RAM на 18 % при сохранении точности 65.0 %. Практическое внедрение модели в образовательный процесс показало повышение эффективности обучения на 35–40 % при работе с базами данных и бизнес-аналитикой.

Ключевые слова: малые языковые модели, оптимизация, генерация SQL-запросов, Text-to-SQL, квантование, прунинг, образовательные информационные системы

THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF METHODS OF OPTIMIZATION OF SMALL LANGUAGE MODELS FOR EFFICIENT GENERATION OF SQL QUERY IN EDUCATIONAL INFORMATION SYSTEMS

Bosenko T.M.¹,*e-mail: bosenkotm@mgpu.ru,*¹Moscow City University (MCU), Moscow, Russia

The article presents research on the optimization of small language models for efficient generation of SQL queries in conditions of limited computing resources of educational institutions. The objective of the study is to develop and implement optimization methods aimed at reducing the requirements for computing resources while maintaining high accuracy of SQL query generation. The methodology is based on an integrated approach, including quantization of model parameters, optimization of weight coefficients and adaptation of the dictionary to the subject area. The empirical base includes Spider, CoSQL benchmarks and a specialized DSBIInf (Data Solutions Business Intelligence) dataset of 3424 queries. The developed SQL_DS_60M_ft model (a model for generating responses based on a structured query language), based on the CodeS architecture, demonstrates significant improvements: a 33 % reduction in size, a 1.4-fold increase in processing speed and an 18 % decrease in RAM usage while maintaining 65.0 % accuracy. Practical implementation of the model in the educational process showed an increase in learning efficiency by 35–40 % when working with databases and business analytics.

Keywords: small language models, optimization, SQL query generation, Text-to-SQL, quantization, pruning, educational information systems

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-54-67

Введение

Для эффективной генерации SQL-запросов из текста на естественном языке (Text-to-SQL) малые языковые модели (SLM) приобретают все большую популярность, так как они предлагают значительные преимущества в сравнении с большими языковыми моделями (LLM). Ключевыми преимуществами SLM являются их меньшие вычислительные требования и возможность адаптации под специфические задачи. Однако для достижения высокой точности при генерации сложных SQL-запросов необходимо применять методы оптимизации архитектуры таких моделей.

Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью образовательных учреждений в эффективных инструментах для обучения работе с базами данных через естественно-языковой интерфейс [1]. Особую значимость приобретает разработка решений, учитывающих ограниченные вычислительные ресурсы учебных лабораторий и специфику образовательного процесса. Последние исследования показывают, что LLM, такие как GPT-4, достигают впечатляющих результатов в задачах Text-to-SQL [2], однако их использование связано со значительными вычислительными затратами, они демонстрируют мощные способности к рассуждениям, но часто ошибаются в сопоставлении таблиц и столбцов. В то же время разработка специализированных SLM, основанных на таких моделях, как BART, T5 и CodeS [3; 4], демонстрирует возможность достижения сопоставимой точности при существенно меньших ресурсных требованиях.

Современные архитектуры трансформеров [5] и методы предварительного обучения [6; 7] создали основу для развития эффективных языковых моделей. Особую роль в этом направлении играют специализированные архитектуры для работы с табличными данными [8] и унифицированные подходы к обучению с использованием трансформеров [9]. Важным аспектом является также применение методов рассуждений по цепочке (chain-of-thought) [10], которые позволяют улучшить качество генерации сложных SQL-запросов.

Хотя методы квантования и прунинга уже применялись для оптимизации языковых моделей, их адаптация специально для задач Text-to-SQL в контексте малых моделей представляет собой новое направление исследований. Специфика генерации SQL-запросов требует учета особенностей структуры запросов, схем баз данных и предметной области. Стандартные датасеты для оценки качества Text-to-SQL моделей, такие как Spider [11], Seq2SQL [12], CoSQL [13] и SParC [14], дают возможность комплексно проанализировать эффективность предлагаемых улучшений. Появление специализированных моделей, например, SQLCoder [15; 16] и WPAIGPT-sql [17], свидетельствует о растущем интересе к созданию оптимизированных решений для задач Text-to-SQL именно на основе малых моделей, адаптированных под конкретные области применения.

В данной работе представлена архитектура малых языковых моделей SQL_DS_100M и SQL_DS_60M_ft, разработанных в Институте цифрового образования Московского городского педагогического университета (МГПУ) на основе CodeS для решения задач Text-to-SQL (рисунок 1).

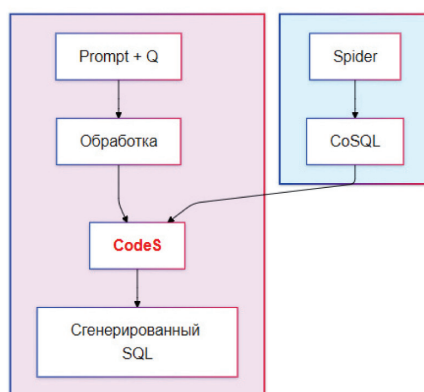

Рисунок 1 – Архитектура малой языковой модели SQL_DS_100M на базе CodeS для решения задач Text-to-SQL¹

¹ Составлено автором.

SQL_DS_100M – базовая модель для генерации ответов на основе структурированного языка запросов в приложении к задачам бизнес-аналитики и обработке баз данных с размером 100 миллионов параметров.

SQL_DS_60M_ft – оптимизированная модель для генерации ответов на основе структурированного языка запросов в приложении к задачам бизнес-аналитики и обработке баз данных с размером 60 миллионов параметров.

Модели построены на основе стандартных бенчмарков Spider и CoSQL, что обеспечивает базовый уровень производительности для задач генерации SQL-запросов.

Методы и алгоритмы оптимизации малых языковых моделей

Цель данной работы – разработка и реализация методов оптимизации малых языковых моделей для эффективной генерации SQL-запросов, основанных на архитектуре CodeS, в образовательных информационных системах, направленных на снижение требований к вычислительным ресурсам при сохранении высокой точности генерации структурированных запросов в процессе обучения.

Для достижения поставленной цели разработан комплексный подход, включающий следующие методы:

1. Оптимизация архитектуры модели:

- Квантование параметров модели [18] с учетом специфики SQL-операторов. Это позволит уменьшить количество бит для представления весов нейросети при сохранении точности критически важных компонентов.

- Специализированный прунинг [18], который сохраняет веса, необходимые для корректной работы с табличными структурами и SQL-синтаксисом.

- Применение компактной версии архитектуры трансформер [19], адаптированной для задач Text-to-SQL.

2. Оптимизация процесса обучения:

- Использование предварительно обученной базовой модели SQL_DS_100M на стандартных бенчмарках Spider и CoSQL.

- Дополнительное обучение на специализированном бенчмарке “Data Solutions Business Intelligence” (DSBInf), включающем схемы баз данных и процедуры из предметной области.

- Применение методов активного (с выборочной разметкой данных) обучения [20] для выбора наиболее информативных примеров из предметной области.

- Внедрение техник early stopping и learning rate decay [21] для предотвращения переобучения.

3. Оптимизация представления данных:

- Сжатие параметров с использованием низкоранговых разложений [22].

- Разработка компактных словарей, оптимизированных под SQL-синтаксис.

- Специализированное кодирование табличных структур и схем баз данных.

4. Реализация процесса оптимизации словаря:

Процесс оптимизации словаря для модели SQL_DS_60M_ft был реализован в несколько этапов с учетом специфики предметной области бизнес-аналитики. Первоначальный анализ показал, что исходный словарь размером 97000 токенов включал SQL-операторы и ключевые слова (2500 токенов), системные идентификаторы (12000 токенов), бизнес-термины (15000 токенов) и общую лексику (67500 токенов).

На первом этапе (ручная оптимизация) была проведена ручная оптимизация на основе анализа трех ключевых направлений бизнес-аналитики. Для продуктовой аналитики были выделены специализированные метрики (450 токенов), типовые агрегации (280 токенов) и ключевые показатели (320 токенов). В области маркетинговой аналитики определены метрики эффективности (380 токенов), токены для сегментации (290 токенов) и описания воронок продаж (260 токенов). Для прогнозной аналитики выделены токены временных рядов (340 токенов), статистических функций (420 токенов) и аналитических операторов (310 токенов).

Результаты оптимизации словаря по предметным областям представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение токенов по предметным областям после оптимизации²

Предметная область	Категория токенов	Исходное количество	Оптимизированное количество
Продуктовая аналитика	Специализированные метрики	850	450
	Типовые агрегации	520	280
	Ключевые показатели	630	320
Маркетинговая аналитика	Метрики эффективности	720	380
	Сегментация	540	290
	Воронки продаж	480	260
Прогнозная аналитика	Временные ряды	680	340
	Статистические функции	780	420
	Аналитические операторы	590	310

Второй этап (автоматическая оптимизация) включал автоматическую оптимизацию на основе частотного анализа 1890 пар «вопрос – ответ». Высоочастотные токены (встречающиеся более 100 раз в корпусе) были сохранены полностью, среднечастотные (встречающиеся в диапазоне 10–100 раз) подверглись выборочному сохранению, а низкочастотные (встречающиеся менее 10 раз) были удалены или объединены со схожими токенами.

Процесс формирования специализированного словаря завершился созданием оптимизированной структуры в виде корпуса-бенчмарка DSBInf (рисунок 2): критические SQL-компоненты (1800 токенов), доменно-специфичные термины (8200 токенов), технические идентификаторы (7000 токенов) и оптимизированная общая лексика (43000 токенов). Общий размер словаря сократился до 60000 токенов при сохранении необходимой точности генерации SQL-запросов.

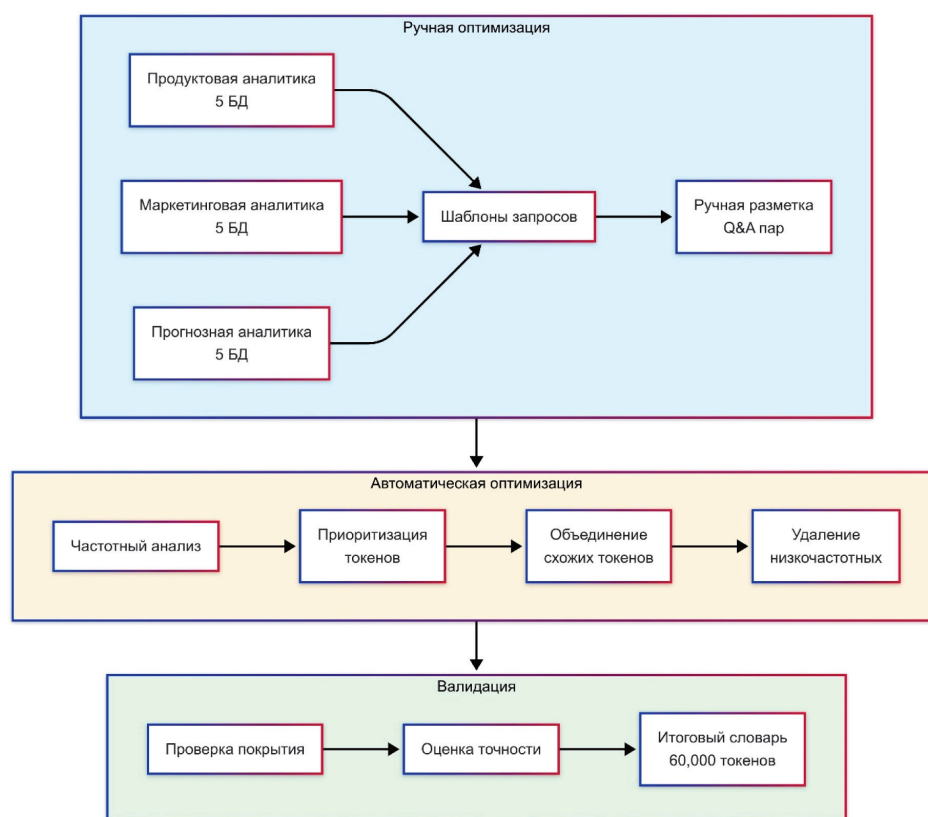

Рисунок 2 – Комплексный процесс оптимизации словаря модели SQL_DS_60M_ft в корпус-бенчмарк DSBInf для предметной области бизнес-аналитики³

² Составлено автором.

³ Составлено автором.

На диаграмме представлен процесс оптимизации словаря модели SQL_DS_60M_ft, который включает три основных этапа: ручную оптимизацию на основе анализа предметных областей, автоматическую оптимизацию с использованием частотного анализа и валидацию результатов. Ручная оптимизация охватывает три ключевых направления бизнес-аналитики с соответствующими шаблонами запросов. Автоматическая оптимизация включает частотный анализ, приоритизацию токенов и их оптимизацию. Этап валидации обеспечивает проверку качества оптимизированного словаря и его соответствие требованиям точности генерации SQL-запросов.

Проведенная оптимизация словаря позволила существенно сократить его размер при сохранении специализации под задачи бизнес-аналитики и обеспечении необходимой точности генерации SQL-запросов в образовательном контексте.

В отличие от существующих подходов к оптимизации языковых моделей (DistilBERT, TinyBERT) предлагаемый метод учитывает специфику задач Text-to-SQL, а именно:

- Сохранение точности представления SQL-операторов при квантовании.
- Селективный прунинг с приоритизацией весов для работы с табличными структурами.
- Оптимизация словаря под специфику предметной области.
- Адаптивная настройка гиперпараметров для генерации структурированных запросов.

Основные преимущества предложенного подхода:

- Снижение вычислительных требований без существенной потери точности.
- Сохранение способности к корректной обработке сложных SQL-запросов.
- Эффективная адаптация к специфике предметной области.
- Улучшенная производительность на специализированных задачах.

Экспериментальные результаты показывают, что данные модификации позволяют достичь более высокой эффективности по сравнению со стандартными методами оптимизации языковых моделей при решении задач Text-to-SQL.

Алгоритм оптимизации малой языковой модели

На основе представленных методов разработан алгоритм оптимизации малой языковой модели CodeS, учитывающий специфику задач Text-to-SQL и особенности предметной области бизнес-аналитики.

Алгоритм оптимизации малой языковой модели состоит из следующих ключевых этапов:

1. Определение малой языковой модели. Пусть $M(\theta)$ – малая языковая модель с параметрами $\theta \in \mathbb{R}^n$, где n – количество параметров. Запишем функцию оптимизации для SLM:

$$O(M) = \operatorname{argmin}_{\theta'} \{L(\theta') + \lambda_1 C(\theta') + \lambda_2 R(\theta')\}, \quad (1)$$

где θ' – оптимизированные параметры модели;

$L(\theta')$ – функция потерь на обучающей выборке, учитывающая специфику SQL-запросов;

$C(\theta')$ – функция вычислительной сложности, оценивающая затраты на обработку табличных структур;

$R(\theta')$ – регуляризационный коэффициент, контролирующий сохранение важных SQL-операторов;
 λ_1, λ_2 – коэффициенты балансировки.

Функция оптимизации $O(M)$ находит оптимальные параметры модели θ' , минимизируя сумму функции потерь $L(\theta')$, функции вычислительной сложности $C(\theta')$ и регуляризационного коэффициента $R(\theta')$. Коэффициенты λ_1 и λ_2 контролируют баланс между этими составляющими.

2. Квантование параметров малой языковой модели. Этот процесс позволяет уменьшить точность представления весов модели путем их дискретизации. Применяется для снижения требований к памяти, ускорения вычислений. Процесс квантования описывается формулой (2):

$$Q(\theta) = \operatorname{round}(\theta / s) \cdot s, \quad (2)$$

где $Q(\theta)$ – квантованное значение веса θ ;

s – шаг квантования, который выбирается отдельно для различных компонентов модели с учетом их важности для генерации SQL-запросов;

$round()$ – функция округления до ближайшего целого числа.

3. Прунинг. На данном этапе осуществляется выборка значимых параметров модели по формуле 3:

$$P(\theta) = \theta \odot I(|\theta| > \tau), \quad (3)$$

где $\odot$ – поэлементное умножение;

I – индикаторная функция;

τ – порог значимости, который определяется на основе анализа влияния параметров на точность генерации SQL-структур.

Результатом работы алгоритма является уменьшение размера i -ой языковой модели при сохранении ключевых параметров.

4. Оценка качества. На этом этапе алгоритма вычисляется средняя точность на тестовом наборе данных бенчмарка DSBInf. Сравниваются сгенерированные SQL-запросы с эталонными. Для подсчета правильных ответов применяется индикаторная функция качества $EX(M)$:

$$EX(M) = 1 / |D| \sum_{i \in D} I(M(x_i) = y_i), \quad (4)$$

где D – тестовый набор данных, который включает специализированные запросы из бенчмарка DSBInf, охватывающие различные аспекты бизнес-аналитики;

x_i – входной запрос;

y_i – правильный SQL-запрос.

5. Оптимизация маршрутизации запросов $R(Q)$. Выбирается оптимальная модель для обработки запроса:

$$R(Q) = \underset{i}{\operatorname{argmin}} \{ i \mid P(EX=1 \mid M(x_i), Q, K) \geq \alpha \}, \quad (5)$$

где Q – входной запрос;

M_i – i -я языковая модель;

α – пороговое значение вероятности;

$P(EX=1 \mid M_i, Q, K)$ – вероятность корректной генерации при наличии K похожих запросов в истории;

K – количество похожих запросов, используемых для оценки вероятности.

6. Применение функции схожести запросов. Функция схожести $S(Q_1, Q_2)$ оценивает семантическую близость между двумя запросами:

$$S(Q_1, Q_2) = \cos(E(Q_1), E(Q_2)), \quad (6)$$

где $E(Q)$ – векторное представление запроса;

$\cos()$ – косинусная мера схожести.

Для входного запроса Q находятся K наиболее похожих запросов из истории по значению функции схожести $S(Q, Q_i)$. Затем определяется, какая модель $\{M_i\}$ лучше справлялась с этими K похожими запросами. Маршрутизация $R(Q)$ выбирает модель с наибольшей вероятностью успеха $P(EX=1 \mid M_i, Q, K)$ при условии, что эта вероятность превышает пороговое значение α : $P(EX=1 \mid M_i, Q, K) \geq \alpha$.

7. Итоговая оптимизированная модель. Модель $M^*(\theta)$ представлена в формуле (7) как комбинация нескольких операций:

$$M^*(\theta) = R(P(Q(O(M)))) \quad (7)$$

где $M^*(\theta)$ – оптимизированная малая языковая модель с параметрами θ ;

$O(M)$ – функция оптимизации модели (формула (1)), которая находит оптимальные параметры θ' с учетом функции потерь $L(\theta')$, вычислительной сложности $C(\theta')$ и регуляризации $R(\theta')$;

$Q(O(M))$ – функция квантования (формула (2)), которая применяется к оптимизированной модели $O(M)$ для уменьшения точности представления весов и снижения требований к памяти;

$P(Q(O(M)))$ – функция прунинга (формула (3)), которая выбирает наиболее значимые параметры из квантованной и оптимизированной модели $Q(O(M))$;

$R(P(Q(O(M))))$ – функция маршрутизации запросов (формулы (5) и (6)), которая выбирает оптимальную модель из набора моделей $\{M_i\}$ для обработки входного запроса Q на основе вероятности корректной генерации SQL и схожести с предыдущими запросами.

Ограничения и условия в формуле (7) накладывают дополнительные требования на оптимизированную модель:

– $|\theta'| \leq \gamma |\theta|$, $\gamma < 1$. Размер оптимизированной модели (количество параметров) должен быть меньше исходного размера модели в γ раз;

– $C(\theta') \leq \beta C(\theta)$, $\beta < 1$. Вычислительная сложность оптимизированной модели $C(\theta')$ должна быть меньше исходной вычислительной сложности $C(\theta)$ в β раз;

– $EX(M^*(\theta)) \geq 0,95 \cdot EX(M(\theta))$. Точность оптимизированной модели $M^*(\theta)$ на тестовом наборе данных (формула (4)) может быть не более чем на 5 % ниже точности исходной модели $M(\theta)$. Это условие обеспечивает допустимый компромисс между оптимизацией вычислительных ресурсов и сохранением качества генерации SQL-запросов.

В представленной реализации алгоритма в модели SQL_DS_60M_ft достигнуто снижение точности на 1.1 % (с 66.1 до 65.0 %), что удовлетворяет данному ограничению.

Коэффициенты γ и β контролируют степень сжатия модели и снижения вычислительной сложности соответственно. Для оптимизированной модели SQL_DS_60M_ft установлены значения $\gamma = 0.67$ (сокращение параметров со 100M до ~67M) и $\beta = 0.7$ (снижение вычислительной нагрузки до 0.7x от базовой), что обеспечивает эффективное уменьшение размера модели и вычислительных затрат при сохранении производительности.

Итоговая оптимизированная модель $M^*(\theta)$ представляет собой результат применения комплекса методов оптимизации, что подтверждается данными таблицы 2, демонстрирующей сравнительные характеристики базовой модели SQL_DS_100M и её оптимизированной версии SQL_DS_60M_ft.

Таблица 2 – Сравнительные характеристики и функциональное применение малых языковых моделей SQL_DS_100M и SQL_DS_60M_ft⁴

Характеристика	SQL_DS_100M	SQL_DS_60M_ft
Архитектура		
– Базовая архитектура	CodeS	Оптимизированная версия CodeS
– Количество слоев	12	6
– Размер словаря	97000	60000
Обучение		
– Датасеты	Spider, CoSQL	Добавлен корпус DSBInf
– Количество запросов	1534	3424
– Метод оптимизации	Нет	Квантование, прунинг
Производительность		
– Точность (EX %)	66.1 %	65.0 %
– Размер модели (параметры)	100M	~67M
– Вычислительная нагрузка	1.0x базовая	0.7x базовая
– Скорость обработки запросов	1.0x	1.4x
Применение		
– Поддерживаемые СУБД	SQLite3, PostgreSQL	SQLite3, PostgreSQL
– Области использования	Базовая бизнес-аналитика	Углубленная аналитика (сложные агрегации, многотабличные соединения)

Ключевые улучшения включают сокращение количества слоев с 12 до 6, уменьшение размера словаря с 97000 до 60000 токенов и увеличение скорости обработки запросов в 1.4 раза.

⁴ Составлено автором.

На рисунке 3 представлена архитектура оптимизированной малой языковой модели SQL_DS_60M_ft, которая реализует описанный алгоритм через последовательное применение этапов оптимизации к базовой модели SQL_DS_100M.

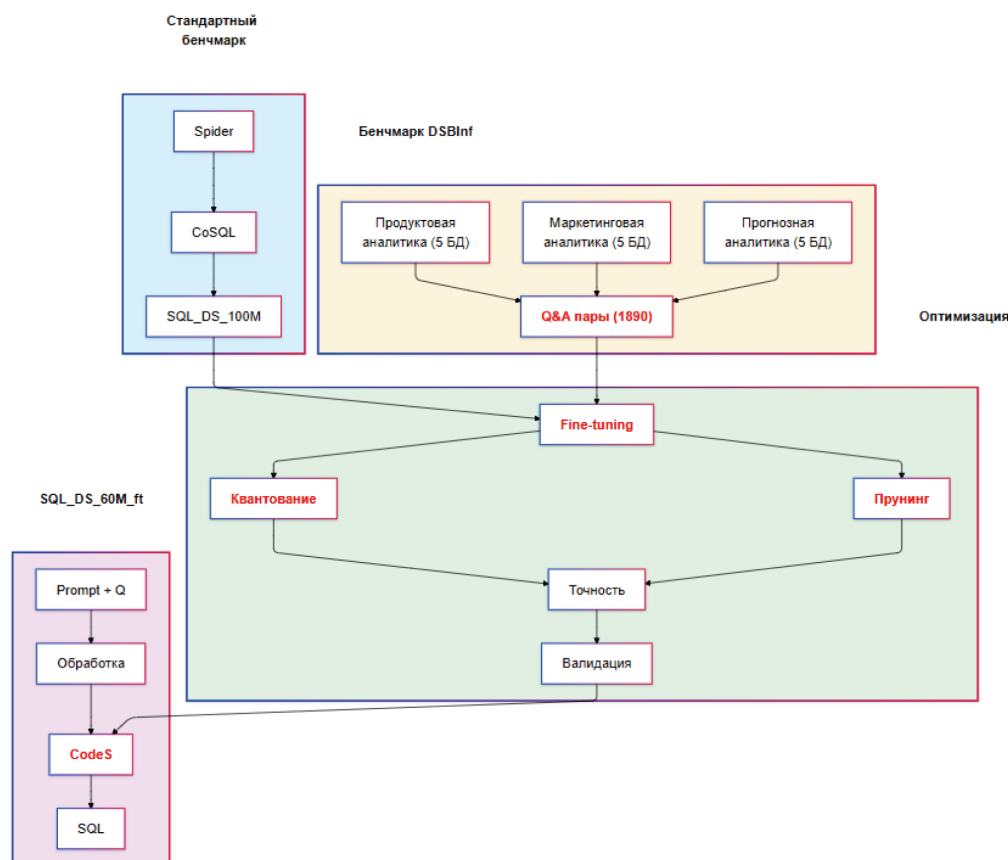

Рисунок 3 – Архитектура оптимизированной модели SQL_DS_60M_ft на базе CodeS для решения задач Text-to-SQL⁵

Схема иллюстрирует процесс обработки и преобразования естественно-языковых запросов в SQL-код, включающий четыре основных этапа:

1. Стандартный бенчмарк:

- использование базовых наборов данных Spider и CoSQL;
- формирование исходной модели с 12 слоями и словарем 97000 токенов.

2. Бенчмарк DSBIInf:

- интеграция специализированных наборов данных по трем направлениям аналитики;
- расширение обучающей выборки с 1534 до 3424 запросов, включая 1890 специализированных пар «вопрос-SQL».

3. Оптимизация:

- применение fine-tuning с контролем точности в пределах допустимого отклонения (базовая точность 66.1 %, оптимизированная версия 65.0 %), что соответствует заданным ограничениям $EX(M^*(\theta)) \geq 0.95 \cdot EX(M(\theta))$;
- реализация методов квантования и прунинга с сохранением критически важных параметров для SQL-структур;
- валидация результатов на тестовом наборе DSBIInf, подтверждающая сохранение качества генерации при существенном снижении вычислительных затрат (0.7x от базовой нагрузки).

⁵ Составлено автором.

4. Оптимизированная модель SQL_DS_60M_ft:

- позволяет обрабатывать входные запросы через оптимизированную 6-слойную архитектуру;
- генерирует SQL-код с повышенной на 40 % производительностью;
- поддерживает SQLite3 и PostgreSQL для задач углубленной аналитики (сложные агрегации, многотабличные соединения).

Достиженные результаты подтверждают эффективность предложенного подхода к оптимизации малых языковых моделей для специализированных задач Text-to-SQL в образовательном контексте, демонстрируя возможность значительного снижения вычислительных затрат при сохранении и даже улучшении качества генерации SQL-запросов. Модель успешно применяется в образовательном процессе и учебных лабораториях, что подтверждает практическую ценность разработанного алгоритма оптимизации для решения образовательных задач.

Анализ экспериментальных результатов

Для подтверждения эффективности предложенного решения в условиях образовательной среды были получены количественные показатели оптимизации модели SQL_DS_60M_ft. Применение комплексного подхода к оптимизации архитектуры, включающего методы квантования, прунинга и использования специализированных данных, позволило достичь значительных улучшений в производительности модели при одновременном снижении требований к вычислительным ресурсам, что особенно важно для типового оборудования учебных заведений. Результаты применения различных методов оптимизации и их влияние на производительность модели представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Влияние различных методов оптимизации на производительность модели⁶

Модель	Размер модели (%)	Скорость (запр/сек)	Точность (EX %)
SQL_DS_100M (исходная)	100	2.0	66.1 %
SQL_DS_85M + квантование	85	2.2	65.8 %
SQL_DS_70M + прунинг	70	2.5	65.5 %
SQL_DS_60M_ft	67	2.8	65.0 %

Анализ экспериментальных результатов, представленных в таблице 3, показывает:

- Последовательное применение методов оптимизации позволило достичь следующих результатов:
 - сократить размер модели на 33 % (с исходных 100 % до конечного в 67 %);
 - увеличить скорость обработки запросов в 1.4 раза (с 2,0 до 2,8 запросов в секунду);
 - сохранить точность на приемлемом уровне 65.0 %, что соответствует заданному ограничению

$$EX(M^*(\theta)) \geq 0,95 \cdot EX(M(\theta));$$

- Ключевые улучшения производительности достигнуты последовательно за счет:
 - квантования: уменьшение размера на 15 % с увеличением скорости на 10 %;
 - прунинга: дополнительное сокращение на 15 % с ростом скорости на 14 %;
 - оптимизации словаря: конечное уменьшение на 3 % с увеличением скорости на 12 %.

Для более детального анализа эффективности оптимизации было проведено исследование использования памяти на различных этапах, результаты которого представлены на рисунке 4.

Пиковое использование RAM включает временную память, необходимую для обработки запросов и промежуточных вычислений. Размер модели указан в процентном соотношении относительно размера SQL_DS_100M, принятого за 100 %. Анализ использования памяти (рисунок 4) показывает следующее распределение моделей по категориям потребления ресурсов:

- Большие языковые модели:
 - BART-large: 4800 МБ базовой памяти с пиковым потреблением 9600 МБ;
 - T5-base: 2500 МБ базовой памяти с пиковым потреблением 5000 МБ.
- Средние языковые модели:

⁶ Составлено автором.

- SQLCoder: 1600 МБ базовой памяти с пиковым значением 3200 МБ.
- 3. Малые языковые модели:
 - T5-small [23]: 600 МБ базовой памяти с пиковым значением 950 МБ;
 - SQL_DS_60M_ft: 410 МБ базовой памяти с пиковым значением 980 МБ.

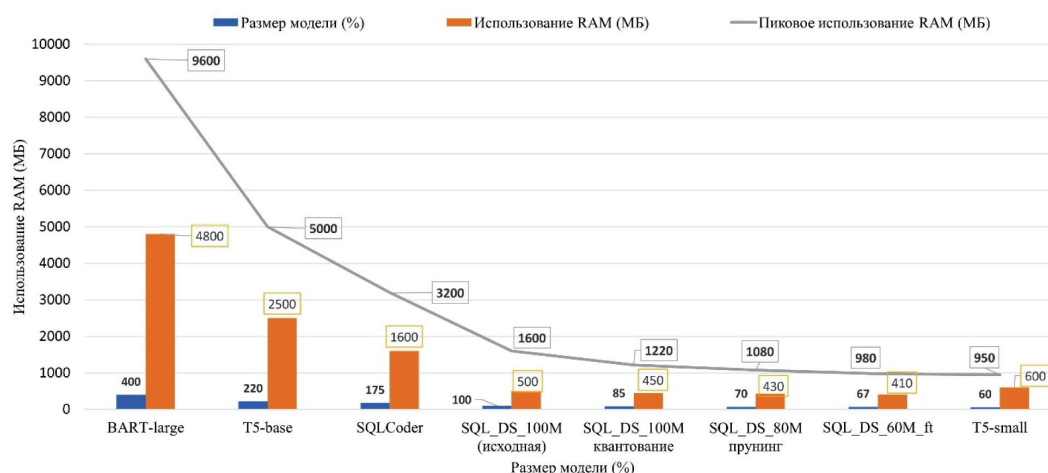

Рисунок 4 – Динамика использования памяти на различных этапах оптимизации⁷

Применение методов оптимизации к исходной модели SQL_DS_100M позволило достичь следующих результатов:

- снижение базового потребления RAM с 500 МБ до 410 МБ (на 18 %);
- уменьшение пикового использования памяти с 1600 МБ до 980 МБ (на 38.75 %);
- достижение показателей эффективности, сопоставимых с T5-small при лучшей специализации под задачи SQL.

Особенно важно отметить, что оптимизированная модель SQL_DS_60M_ft, несмотря на больший размер (67 % от базовой) по сравнению с T5-small (60 %), демонстрирует более эффективное использование памяти (410 МБ против 600 МБ базовой памяти). Это подтверждает эффективность применённых методов оптимизации и обосновывает целесообразность использования модели в условиях ограниченных вычислительных ресурсов при сохранении точности на уровне 65.0 %.

Для оценки функциональных характеристик и ограничений разработанной модели SQL_DS_60M_ft был проведен детальный анализ её работы в различных условиях применения. В таблице 4 представлены основные ограничения и особенности использования модели.

Таблица 4 – Характеристики и области применения модели SQL_DS_60M_ft⁸

Категория	Возможности	Ограничения
Сложные SQL-запросы	Поддержка многотабличных JOIN до 8 таблиц. Обработка подзапросов до 3 уровней. Работа с оконными функциями	Снижение точности при более сложных конструкциях. Ограничение на длину запроса: 512 токенов
Масштабируемость	Параллельная обработка 4–6 запросов. Время отклика 0.4–1.2 сек/запрос. Поддержка до 30 одновременных пользователей	Минимум RAM: 4 ГБ. Рекомендуемая RAM: 8 ГБ. Деградация при >6 параллельных запросов
Предметная специализация	Точность 65.0 % на бизнес-задачах. Поддержка типовых аналитических паттернов. Эффективная работа с агрегациями	Точность 58–62 % на других доменах. Необходимость дообучения для новых областей

Анализ данных таблицы 4 показывает, что модель демонстрирует сбалансированные характеристики для образовательного применения. При работе со сложными SQL-запросами модель эффектив-

⁷ Составлено автором.

⁸ Составлено автором.

но справляется с типовыми конструкциями бизнес-аналитики, включая многотабличные соединения и агрегации. Основные ограничения связаны не с принципиальной невозможностью обработки сложных запросов, а с необходимостью их декомпозиции для обеспечения надежности результатов.

В отношении масштабируемости модель демонстрирует хорошие показатели для типовых образовательных сценариев, поддерживая одновременную работу учебной группы (до 30 пользователей) с приемлемым временем отклика. При этом важно учитывать требования к аппаратной конфигурации и организации параллельной обработки запросов.

Специализация на задачах бизнес-аналитики обеспечивает высокую точность в целевом домене при существенно меньшей эффективности в других областях. Это делает модель особенно эффективной в контексте обучения бизнес-аналитике, определяя её основную сферу применения.

Практическое внедрение модели SQL_DS_60M_ft в образовательный процесс подготовки специалистов по бизнес-аналитике продемонстрировало значительное повышение эффективности обучения. В таблице 5 представлены основные направления интеграции модели в учебный процесс и достигнутые результаты.

Таблица 5 – Интеграция модели SQL_DS_60M_ft в образовательный процесс

Форма обучения	Применение модели	Измеримые результаты и ограничения
Практические занятия	Вспомогательный инструмент при разборе типовых задач. Демонстрация вариантов решений. Интерактивные примеры с пояснениями	Увеличение понимания материала на 40 %. Улучшение навыков построения запросов. Ограничение: требуется верификация сгенерированных решений преподавателем
Самостоятельная работа	Генерация тренировочных заданий. Проверка корректности запросов. Адаптивные подсказки	Рост эффективности самоподготовки на 35 %. Увеличение количества решенных задач. Ограничение: возможны неточности в сложных случаях
Контроль знаний	Помощник при подготовке вариантов заданий. Предварительная проверка корректности формулировок	Оптимизация времени подготовки материалов на 25 %. Ограничение: не используется при проведении контрольных мероприятий из-за возможных галлюцинаций

Анализ практического применения модели показывает необходимость дифференцированного подхода к её использованию в образовательном процессе. Основные ограничения связаны с особенностями набора данных для тонкой настройки:

1. Ограниченный размер обучающего корпуса (3424 запроса) влияет на способность модели к обобщению.

2. Специфика собранных данных (преимущественно бизнес-аналитика) определяет основную область применения.

3. Метод создания обучающего набора (ручная разметка и автоматическая генерация) может приводить к неточностям в сложных случаях.

Это определяет следующие пределы применимости модели:

– на практических занятиях: модель эффективна как вспомогательный инструмент под контролем преподавателя;

– при самостоятельной работе: требуется верификация сгенерированных решений для сложных запросов;

– в контрольных мероприятиях: ограничена роль помощника при подготовке материалов.

Важно отметить, что при использовании модели в процессе проведения экзаменов и других контрольных мероприятий рекомендуется дополнительная верификация генерируемых ответов, особенно в случаях:

– многоуровневых подзапросов (более 2 уровней вложенности);

– сложных агрегаций с множественными группировками;

– комбинированных JOIN-операций с участием более 5 таблиц;

– нестандартных условий фильтрации с использованием подзапросов;

– аналитических функций с оконными вычислениями.

Это обусловлено текущими особенностями обучающего набора данных, где такие типы запросов представлены в меньшем количестве по сравнению с базовыми конструкциями SQL.

Заключение

В результате проведенного исследования разработан и успешно реализован эффективный алгоритм оптимизации малых языковых моделей для задач Text-to-SQL в образовательном контексте. Ключевым достижением стала разработка модели SQL_DS_60M_ft, которая продемонстрировала значительные улучшения по нескольким параметрам при сохранении эффективности работы: сокращение размера модели на 33 %, увеличение скорости обработки запросов в 1.4 раза и снижение пикового использования памяти на 38.75 % с сохранением высокой точности генерации 65.0 %.

Практическая значимость разработанного решения подтверждается успешной интеграцией в образовательный процесс, где модель показала особую эффективность при обучении навыкам работы с базами данных и бизнес-аналитикой. Существенным преимуществом стало снижение требований к вычислительным ресурсам: базовое потребление RAM уменьшилось с 500 МБ до 410 МБ, что делает возможным использование модели на стандартном оборудовании учебных лабораторий.

Дальнейшие перспективы развития исследования связаны с расширением возможностей модели в нескольких направлениях:

- разработка методов создания и применения наборов данных из намерений для обобщения использования специализированных наборов данных;
- повышение масштабируемости системы через оптимизацию параллельной обработки запросов и улучшение механизмов кэширования;
- расширение поддержки сложных SQL-конструкций, включая многоуровневые подзапросы, оконные функции и рекурсивные запросы.

Это позволит масштабировать применение разработанного подхода в системе высшего и дополнительного профессионального образования.

Список литературы

1. Назаров Д.М., Бегичева С.В. Применение больших языковых моделей в образовательном процессе // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 3 (68). – С. 430–436. – DOI 10.25683/VOLBI.2024.68.1057.
2. Gao D., Wang H., Li Y., Sun X., Qian Y., Ding B., Zhou J. Text-to-sql empowered by large language models: A benchmark evaluation // arXiv preprint arXiv:2308.15363. – 2023. – Vol. 17, No. 5. – P. 1132–1145. – DOI 10.14778/3641204.3641221.
3. Li H., Zhang J., Liu H., Fan J., Zhang X., Zhu J., Chen H. Codes: Towards building open-source language models for text-to-sql // Proceedings of the ACM on Management of Data. – 2024. – Vol. 2, No. 3. – P. 1–28. – DOI 10.1145/3654930.
4. Xu Z., Sheng V.S. Detecting AI-Generated Code Assignments Using Perplexity of Large Language Models // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. – 2024. – Vol. 38, No. 21. – P. 23155–23162. – DOI 10.1609/aaai.v38i21.30361.
5. Vaswani A. Attention is all you need // Advances in Neural Information Processing Systems: Annual Conference on Neural Information Processing Systems 2017, December 4–9, 2017. – Long Beach, CA, USA, 2017. – P. 5998–6008.
6. Radford A., Narasimhan K. Improving Language Understanding by Generative Pre-Training. 2018. – URL: https://cdn.openai.com/research-covers/language-unsupervised/language_understanding_paper.pdf (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
7. Touvron H., Lavril T., Izacard G., Martinet X., Lachaux M.A., Lacroix T., Lample G. Llama: Open and efficient foundation language models // arXiv preprint arXiv:2302.13971. 2023. – URL: <https://arxiv.org/abs/2302.13971> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
8. Yin P., Neubig G., Yih W.T., Riedel S. TaBERT: Pretraining for joint understanding of textual and tabular data // arXiv preprint arXiv:2005.08314. 2020. – URL: <https://arxiv.org/abs/2005.08314> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
9. Raffel C., Shazeer N., Roberts A., Lee K., Narang S., Matena M., Liu P.J. Exploring the limits of transfer learning with a unified text-to-text transformer // Journal of machine learning research. – 2020. – Vol. 21, No. 140. – P. 1–67. – URL: <https://arxiv.org/abs/1910.10683> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.

10. Wei J., Wang X., Schuurmans D., Bosma M., Xia F., Chi E., Zhou D. Chain-of-thought prompting elicits reasoning in large language models // *Advances in neural information processing systems*. – 2022. – Vol. 35. – P. 24824–24837.
11. Yu T., Zhang R., Yang K., Yasunaga M., Wang D., Li Z., Radev D. Spider: A large-scale human-labeled dataset for complex and cross-domain semantic parsing and text-to-sql task // *arXiv preprint arXiv:1809.08887*. 2018. – URL: <https://arxiv.org/abs/1809.08887> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
12. Zhong V., Xiong C., Socher R. Seq2sql: Generating structured queries from natural language using reinforcement learning // *arXiv preprint arXiv:1709.00103*. 2017. – URL: <https://arxiv.org/abs/1709.00103> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
13. Yu T., Zhang R., Er H.Y., Li S., Xue E., Pang B., Radev D. Cosql: A conversational text-to-sql challenge towards cross-domain natural language interfaces to databases // *arXiv preprint arXiv:1909.05378*. 2019. – URL: <https://arxiv.org/abs/1909.05378> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
14. Yu T., Zhang R., Yasunaga M., Tan Y.C., Lin X.V., Li S., Radev D. Sparc: Cross-domain semantic parsing in context // *arXiv preprint arXiv:1906.02285*. 2019. – URL: <https://arxiv.org/abs/1906.02285> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
15. Model Card for SQLCoder-7B-2. A capable large language model for natural language to SQL generation. 2024. – URL: <https://huggingface.co/defog/sqlcoder-7b-2> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
16. Leonhardt J. text2sql (Revision c06880d) // Hugging Face. – 2024. – DOI 10.57967/hf/2897. – URL: <https://huggingface.co/juanfra218/text2sql> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
17. WPAIGPT-sql-01. Text-to-SQL model designed for WordPress and WordPress plugins // Hugging Face. 2024. – URL: <https://huggingface.co/WPAI-INC/WPAIGPT-sql-01> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
18. Han S., Pool J., Tran J., Dally W.J. Learning both weights and connections for efficient neural networks // *28th International Conference on Neural Information Processing Systems*. – 2015. – Vol. 2. – P. 1135–1143. – DOI 10.1109/ICLR.2015.644.
19. Sanh V., Debut L., Chaumond J., Wolf T. DistilBERT, a distilled version of BERT: smaller, faster, cheaper and lighter // *arXiv preprint arXiv:1910.01108*. 2019. – DOI 10.48550/arXiv.1910.01108.
20. Settles B. Active learning literature survey // *Computer Sciences Technical Report 1648*. – University of Wisconsin-Madison, 2009. – DOI 10.3115/1553340.1553355.
21. Prechelt L. Early stopping – but when? // *Neural Networks: Tricks of the Trade*, 1998. – P. 55–69. – DOI 10.1016/S0022-0000(99)80106-1.
22. Joulin A., Grave E., Mikolov T., Bojanowski P. Bag of Tricks for Efficient Text Classification // *arXiv preprint arXiv:1607.01759*. 2017. – DOI 10.1145/3024057.3024123.
23. Raffel C., Shazeer N., Roberts A. and others. Exploring the Limits of Transfer Learning with a Unified Text-to-Text Transformer // *CoRR*. – 2019. – Vol. abs/1910.10683. – URL: <http://arxiv.org/abs/1910.10683> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.

References

1. Nazarov D.M., Begicheva S.V. Primenenie bol'shih yazykovykh modelej v obrazovatel'nom processe // *Bi-znes. Obrazovanie. Pravo*. – 2024. – № 3 (68). – S. 430–436. – DOI 10.25683/VOLBI.2024.68.1057.
2. Gao D., Wang H., Li Y., Sun X., Qian Y., Ding B., Zhou J. Text-to-sql empowered by large language models: A benchmark evaluation // *arXiv preprint arXiv:2308.15363*. – 2023. – Vol. 17, No. 5. – P. 1132–1145. – DOI 10.14778/3641204.3641221.
3. Li H., Zhang J., Liu H., Fan J., Zhang X., Zhu J., Chen H. Codes: Towards building open-source language models for text-to-sql // *Proceedings of the ACM on Management of Data*. – 2024. – Vol. 2, No. 3. – P. 1–28. – DOI 10.1145/3654930.
4. Xu Z., Sheng V.S. Detecting AI-Generated Code Assignments Using Perplexity of Large Language Models // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. – 2024. – Vol. 38, No. 21. – P. 23155–23162. – DOI 10.1609/aaai.v38i21.30361.
5. Vaswani A. Attention is all you need // *Advances in Neural Information Processing Systems: Annual Conference on Neural Information Processing Systems 2017, December 4–9, 2017*. – Long Beach, CA, USA, 2017. – P. 5998–6008.

6. Radford A., Narasimhan K. Improving Language Understanding by Generative Pre-Training. 2018. – URL: https://cdn.openai.com/research-covers/language-unsupervised/language_understanding_paper.pdf (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
7. Touvron H., Lavril T., Izacard G., Martinet X., Lachaux M.A., Lacroix T., Lample G. Llama: Open and efficient foundation language models // arXiv preprint arXiv:2302.13971. 2023. – URL: <https://arxiv.org/abs/2302.13971> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
8. Yin P., Neubig G., Yih W.T., Riedel S. TaBERT: Pretraining for joint understanding of textual and tabular data // arXiv preprint arXiv:2005.08314. 2020. – URL: <https://arxiv.org/abs/2005.08314> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
9. Raffel C., Shazeer N., Roberts A., Lee K., Narang S., Matena M., Liu P.J. Exploring the limits of transfer learning with a unified text-to-text transformer // Journal of machine learning research. – 2020. – Vol. 21, No. 140. – P. 1–67. – URL: <https://arxiv.org/abs/1910.10683> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
10. Wei J., Wang X., Schuurmans D., Bosma M., Xia F., Chi E., Zhou D. Chain-of-thought prompting elicits reasoning in large language models // Advances in neural information processing systems. – 2022. – Vol. 35. – P. 24824–24837.
11. Yu T., Zhang R., Yang K., Yasunaga M., Wang D., Li Z., Radev D. Spider: A large-scale human-labeled dataset for complex and cross-domain semantic parsing and text-to-sql task // arXiv preprint arXiv:1809.08887. 2018. – URL: <https://arxiv.org/abs/1809.08887> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
12. Zhong V., Xiong C., Socher R. Seq2sql: Generating structured queries from natural language using reinforcement learning // arXiv preprint arXiv:1709.00103. 2017. – URL: <https://arxiv.org/abs/1709.00103> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
13. Yu T., Zhang R., Er H.Y., Li S., Xue E., Pang B., Radev D. Cosql: A conversational text-to-sql challenge towards cross-domain natural language interfaces to databases // arXiv preprint arXiv:1909.05378. 2019. – URL: <https://arxiv.org/abs/1909.05378> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
14. Yu T., Zhang R., Yasunaga M., Tan Y.C., Lin X.V., Li S., Radev D. Sparc: Cross-domain semantic parsing in context // arXiv preprint arXiv:1906.02285. 2019. – URL: <https://arxiv.org/abs/1906.02285> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
15. Model Card for SQLCoder-7B-2. A capable large language model for natural language to SQL generation. 2024. – URL: <https://huggingface.co/defog/sqlcoder-7b-2> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
16. Leonhardt J. text2sql (Revision c06880d) // Hugging Face. – 2024. – DOI 10.57967/hf/2897. – URL: <https://huggingface.co/juanfra218/text2sql> (data obrashcheniya: 10.02.2025). – Tekst: elektronnyj.
17. WPAIGPT-sql-01. Text-to-SQL model designed for WordPress and WordPress plugins // Hugging Face. 2024. – URL: <https://huggingface.co/WPAI-INC/WPAIGPT-sql-01> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
18. Han S., Pool J., Tran J., Dally W.J. Learning both weights and connections for efficient neural networks // 28th International Conference on Neural Information Processing Systems. – 2015. – Vol. 2. – P. 1135–1143. – DOI 10.1109/ICLR.2015.644.
19. Sanh V., Debut L., Chaumond J., Wolf T. DistilBERT, a distilled version of BERT: smaller, faster, cheaper and lighter // arXiv preprint arXiv:1910.01108. 2019. – DOI 10.48550/arXiv.1910.01108.
20. Settles B. Active learning literature survey // Computer Sciences Technical Report 1648. – University of Wisconsin-Madison, 2009. – DOI 10.3115/1553340.1553355.
21. Prechelt L. Early stopping – but when? // Neural Networks: Tricks of the Trade, 1998. – P. 55–69. – DOI 10.1016/S0022-0000(99)80106-1.
22. Joulin A., Grave E., Mikolov T., Bojanowski P. Bag of Tricks for Efficient Text Classification // arXiv preprint arXiv:1607.01759. 2017. – DOI 10.1145/3024057.3024123.
23. Raffel C., Shazeer N., Roberts A. and others. Exploring the Limits of Transfer Learning with a Unified Text-to-Text Transformer // CoRR. – 2019. – Vol. abs/1910.10683. – URL: <http://arxiv.org/abs/1910.10683> (data obrashcheniya: 20.01.2025). – Tekst: elektronnyj.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Received: 23.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

БЕЗОПАСНОЕ ХРАНЕНИЕ ДАННЫХ: СПОСОБЫ И ПОДХОДЫ

Васильев Тимур Игоревич¹,
e-mail: timurvasilev@gmail.com,
¹Paybis LTD, Шотландия

В данной работе рассмотрены ключевые аспекты безопасного хранения данных организации в условиях современного мира. Обсуждены наиболее распространенные угрозы, такие как социальная инженерия, уязвимости конфигурации и инсайдерские атаки. Проведен анализ существующих подходов к безопасному хранению данных в аспекте программного и аппаратного обеспечения и их функционального взаимодействия в системе информационной безопасности. По результатам анализа построен прототип приложения с использованием существующих подходов и минимальным риском утечки данных. Представлены практические рекомендации по выбору ключевых способов безопасного хранения данных. Предложена методика проектирования защищённой среды на основе комплексного рассмотрения технических, организационных и регуляторных аспектов. Новизна полученного результата заключается в формировании нового многослойного подхода к защите данных, включающего единый стандарт взаимодействия сервисов. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности непосредственного применения предложенных методов в рамках промышленных систем, что позволит повысить уровень безопасности и надёжности обработки конфиденциальной информации.

Ключевые слова: безопасное хранение данных, информационная безопасность, социальная инженерия, уязвимости конфигурации, инсайдерские атаки, криптографическая защита, многослойная безопасность, прототипирование систем безопасности, методы предотвращения утечек данных

SECURE DATA STORAGE: METHODS AND APPROACHES

Vasilev T.I.¹,
e-mail: timurvasilev@gmail.com,
¹Paybis LTD, Scotland

The article describes the key aspects of the secure storage of organizational data in the modern world. The most common threats such as social engineering, configuration vulnerabilities, and insider attacks are discussed. The analysis of existing approaches to secure data storage in terms of software and hardware and their functional interaction in the information security system is carried out. Based on the results of the analysis, a prototype application was built using existing approaches and minimal risk of data leakage. Practical recommendations on choosing key ways to securely store data are presented. A methodology for projecting a secure environment based on a comprehensive review of technical, organizational and regulatory aspects is proposed. The novelty of the result obtained lies in the forming of a new multi-layered approach to data protection, including a single standard for the interaction of services. The practical significance of the results obtained lies in the possibility of direct application of the proposed methods within industrial systems, which will increase the level of security and reliability of confidential information processing.

Keywords: secure data storage, information security, social engineering, configuration vulnerabilities, insider attacks, cryptographic protection, multilayer security, prototyping of security systems, methods for preventing data leaks

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-68-76

Введение

В современном мире постоянного роста цифровизации и возрастающих объёмов информации остро встаёт вопрос безопасного хранения данных. Утечки конфиденциальной информации,

от личной переписки до банковских данных, часто ведут к серьёзным финансовым и репутационным потерям.

В истории есть множество громких случаев утечек данных, благодаря которым становится понятна необходимость надёжных решений. Например, в 2017 году компания Equifax подверглась атаке, в результате которой были украдены персональные данные более 147 миллионов человек. Утечка произошла из-за уязвимости в веб-приложении, которая не была своевременно устранена. В 2019 году из-за утечки данных компании Facebook в открытом доступе оказалось более 540 миллионов записей пользователей. Эти данные хранились без должной защиты на серверах Amazon S3, что подчёркивает важность правильной конфигурации облачных хранилищ. Кибератака на Marriott International в 2018 году привела к компрометации данных о 500 миллионах гостей, включая имена, адреса, телефоны и номера паспортов. Это стало возможным из-за несанкционированного доступа к базе данных, который оставался незамеченным в течение нескольких лет.

Крупные компании и пользователи всё чаще сталкиваются с выбором технологий или инструментов, с помощью которых возможно защитить данные от злоумышленников.

Существует множество исследований, которые посвящены безопасному хранению и обработке данных. В работе [1] подробно описаны методы создания безопасных решений для работы с карточными данными. Автор уделяет внимание вопросам авторизации, безопасному взаимодействию между сервисами в микросервисной архитектуре и надёжным методам хранения карточных данных. В качестве недостатка можно отметить, что в работе уделяется значительное внимание вопросам авторизации и безопасной работе с карточными данными, однако практические аспекты масштабирования и адаптации данных решений к другим типам приложений остаются нерассмотренными. В исследовании [2] подробно описаны основные виды угроз для информационной безопасности, а также результаты исследований рынка в сфере защиты данных. С помощью данных факторов авторы предлагают собственный метод безопасного хранения и обработки данных в базах данных. Алгоритм построен на многоуровневом подходе к обеспечению конфиденциальности, целостности и доступности. В статье [3] рассматривается метод рассеивания-разнесения для защиты данных в облачных хранилищах, который основан на побитовом разделении файлов и их случайном распределении по разным узлам. В данной работе акцентировано внимание на то, что этот подход обеспечивает более высокий уровень безопасности по сравнению с традиционными методами. Однако метод усложняет управление данными, увеличивает нагрузку на сеть, замедляет процесс восстановления информации и зависит от стабильности работы распределённой инфраструктуры. В работе [4] рассмотрены проблемы безопасного хранения паролей веб-сервисов и предлагается метод защиты с использованием хеширования и криптографической соли. Автор анализирует уязвимости хранения паролей в открытом виде, оценивает различные алгоритмы хеширования и рекомендует SHA-256. Подчёркивается важность динамической соли для защиты от атак по словарю и радужных таблиц. Однако метод не защищает от полного перебора, требует значительных вычислительных ресурсов, а безопасность зависит от надёжного хранения соли.

С учётом изложенного, актуальным является дальнейшее исследование и разработка комплексных методов безопасного хранения и обработки данных, которые учитывали бы современные угрозы, требования рынка и особенности распределённых систем.

Целью данной работы является разработка и обоснование нового подхода к безопасному хранению и обработке данных, позволяющего эффективно противостоять актуальным угрозам и обеспечивать требуемый уровень защищённости информации.

В рамках исследования применялись принципы системного анализа и комплексный подход к оценке результатов, что позволило обоснованно сформулировать требования к предлагаемой методике и рекомендации по её внедрению.

Анализ существующих способов и подходов безопасного хранения данных

Одной из главных угроз для безопасного хранения данных являются методы, которые используются для хищения данных. Самыми распространёнными считаются социальная инженерия, к ко-

торой относятся фишинг или мошеннические звонки, а также внедрение вредоносного программного обеспечения. Также опасны уязвимости или ошибки конфигурации, очень часто данные утекают из-за ошибки настройки серверов и сервисов. Отдельную угрозу представляют инсайдеры, это сотрудники, которые имеют доступ к критическим частям системы и могут действовать в интересах злоумышленников. Подробнее о методах похищения данных можно ознакомиться в работах [5–9]. В совокупности эти факторы требуют комплексного подхода к защите, включающего технические меры, обучение персонала и постоянный аудит инфраструктуры.

Существует множество методов и подходов, которые позволяют сделать безопаснее процесс хранения и работы с данными. Но выбор оптимального подхода во многом зависит от множества условий работы системы. Ниже мы рассмотрим ряд ключевых способов и подходов, которые наиболее часто применяются на практике и заслуживают особого внимания при проектировании и эксплуатации систем хранения данных.

Первым и самым важным шагом при построении системы с безопасным хранением данных является выбор места хранения данных, чаще всего рассматриваются два способа: размещение на собственном физическом сервере или использование облачного хранилища. У каждого из подходов есть свои плюсы и минусы.

Физический сервер предоставляет полный контроль над оборудованием и инфраструктурой, в таком подходе администраторы могут гибко настраивать серверы, сетевую архитектуру и физический доступ к ним. При использовании данного подхода повышается безопасность и конфиденциальность, так как хранение данных осуществляется в пределах компании, что существенно уменьшает риск утечки информации. Также локальное размещение данных часто является единственным способом соблюдения внутренних стандартов и регуляций, особенно если отрасль или законодательство требуют, чтобы информация хранилась в конкретной юрисдикции или под полным контролем организации. Но у данного решения есть и ряд минусов: высокая совокупная стоимость обслуживания и владения, так как приходится закупать и обслуживать серверы, а также оплачивать электроэнергию. Для масштабирования в случае роста нагрузки на систему требует дополнительных финансовых вложений. Наконец, нужны дополнительные сотрудники для работы с физическими серверами, так как такая работа требует специфической экспертизы.

Облачные хранилища выгодны своей масштабируемостью, при необходимости можно быстро увеличивать или уменьшать объём доступного хранилища и вычислительных ресурсов. Для поддержания проекта достаточно небольшой команды инженеров, что является существенным плюсом. Но хранение данных в облаке часто вызывает вопросы конфиденциальности и контроля, особенно если речь идёт о критически важной информации. К тому же корпоративные или законодательные нормы могут запрещать хранение данных за пределами определённой страны либо предъявлять дополнительные требования к шифрованию и управлению ключами.

Следующим важным шагом является внедрение чёткого разграничения прав доступа. Для этого обычно используются такие механизмы, как ролевое управление доступом (RBAC) или атрибутивная модель (ABAC). В основе этих подходов лежит принцип минимизации привилегий, благодаря чему сотрудники получают доступ только к тем блокам системы, которые необходимы для выполнения прямых обязанностей. Например, полный доступ к данным следует предоставлять только ограниченному кругу доверенных лиц, обычно это администраторы или “DevOps”-инженеры. Для сотрудников, которые работают строго в определенном доменном контексте, например, команде, отвечающей за платежи, права должны быть ограничены до чтения исключительно их доменной зоны. То есть только чтение платежных данных без модификации.

Использование микросервисной архитектуры может значительно повысить уровень безопасности при хранении данных. Благодаря разделению приложения на независимые сервисы каждый компонент отвечает лишь за ограниченный набор функций, что позволяет четко разграничивать доступ к данным. Если злоумышленнику удастся взломать один из микросервисов, то он не получит доступ ко всем данным приложения, так как остальные сервисы имеют собственную базу данных. Также данная архитектура позволяет гибко внедрять и обновлять механизмы безопасности. Помимо этого, микросервисы упрощают реализацию подхода Zero Trust, при котором каждый запрос между сервисами проверяется, а каналы связи шифруются. При этом не требуется изменять всю систему при изменении или ужесточе-

нии политик безопасности – достаточно настроить отдельные сервисы или коммуникационные шины. Такой подход даёт возможность легко масштабироваться, эффективно анализировать трафик и вводить дополнительные меры защиты при росте нагрузки или появлении новых микросервисов. Подробнее о способах внедрения микросервисов в приложении можно ознакомиться в работах [10–15].

Резервное копирование данных и наличие продуманного плана восстановления является решающим фактором в критических ситуациях, когда данные могут быть повреждены или потеряны. Важно создавать регулярные бэкапы для сохранения нескольких версий данных, таким образом создавая «страховочную сетку». Также копии важно хранить не только физически отдельно (разные дата-центры), но и в логически разных средах (облако и локальный сервер). Такой географический и технический «разнос» снижает риск одновременного выхода из строя всех копий в случае катастрофы или массовой атаки. Помимо резервного копирования, необходимо убедиться, что данные в копиях пригодны для восстановления, нужно настроить автоматизированное тестирование бэкапов. Это может включать как периодическую проверку целостности, имитацию инцидентов в тестовой среде, так и осуществление восстановления, для оценки времени, необходимого для возвращения системы в рабочее состояние. Такой подход поможет выявить и устранить проблемные места в планах восстановления. В результате компания получит уверенность в надёжности резервов и сократит потенциальный простой при сбоях.

Главным аспектом безопасного хранения данных является использование механизмов анонимизации и псевдонимизации данных. При анонимизации все персональные данные будут преобразованы таким образом, что идентифицировать конкретного пользователя станет невозможно. Например, вместо имени и фамилии хранится только статистическая информация, которая не позволяет установить связь с конкретным пользователем. В случае псевдонимизации данные также изменяются, но связь с пользователем доступна через уникальный идентификатор. Такого рода способ обеспечения безопасности данных полезен при обработке, когда необходимо сохранять их функциональность (например, в аналитике), но при этом необходимо обеспечить высокий уровень конфиденциальности.

Токенизация является одним из методов псевдонимизации. С использованием токенизации данные защищаются с помощью замены конфиденциальной информации на уникальные токены, в которых не содержится исходной информации, а также данный токен не может быть обратно преобразован без использования секретного ключа. В случае платежных систем это значит, что информация о банковских картах или банковских счетах будет заменена токенами, которые в дальнейшем могут передаваться между компаниями без риска кражи или утечки конфиденциальных данных пользователя. Одним из главных преимуществ токенизации является то, что в случае кражи токенов злоумышленниками они не смогут воспользоваться ими для проведения платежных операций, так как токены сами по себе не имеют значительной ценности. Благодаря этому токенизация и стала важным инструментом для защиты данных, особенно это актуально для высоконагруженных систем, где большой объем транзакций и риск утечки данных высок.

Внешним системам передаётся уникальный токен, который создаётся специально для конкретной интеграции или одной попытки оплаты. Этот токен привязан исключительно к заданному контексту и времени использования, что делает его абсолютно бесполезным для злоумышленников в случае утечки. Более того, даже при успешной компрометации токена его использование невозможно без соблюдения ряда дополнительных условий, таких как проверка источника запроса, временные ограничения и валидация дополнительных параметров, привязанных к токenu. Такой подход значительно снижает риски несанкционированного доступа и повышает общий уровень безопасности системы.

Шифрование является одним из ключевых инструментов для обеспечения конфиденциальности данных. Оно превращает исходную информацию в зашифрованный вид, который невозможно прочитать без использования специального ключа. Современные методы делятся на две основные категории: симметричное и асимметричное.

Симметричное шифрование основано на использовании одного и того же ключа для шифрования и расшифровки данных. Примерами таких алгоритмов являются AES (Advanced Encryption Standard) и Triple DES. Симметричное шифрование отличается высокой скоростью работы, что делает его подходящим для задач, требующих шифрования больших объёмов данных, например, при шифровании жёстких дисков или сетевого трафика. Основным вызовом здесь является безопасное управление ключами, так как компрометация ключа может привести к утечке всех зашифрованных данных.

Асимметричное шифрование использует пару ключей: открытый и закрытый. Открытый ключ используется для шифрования данных, а закрытый – для их расшифровки. Примерами асимметричных алгоритмов являются RSA и ECC (Elliptic Curve Cryptography). Этот метод широко применяется для защиты данных при передаче (например, в HTTPS), а также для цифровых подписей. Асимметричное шифрование обеспечивает высокий уровень безопасности, но его производительность ниже по сравнению с симметричными методами, поэтому на практике их часто комбинируют.

Дополнительно применяются хэш-функции, такие как SHA-256, которые преобразуют данные в уникальный фиксированный отпечаток. Хотя хэширование не является шифрованием, оно широко используется для проверки целостности данных и аутентификации. Для повышения безопасности применяется солирование (добавление случайных данных перед хэшированием), чтобы предотвратить атаки на основе предварительно вычисленных значений (таблицы радужных хэшей).

Важным аспектом шифрования является управление ключами. Специальные системы, такие как HSM (Hardware Security Module) и программные решения (например, AWS KMS или HashiCorp Vault), обеспечивают безопасное хранение, ротацию и управление ключами. Такие инструменты помогают предотвратить их утечку и автоматизировать управление шифрованием в масштабах компании.

Реализация многоуровневых методов хранения данных в реальной среде

Рассмотрим практический пример проектирования приложения, которое соответствует всем принципам безопасности и опирается на вышеприведенные правила. Для примера можно разработать приложение, которое создается для крупной медицинской организации, которая оказывает широкий спектр услуг пациентам и взаимодействует с различными партнёрами. Допустим, система, предназначенная для записи на приём, управления персоналом, обработки результатов анализов и ведения электронных медицинских карт. Ввиду высокой конфиденциальности данных и строгих требований регуляторов (например, законодательство о персональных данных пациентов), организация стремится обеспечить максимальную безопасность при хранении и обработке полученной информации. Первая задача, которую необходимо решить, – выбрать подходящую инфраструктуру для размещения серверов и баз данных. В зависимости от специфики компании и её финансовых возможностей специалисты рассматривают два варианта: использование собственных серверов, которые расположены в отдельном дата-центре компании, и обращение к облачному решению. Технический комитет после изучения требований по хранению персональных данных в конкретной юрисдикции принимает решение о гибридном подходе: наиболее чувствительная информация (полные медицинские карты, паспортные данные, финансовые документы) будут храниться на локальных серверах в зашифрованном виде, а менее критичная часть, связанная, к примеру, с записью на консультации, push-уведомлениями и частью аналитических отчётов, будет возвращена в облачной среде. Это позволит масштабировать определённые сервисы, не подвергая риску все записи пациентов, а также сохранять внутренние стандарты и регламенты безопасности.

Следующим этапом становится проработка архитектуры приложения. Приложение будет разделено на несколько микросервисов, каждый из которых отвечает за собственный участок функционала: сервис управления личными кабинетами, сервис медицинских карт, сервис загрузки результатов анализов, сервис записи и оплаты услуг, сервис аналитики и статистики, сервис уведомлений. Такое разделение позволяет ввести принцип минимизации привилегий: у каждого микросервиса есть отдельная база данных, а общий доступ между ними жёстко контролируется на уровне сетевых политик и проверки подлинности запросов. Каждый сервис не доверяет остальным по умолчанию, а любая попытка взаимодействия требует аутентификации и, при необходимости, авторизации. Для этого в системе предусмотрен сервис авторизации, который выдаёт каждому участнику взаимодействия уникальные токены. При обращении к сервису медицинских карт, например, сервис авторизации проверяет роль пользователя, необходимое действие и выдает JWT-токен, ограниченный по времени и связанному контексту. Все запросы между микросервисами проходят через зашифрованные каналы.

Хранение данных организовано таким образом, чтобы каждое хранилище было зашифровано, и доступ к нему осуществлялся только при наличии соответствующих прав. Например, базу данных

с медицинскими картами обслуживает PostgreSQL, настроенный на работу с аппаратными модулями безопасности, где генерируются и хранятся ключи. Если по тем или иным причинам компрометация физического носителя данных станет реальностью, злоумышленники не смогут расшифровать зашифрованные файлы без соответствующего ключа. В облачной части приложения хранятся второстепенные данные (очередь на приём, перечень кабинетов, расписание врачей), при этом для обеспечения безопасности используется аналогичная схема шифрования, только с применением решения KMS (Key Management Service) от облачного провайдера. Все пароли и секреты, необходимые для внутреннего взаимодействия сервисов, хранятся в специальных хранилищах (например, HashiCorp Vault или AWS Secrets Manager) с учётом принципа ротации ключей и уведомлений при подозрительных операциях.

Для персональных данных, таких как номера полисов ОМС, страховые документы, реквизиты банковских карт при оплате услуг, активно применяется псевдонимизация и токенизация. Допустим, при оплате консультации пациент вводит реквизиты карты: система создания токена заменяет реальные данные на уникальный идентификатор, который хранится во внутренней защищённой базе. В дальнейшем внешний сервис видит лишь сгенерированный токен, который не раскрывает никаких реальных сведений о клиенте и используется только в строго заданном контексте: при повторном выставлении счёта или возврате средств. Если недобросовестный сотрудник или злоумышленник получит такой токен, он не сможет напрямую провести операцию, поскольку потребуется верификация этого токена дополнительными параметрами, включая принадлежность к конкретному аккаунту, ограничение по времени и источнику запроса. Подобная схема не только снижает риски финансовых утечек, но и упрощает соблюдение требований стандартов вроде PCI DSS, поскольку реальные банковские данные не фигурируют в открытом виде ни в одном из микросервисов, кроме того, который непосредственно отвечает за связь с банком или платёжной системой.

Организация резервного копирования строится на многоуровневой модели, которая включает регулярные бэкапы. Внутри локального дата-центра приложения формируются полные и инкрементные архивы, которые ежедневно сохраняются на выделенных серверах, расположенных в другом помещении или даже географически удалённом центре обработки данных. Параллельно зашифрованные копии выгружаются в облако, где они хранятся в отдельной среде и не сопряжены непосредственно с продуктивными серверами. Такая избыточность помогает справиться со сбоями, будь то выход из строя локальной инфраструктуры, физическое повреждение серверов или случайное удаление данных администраторами. При этом тщательно организована система проверок, которая регулярно запускает процедуру восстановления резервных копий в тестовом окружении, проверяя целостность и корректность. Если на каком-то этапе будут выявлены повреждения или несостыковки в данных, ответственные сотрудники компании немедленно получают уведомление и могут в сжатые сроки устранить проблему.

Немаловажным аспектом для подобной платформы выступает обучение персонала и аудит инфраструктуры. Все сотрудники компании, которые работают с системой, должны проходить курсы по информационной безопасности. Администраторы и разработчики должны регулярно проверять журналы доступа к критическим базам, анализировать информацию в системах мониторинга. Например, если вдруг будет выявлена серия запросов, которые приходят на сервис медицинских карт из непредвиденных сегментов сети, система безопасности способна автоматически заблокировать такой трафик и уведомить ответственных специалистов. Параллельно должны проводиться регулярные тесты и сканирование уязвимостей, на основании которых формируются отчёты и планы по повышению надёжности приложения.

Рассмотрим преимущества такой схемы работы приложения. Во-первых, за счёт разделения приложения на микросервисы каждый компонент не хранит больше данных, чем ему действительно необходимо. Во-вторых, применение токенизации при работе с платёжными или персональными данными ограничивает область, где потенциальная утечка может нанести урон. В-третьих, симметричное и асимметричное шифрование данных и каналов передачи делает перехват информации бессмысленным, поскольку злоумышленник не сможет расшифровать похищенные записи. В-четвёртых, постоянный аудит логов и резервное копирование облегчат оперативное восстановление и реакцию на возможные инциденты. Наконец, гибридная архитектура даёт возможность гибко распределять нагрузку: наиболее затратные по ресурсам процессы выполняются в облаке, а конфиденциальные сведения остаются под полным контролем организации.

Таким образом, на примере приложения можно продемонстрировать целый комплекс мер и методов, о которых шла речь в обзорной части данной статьи: от правильного выбора места размещения данных и принципов разграничения прав до токенизации, резервного копирования и шифрования на разных уровнях. Каждая из этих мер помогает добиться максимальной защищённости и устойчивости к многочисленным современным угрозам, в том числе связанным с социальной инженерией, инсайдерскими атаками и уязвимостями в программном обеспечении. Дополнительной гарантией надёжности становится постоянная работа над системой безопасности, включая обновления микросервисов, инфраструктурных компонентов и регулярные тренинги для сотрудников. Этот комплексный подход к построению и эксплуатации приложения позволяет соответствовать как внутренним стандартам компании, так и внешним требованиям регулирующих органов, при этом сохраняя высокую доступность и удобство эксплуатации для всех участников процесса.

Заключение

В ходе исследования были рассмотрены ключевые способы и подходы к безопасному хранению и обработке данных, включая вопросы инфраструктуры, разграничения прав доступа, резервного копирования, шифрования, токенизации и псевдонимизации. Проведённый анализ подтвердил актуальность темы, обусловленную ростом числа кибератак и непрерывным усложнением систем хранения информации. Поставленная в работе цель – разработка и обоснование нового подхода, позволяющего эффективно противостоять современным угрозам и обеспечивать требуемый уровень защищённости, – была достигнута за счёт комплексного рассмотрения технических, организационных и регуляторных аспектов.

Новизна полученных результатов заключается в комплексной методике проектирования защищённой среды, которая учитывает реалии распределённых систем и микросервисной архитектуры. Важным элементом является гибкое применение способов шифрования, псевдонимизации и разграничения прав, что позволяет избежать избыточного доступа и минимизировать воздействие потенциальных атак. Кроме того, в работе подчёркивается значение регулярного аудита, мониторинга, обучения персонала и корректной конфигурации инфраструктуры в целом.

Практическая значимость представленных решений заключается в том, что описанные методы могут быть внедрены в различные сферы – от финансового сектора и телекоммуникаций до здравоохранения и электронного документооборота. Сочетание микросервисной архитектуры с многоуровневым шифрованием и токенизацией подходит для высоконагруженных систем, где необходимы гибкость, масштабируемость и соответствие строгим требованиям регуляторов по защите персональных данных. При этом уделяется внимание как внешним угрозам (вредоносному ПО, взлому, утечкам из облачных хранилищ), так и инсайдерским факторам, наиболее критичным в крупных организациях.

Результаты исследования свидетельствуют об эффективности сочетания данных технологий: при внедрении разграничения прав доступа по принципу наименьших привилегий, регулярном резервировании и проверке целостности бэкапов, использовании шифрования на различных уровнях и применении токенизации, за счет чего уменьшается вероятность несанкционированных действий и последствий возможных инцидентов. Разработанная методика может стать основой для дальнейших исследований и совершенствования практик безопасного хранения данных. Это особенно актуально в условиях, когда технологиям приходится постоянно адаптироваться к появлению новых видов угроз и к изменениям в законодательстве, регулирующем обращение с конфиденциальной информацией.

Таким образом, можно сделать вывод, что представленное решение и изложенные в работе рекомендации успешно подтверждают поставленную цель и позволяют повысить безопасность информационных систем, сохранив при этом их производительность и гибкость.

Список литературы

1. *Васильев Т.И.* Разработка безопасных решений для обработки платежных данных // Восточно-Европейский научный журнал. – 2024. – № 8 (105). – С. 8–13.
2. *Емельянов А.В., Емельянова С.С.* Анализ угроз информационной безопасности и разработка алгоритма безопасного хранения данных в базе данных // Научно-технический вестник Поволжья. – 2019. – № 6. – С. 135–137.

3. Аршинский Л.В., Шурховецкий Г.Н. Особенности применения метода рассечения-разнесения для безопасного хранения данных во внешних хранилищах // Информационные технологии. – 2021. – Т. 27, № 5. – С. 259–266.
4. Фатьянова А.А., Золотухин Д.А. Хеширование пользовательских данных для безопасного хранения // Математические исследования и информационные технологии в цифровой экономике: сборник научных трудов по итогам Межвузовской научно-практической конференции, Саратов, 25 февраля 2020 года. – Саратов, 2020. – С. 55–58.
5. Копылова О.П., Заусалин П.А. Способы и методы кражи персональных данных // Уголовно-процессуальное и технико-криминалистическое обеспечение для борьбы с киберпреступлениями в современном обществе: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 07 декабря 2023 года. – Тамбов, 2023. – С. 111–118.
6. Маныч Е.Г. Кража финансовых данных или данных банковских карт – один из видов киберпреступления // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. – Москва, 2021. – С. 156–158.
7. Закиев Е.Г., Даишевич А.А. Технологии защиты данных от краж // Цифровая экономика глазами студентов: материалы Всероссийской научной конференции, Казань, 2024 год. – Казань, 2024. – С. 385–388.
8. Филенко Е.С., Соболев П.Ю. Кража данных с помощью CSS: атака и защита // Интеллектуальный потенциал XXI века: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, София, 17 мая 2018 года / под общ. ред. А.И. Вострцова. – Нефтекамск: Мир науки, 2018. – С. 49–55.
9. Минченко В.С. Современные методы кражи персональных данных и способы противодействия им // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 апреля 2020 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 20–23.
10. Караханова А.А. Анализ микросервисной архитектуры, монолитных приложений, архитектуры SOA // Синергия наук. – 2020. – № 46. – С. 255–262.
11. Луценко Д.Ю., Полякова Л.П. Разбиение монолитного приложения на микросервисы с использованием паттерна Strangler // Информационные технологии в управлении и экономике. – 2021. – № 3 (24). – С. 82–87.
12. Lokhvitsky V.A., Goncharenko V.A., Levchik E.S. A scalable microservice model based on a queuing system with “cooling” // Intellectual technologies on transport. – 2022. – No. 4 (32). – P. 46–51.
13. Никитин И.В., Гриценко Т.Ю. Сравнение подходов монолитной архитектуры и микросервисной архитектуры при реализации серверной части веб-приложения // Дневник науки. – 2020. – № 3. – URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2020/3/technics/Nikitin_Gritsenko.pdf (дата обращения: 30.01.2025). – Текст: электронный.
14. Козин А.А., Харченко А.В. Архитектура микросервисов для небольших команд // Прикладная математика: современные проблемы математики, информатики и моделирования: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Краснодар, 15–21 апреля 2024 года. – Краснодар, 2024. – С. 402–405.
15. Корниенко Д.В., Никулин А.В. Архитектурные паттерны проектирования микросервисов в JAVA // Инновационные технологии современной научной деятельности: стратегия, задачи, внедрение: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Иркутск, 24 апреля 2024 года. – Стерлитамак, 2024. – С. 150–160.

References

1. Vasil'ev T.I. Razrabotka bezopasnyh reshenij dlya obrabotki platezhnyh dannyh // Vostochno-evropejskij nauchnyj zhurnal. – 2024. – № 8 (105). – S. 8–13.
2. Emel'yanov A.V., Emel'yanova S.S. Analiz ugroz informacionnoj bezopasnosti i razrabotka algoritma bezopasnogo hraneniya dannyh v baze dannyh // Nauchno-tekhnicheskij vestnik Povolzh'ya. – 2019. – № 6. – S. 135–137.

3. *Arshinskij L.V., Shurhoveckij G.N.* Osobennosti primeneniya metoda rassecheniya-razneseniya dlya bezopasnogo hraneniya dannyh vo vneshnih hranilishchah // *Informacionnye tekhnologii*. – 2021. – T. 27, № 5. – S. 259–266.
4. *Fat'yanova A.A., Zolotuhin D.A.* Heshirovanie pol'zovatel'skih dannyh dlya bezopasnogo hraneniya // *Matematicheskie issledovaniya i informacionnye tekhnologii v cifrovoj ekonomike: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Saratov, 25 fevralya 2020 goda. – Saratov, 2020. – S. 55–58.
5. *Kopylova O.P., Zausalin P.A.* Sposoby i metody krazhi personal'nyh dannyh // *Ugolovno-processual'noe i tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie dlya bor'by s kiberprestupleniyami v sovremennom obshchestve: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Tambov, 07 dekabrya 2023 goda. – Tambov, 2023. – S. 111–118.
6. *Manych E.G.* Krazha finansovyh dannyh ili dannyh bankovskih kart – odin iz vidov kiberprestupleniya // *Cifrovye tekhnologii v bor'be s prestupnost'yu: problemy, sostoyanie, tendencii: sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Moskva, 27 yanvarya 2021 goda. – Moskva, 2021. – S. 156–158.
7. *Zakiev E.G., Dashkevich A.A.* Tekhnologii zashchity dannyh ot krazh // *Cifrovaya ekonomika glazami studentov: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*, Kazan', 2024 god. – Kazan', 2024. – S. 385–388.
8. *Filenko E.S., Sobolev P.Yu.* Krazha dannyh s pomoshch'yu CSS: ataka i zashchita // *Intellectual'nyj potencial XXI veka: materialy Mezhdunarodnoj (zaочноj) nauchno-prakticheskoy konferencii*, Sofiya, 17 maya 2018 goda / pod obshch. red. A.I. Vostrecova. – Neftekamsk: Mir nauki, 2018. – S. 49–55.
9. *Minchenko V.S.* Sovremennye metody krazhi personal'nyh dannyh i sposoby protivodejstviya im // *Nauka i innovacii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytiya i dostizheniya: sbornik statej XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Penza, 05 aprelya 2020 goda. – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020. – S. 20–23.
10. *Karahanova A.A.* Analiz mikroservisnoj arhitektury, monolitnyh prilozhenij, arhitektury SOA // *Sinergiya nauk*. – 2020. – № 46. – S. 255–262.
11. *Lucenko D.Yu., Polyakova L.P.* Razbienie monolitnogo prilozheniya na mikroservisy s ispol'zovaniem patterna Strangler // *Informacionnye tekhnologii v upravlenii i ekonomike*. – 2021. – № 3 (24). – S. 82–87.
12. *Lokhvitsky V.A., Goncharenko V.A., Levchik E.S.* A scalable microservice model based on a queuing system with “cooling” // *Intellectual technologies on transport*. – 2022. – No. 4 (32). – P. 46–51.
13. *Nikitin I.V., Gricenko T.Yu.* Sravnenie podhodov monolitnoj arhitektury i mikroservisnoj arhitektury pri realizacii servernoj chasti veb-prilozheniya // *Dnevnik nauki*. – 2020. – № 3. – URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2020/3/technics/Nikitin_Gritsenko.pdf (data obrashcheniya: 30.01.2025). – Tekst: elektronnyj.
14. *Kozin A.A., Harchenko A.V.* Arhitektura mikroservisov dlya nebol'shih komand // *Prikladnaya matematika: sovremennye problemy matematiki, informatiki i modelirovaniya: materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh*, Krasnodar, 15–21 aprelya 2024 goda. – Krasnodar, 2024. – S. 402–405.
15. *Kornienko D.V., Nikulin A.V.* Arhitekturnye patterny proektirovaniya mikroservisov v JAVA // *Innovacionnye tekhnologii sovremennoj nauchnoj deyatel'nosti: strategiya, zadachi, vnedrenie: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Irkutsk, 24 aprelya 2024 goda. – Sterlitamak, 2024. – S. 150–160.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Received: 23.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К СТРУКТУРНОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

Саенко Максим Андреевич¹,

e-mail: xerokan@mail.ru,

¹Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), г. Москва, Россия

Уровень требований к обработке информации непрерывно повышается и соответственно изменяются методы ее обработки. Широко применяемые методы структурного моделирования являются объектно-топологическими, что ограничивает их применение для пространственных объектов. Статья исследует проблему построения структур в информационном поле. Информационное поле формируется как отображение объектов и процессов реальности в виде информационных образов. В статье предлагается интегративный подход, в котором используются свойства информационного поля в сочетании с агрегативным и стратификационным подходами. В основе интегративного подхода заложен принцип формирования агрегатов или информационных слоев. Каждый информационный слой представляет собой агрегат, который содержит категориально и качественно близкие информационные образы. Структурная схема формируется на основе композиции информационных слоев. Интегративный подход обеспечивает сопоставимость схем на разные объекты и закономерности в рамках информационного поля. Предлагаемый подход можно рассматривать как вариант качественного и количественного анализа моделируемых объектов. Предложенный интегративный подход позволяет решать задачи четкого и нечеткого построения структур, например, построения четких и нечетких когнитивных карт.

Ключевые слова: информационное поле, информационный образ, информационный слой, структурное моделирование, интегративный подход, инструмент качественного анализа, нечеткость

AN INTEGRATIVE APPROACH TO STRUCTURAL MODELING IN THE INFORMATION FIELD

Saenko M.A.¹,

e-mail: xerokan@mail.ru,

¹Russian Technological University (RTU MIREA), Moscow, Russia

The level of requirements for information processing is continuously increasing and therefore, the methods of its processing are also changing. Widely used structural modeling methods are object-topological, which limits their application to spatial objects. The article examines the problems of constructing structures in the information field. The information field is formed as a reflection of objects and processes of reality in the form of information images. The article proposes an integrative approach that uses the properties of the information field in combination with aggregative and stratification approaches. The integrative approach is based on the principle of forming aggregates or information layers. Each information layer is an aggregate that contains categorically and qualitatively similar information images. The structural scheme is formed on the basis of the composition of information layers. The integrative approach ensures comparability of schemes for different objects and patterns within the information field. The proposed approach can be considered as a variant of qualitative and quantitative analysis of the modeled objects. The proposed integrative approach makes it possible to solve the problems of clear and fuzzy structure construction, for example, the construction of clear and fuzzy cognitive maps.

Keywords: information field, information image, information layer, structural modeling, integrative approach, qualitative analysis tool, fuzziness

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-77-83

Введение

В настоящее время широко применяют понятие «структурное моделирование» и «структурные модели» [1–3]. При этом следует отметить существенное различие и применение таких моделей. При внимательном рассмотрении следует отметить, что часто такой метод моделирования является разновидностью качественного анализа. Поэтому метод структурного моделирования трактуют разнообразно. Например, в [1] дают такую интерпретацию: «построение и модификация организационных структур экономических и других систем и оптимизация структурных связей». Сводить все к организационным структурам означает сужение объема понятия. В то же время более важным является нахождение самих структурных связей. Наряду со структурным моделированием существует терминологически схожее, но в сущностном плане другое направление моделирования с помощью структурных уравнений (*structural equation modeling*) [3]. Это направление связано с методами многомерного анализа, которые применяют для анализа связей между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми факторами. Для оценки моделей структурных уравнений широко применяются два метода: ковариационный (Covariance-based Structural Equation Modeling, CB-SEM) и метод частичных наименьших квадратов (Partial Least Squares Structural Equation Modeling, PLS-SEM). CB-SEM использует статистическую модель для оценки и тестирования корреляций между зависимыми и независимыми переменными и скрытыми структурами между ними. Важное примечание: CB-SEM предполагает, что конструкции являются общими факторами, и оценивает модель соответствующим образом. Метод PLS-SEM представляет собой последовательность регрессий в терминах весовых векторов, используется для объяснения модели структуры и анализа взаимосвязи между влияющими факторами. Широко применяют структурное моделирование для импакт-анализа или причинно-следственного анализа [4]. Структурный анализ распространяют на нечеткие факторы и нечеткие условия [5]. Нечеткое принятие решений используется для прогнозирования ущерба и уязвимости объектов реальности. Основными факторами, влияющими на качество моделей реальных объектов, являются диверсификация, когнитивная неопределенность [6] и нечеткость. Указанные факторы затрудняют анализ изменений по структурам связей, вызывают необходимость переделки общей структурной схемы.

Целью работы является создание интегративного подхода, позволяющего независимо модифицировать структурную модель в информационном поле и получать новую композицию вместо переделки общей структурной схемы.

Образы информационного поля

Информационное поле есть интегральная модель реальности [7], в которой все объекты реальности переносятся в единую среду и общую информационную модель и имеют свои образы. Частичной аналогией информационного поля может служить фотоснимок реальности. На фотоснимке изображаются качественно разные объекты: люди, животные, стационарные сооружения, подвижные объекты и псевдообъекты типа тени от сооружения. Снимок является плоской моделью трехмерной реальности. По одному снимку нельзя восстановить объемные объекты. Но по двум снимкам, полученным с разных точек фотографирования, можно строить объемные модели объектов реальности. Однако такая аналогия является неполной, поскольку информационное поле содержит внутри себя отношения и неявные параметры, которые позволяют извлекать неявное знание и закономерности. Более полное сравнение информационного поля можно провести с множеством снимков на общую местность. Обработка пар снимков в разных комбинациях позволяет получать параметры, которые по одному снимку получить нельзя. Более точное сравнение информационного поля можно провести со снимками, которые получают в процессе аэрофотосъемки и по которым строят карты и модели местности.

Поскольку объекты реальности переносятся в информационное поле, то уместно назвать их модели в информационном поле информационными образами по аналогии со снимками. Информационный образ – это отражение параметров реального объекта в информационном поле с помощью информационно-измерительных систем [8; 9]. Информационный образ можно рассмотреть как вид упрощенной информационной модели. Обычно информационная модель строится с использованием

рецепции информации [10; 11]. Человек что-то упрощает и что-то добавляет исходя из признаков существенности использования информационной модели для конкретной задачи. На рисунке 1 показан процесс формирования информационных образов. Он может быть представлен с помощью следующей формальной записи:

$$IM(\text{Объект}) \rightarrow \text{ИнОб.} \quad (1)$$

В выражении (1) и на рисунке 1 приняты следующие обозначения: IM – информационный морфизм; ИнОб – обобщенная процедура преобразования объекта в образ информационного поля.

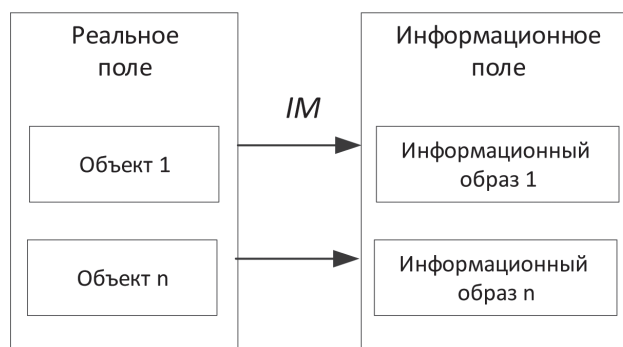

Рисунок 1 – Схема формирования информационных образов

В зависимости от выбора параметров поля возможны разные модели информационных образов. На рисунке 2 показана скалярная модель информационного поля или скалярное информационное поле.

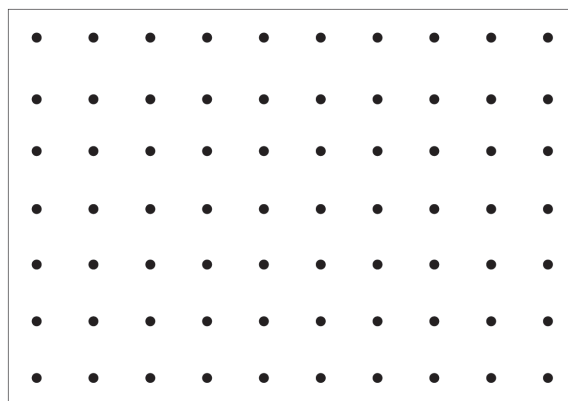

Рисунок 2 – Информационный образ скалярного информационного поля

Информационный образ скалярного информационного поля формируется путем вычисления значений в каждой точке поля. Оно имеет формальную запись вида:

$$EF = f1(x, y). \quad (2)$$

В выражении (2) EF – значение скалярной функции $f1$ в точке поля (x, y) .

На рисунке 3 показана векторная модель информационного поля или векторное информационное поле.

Образ информационного поля формируется путем вычисления модуля вектора и направления вектора в каждой точке поля. Оно имеет формальную запись вида:

$$V(A, x, y) = f2(x, y, v_x, v_y). \quad (3)$$

В выражении (3) $V(x, y)$ – значение вектора в точке поля (x, y) ; $f2$ – векторная функция; A – модуль вектора; (v_x, v_y) – компоненты элементарного вектора по осям. Рисунки 2 и 3 отражают характеристики информационного поля. Информационное поле содержит информационные образы реальных объек-

тов, что создает неоднородность. Эта неоднородность находится с применением кластерного анализа и выделением однородных объектов по заданному признаку ареалов. На рисунке 4 показана ареальная модель информационного поля или образно-объектное информационное поле.

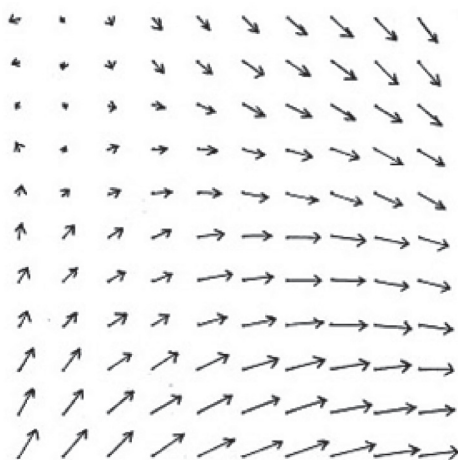

Рисунок 3 – Информационный образ векторного информационного поля

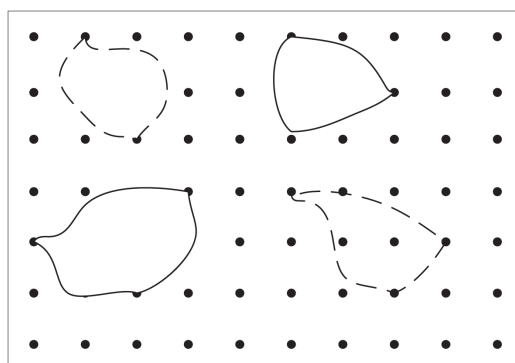

Рисунок 4 – Информационные образы ареалов в информационном поле

Информационные образы могут быть четкими и нечеткими. Нечеткость обычно характеризуется размытостью границ. На рисунке 4 нечеткие образы имеют пунктирные границы, а четкие образы имеют сплошные границы. Структурный анализ требует нахождения связей, например, с применением корреляционного анализа.

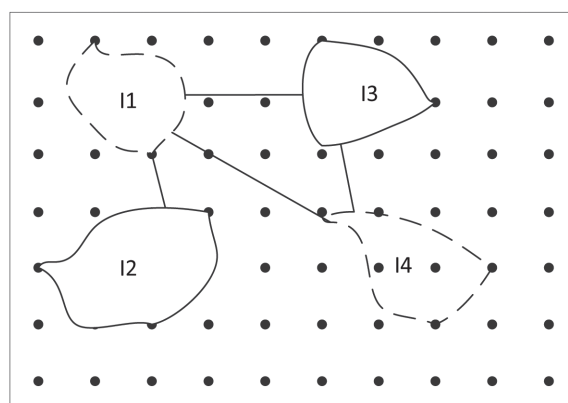

Рисунок 5 – Формирование структуры

На рисунке 5 связи показаны линиями, соединяющими найденные ареалы. Следующим этапом является нахождение причинно-следственных зависимостей в этих связях. На рисунке 6 приведена общая схема структурного моделирования в информационном поле.

Рисунок 6 – Технологическая схема структурного моделирования в информационном поле

Особенностью данной технологии является обязательная систематизация или координация элементов поля на начальном этапе. Координация или создание координатной системы требуется при обработке пространственной информации и построении пространственных образов в информационном поле. В общем схема на рисунке 6 подобна технологии построения карт в геоинформатике при помощи геоинформационных систем. Поэтому технология структурного моделирования в информационном поле реализуется также с помощью информационной системы. Каждый этап, начиная со второго по пятый, по существу, формирует информационный слой. Информационные слои задают стратификацию технологии или системы [12]. Информационный слой содержит образы одного типа или одной категории. Результатом моделирования является композиция информационных слоев, которая описывает структуру и среду, а не только структуру, как в обычном структурном моделировании. Схема на рисунке 6 может быть интерпретирована как категориальный анализ и категориальная композиция.

Заключение

Информационные образы в информационном поле делятся на две большие категории: пространственные и параметрические. Информационные пространственные образы отражают пространственные объекты. Информационные параметрические образы отражают непространственные объекты, например, состояние производства или состояние технологического процесса. Традиционные методы структурного моделирования используют функциональный и объектно-ориентированный подходы. Предложенный интегративный подход использует свойства информационного поля в сочетании с агрегативным и стратифицированным подходами к построению структуры. Результатом моделирования является композиция информационных слоев. Информационный слой можно рассматривать как агрегат и как самостоятельную информационную модель, применимую для построения других структурных схем. Такой подход позволяет независимо модифицировать и корректировать каждый информационный слой и получать новую композицию вместо переделки общей структурной схемы. Первые три этапа на рисунке 6 обеспечивают сопоставимость анализа и построения структурных схем в данной

области пространства. Проведенный анализ позволяет решать задачи четкого и нечеткого построения структур, например, когнитивных карт.

Предлагаемый интегративный подход можно рассматривать как инструмент качественного и количественного анализа. Качественный анализ рассмотрен в данной статье. Количественный анализ применяется при систематизации, функциональных вычислениях и композиции образов и представляет отдельную тему исследования.

Список литературы

1. Данелян Т.Я. Структурное моделирование // Статистика и экономика. – 2014. – № 6. – С. 166–169.
2. Глезман Л.В., Урасова А.А., Щеглов Е.В. Структурное моделирование развития машиностроительного производства в промышленности региона в эпоху Индустрии 4.0 // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 1593–1604.
3. Hair Jr J.F. et al. An introduction to structural equation modeling // Partial least squares structural equation modeling (PLS-SEM) using R: a workbook. – 2021. – С. 1–29.
4. Harsono I., Jusatria, Indraprasta R., Henri Kusnadi I., & Rohman S. Application of Dynamic Structural Model to Identify Factors That Influence Capital Adjustments in The National Manufacturing Industry // Jurnal Informasi Dan Teknologi. – 2024. – No. 6 (2). – P. 29–33.
5. Li S.Q. A simplified prediction model of structural seismic vulnerability considering a multivariate fuzzy membership algorithm // Journal of Earthquake Engineering. – 2024. – Vol. 28, No. 3. – P. 707–730.
6. Tsvetkov V.Ya. Cognitive Science of Information Retrieval // European Journal of Psychological Studies. – 2015. – Vol. 1, No. 5. – P. 37–44.
7. Tsvetkov V. et al. The Information Field as an Integral Model // Computer Science On-line Conference. – Cham: Springer International Publishing, 2023. – P. 174–183.
8. Рубинов В.В. Информационно-измерительные системы в технологическом процессе работы с твердыми коммунальными отходами // Аэрокосмическое приборостроение и эксплуатационные технологии: материалы Четвертой Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 04–21 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 249–253.
9. Цветков В.Я. Информационно-измерительные системы и технологии в геоинформатике. – Москва: МАКС Пресс, 2016. – 94 с.
10. Джорова С.М. Рецепция, перцепция и апперцепция при интерактивной обработке в геоинформационных системах // Славянский форум. – 2022. – № 4 (38). – С. 25–33.
11. Цветков В.Я. Рецепция информации // Образовательные ресурсы и технологии. – 2016. – № 1 (13). – С. 121–129.
12. Гимранов Р.Д. Стратификация информационных систем // Вестник кибернетики. – 2016. – № 1 (21). – С. 57–62.

References

1. Danelyan T.Ya. Strukturnoe modelirovanie // Statistika i ekonomika. – 2014. – № 6. – S. 166–169.
2. Glezman L.V., Urasova A.A., Shcheglov E.V. Strukturnoe modelirovanie razvitiya mashinostroitel'nogo proizvodstva v promyshlennosti regiona v epohu Industrii 4.0 // Kreativnaya ekonomika. – 2022. – T. 16, № 4. – S. 1593–1604.
3. Hair Jr J.F. et al. An introduction to structural equation modeling // Partial least squares structural equation modeling (PLS-SEM) using R: a workbook. – 2021. – S. 1–29.
4. Harsono I., Jusatria, Indraprasta R., Henri Kusnadi I., & Rohman S. Application of Dynamic Structural Model to Identify Factors That Influence Capital Adjustments in The National Manufacturing Industry // Jurnal Informasi Dan Teknologi. – 2024. – No. 6 (2). – P. 29–33.
5. Li S.Q. A simplified prediction model of structural seismic vulnerability considering a multivariate fuzzy membership algorithm // Journal of Earthquake Engineering. – 2024. – Vol. 28, No. 3. – P. 707–730.
6. Tsvetkov V.Ya. Cognitive Science of Information Retrieval // European Journal of Psychological Studies. – 2015. – Vol. 1, No. 5. – P. 37–44.
7. Tsvetkov V. et al. The Information Field as an Integral Model // Computer Science On-line Conference. – Cham: Springer International Publishing, 2023. – P. 174–183.

8. *Rubinov V.V.* Informacionno-izmeritel'nye sistemy v tekhnologicheskom processe raboty s tverdymi kommunal'nymi othodami // *Aerokosmicheskoe priborostroenie i ekspluatacionnye tekhnologii: materialy Chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 04–21 aprelya 2023 goda.* – Sankt-Peterburg, 2023. – S. 249–253.
9. *Cvetkov V.Ya.* Informacionno-izmeritel'nye sistemy i tekhnologii v geoinformatike. – Moskva: MAKS Press, 2016. – 94 s.
10. *Dzhorova S.M.* Recepciya, percepciya i appercepciya pri interaktivnoj obrabotke v geoinformacionnyh sistemah // *Slavyanskij forum.* – 2022. – № 4 (38). – S. 25–33.
11. *Cvetkov V.Ya.* Recepciya informacii // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii.* – 2016. – № 1 (13). – С. 121–129.
12. *Gimranov R.D.* Stratifikaciya informacionnyh sistem // *Vestnik kibernetiki.* – 2016. – № 1 (21). – S. 57–62.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Received: 23.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

СОКРАТ И ПЛАТОН – ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Гусев Дмитрий Алексеевич^{1,2,3},

*д-р филос. наук, профессор,
e-mail: gusev.d@bk.ru,*

Минайченкова Екатерина Игоревна²,

*канд. пед. наук,
e-mail: eminauchenkova@miiv.ru,*

Калайдова Анастасия Александровна²,

*канд. филол. наук,
e-mail: arukina@miiv.ru,*

Пустовойтов Юрий Леонидович²,

e-mail: rab36@yandex.ru,

Суслов Алексей Викторович^{2,4},

*канд. филос. наук, доцент,
e-mail: suslov.aleksei@mail.ru*

¹Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

²Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

³Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

⁴Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Актуальность темы определяется существенными образовательными потерями, во многом связанными с процессом цифровизации, который неизбежно влечет за собой значительную технократизацию, бюрократизацию, формализацию и отчуждение содержания как среднего, так и высшего отечественного образования от тех, кто его получает. Объектом исследования является преподавание общеобразовательного курса философии студентам высших учебных заведений нефилософских направлений и профилей подготовки в современных образовательных условиях. Предметом исследования является изучение и преподавание в общем курсе философии основных идей двух наиболее важных историко-философских фигур, задающих вневременное основное содержание такой формы духовной культуры человечества, как философия, – Сократа и Платона. Целью работы является педагогическая демонстрация того, что в зависимости от специфики преподавания философии ее можно сделать как отталкивающей, так и притягивающей познавательный интерес студенческой аудитории. Методами исследования являются дедукция и индукция, умозаключения по аналогии, идеализация, абстрагирование, педагогическое наблюдение и эмпирическое обобщение, сравнительный анализ и мысленный эксперимент. Результатом работы и одним из ее выводов является обоснование своего рода «педагогической теоремы» о том, что простое, ясное и приближенное к жизни изложение любого материала многократно повышает уровень образовательной заинтересованности студенческой аудитории и степень эффективности обучения. Областью применения результатов исследования являются мировоззренческая эвристика, философское просвещение, преподавание философии и других социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе.

Ключевые слова: современное образование, преподавание философии, учение Сократа, майевтика, учение Платона, мир идей, мир вещей, эйдосы, умозрение, теория врожденных идей, христианство

SOCRATES AND PLATO – FOR MODERN STUDENTS (HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL, WORLDVIEW AND DIDACTIC ASPECTS)

Gusev D.A.^{1,2,3},

*doctor of philosophy sciences, professor,
e-mail: gusev.d@bk.ru,*

Minaychenkova E.I.²,

*candidate of pedagogical sciences,
e-mail: eminaychenkova@muiv.ru,*

Kalaidova A.A.²,

*candidate of philology sciences,
e-mail: arukina@muiv.ru,*

Pustovoitov J.L.²,

e-mail: ra636@yandex.ru,

Suslov A.V.^{2,4},

*candidate of philosophy sciences, associate professor,
e-mail: suslov.aleksei@mail.ru,*

¹*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

²*Moscow Witte University, Moscow, Russia*

³*Institute of Law and National Security of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia*

⁴*Russian State Social University Moscow, Russia*

The relevance of the topic is determined by significant educational losses, largely related to the process of digitalization, which inevitably entails significant technocratization, bureaucratization, formalization and alienation of the content of both secondary and higher education in Russia from those who acquire it. The object of the research is the teaching of a general philosophy course to students of higher educational institutions of non-philosophical areas and training profiles in modern educational conditions. The subject of the research is the study and teaching in the general philosophy course of the main ideas of the two most important historical and philosophical figures who set the timeless basic content of such a form of spiritual culture of mankind as philosophy – Socrates and Plato. The purpose of the work is a pedagogical demonstration that, depending on the specifics of teaching philosophy, it can be made both repulsive and attracting the cognitive interest of the student audience. The research methods are deductive and inductive conclusions, analogical conclusions, idealization, abstraction, pedagogical observation and empirical generalization, comparative analysis and thought experiment. The result of the work and one of its conclusions is the substantiation of a kind of “pedagogical theorem” that a simple, clear and realistic presentation of any material greatly increases the level of educational interest of the student audience and the degree of learning effectiveness. The application area of the research results is ideological heuristics, philosophical enlightenment, teaching philosophy and other social and humanitarian disciplines in higher education.

Keywords: modern education, teaching philosophy, Socrates’ teaching, maieutics, Plato’s teaching, the world of ideas, the world of things, eidos, speculation, theory of innate ideas, Christianity

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-84-97

Введение

Одним из главных вопросов как среднего, так и высшего образования, как ни удивительно это прозвучит на первый взгляд, является вопрос о том, что такое образование, по крупному счету, или по некоему «общему знаменателю», или *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности). Если попытаться ответить на данный вопрос очень обобщенно, просто, но в то же время достаточно точно, то образование – это такая ситуация, в которой человек сначала чего-то не знал, не понимал, не умел, не мог, не разбирался и т.д., а

после некоторых образовательных мероприятий, взаимодействий, событий, действий, усилий он это (хотя бы отчасти) знает, понимает, умеет, может, разбирается и т.д., или, иначе говоря, он поднялся в своем интеллектуальном и душевном развитии на несколько ступенек выше того уровня, на котором он находился изначально.

Исходя из такого понимания образования, одним из главных вопросов вузовского преподавателя (и школьного учителя тоже) является вопрос о его *целеполагании*, который заключается в выяснении того, что именно он хочет сделать с учащейся аудиторией, какие результаты своих с ней взаимодействий предполагает и планирует, или, иначе говоря, что представляет собой совокупный внутренний мир учащегося *на входе и на выходе* (в начале и в конце семестра, в начале и в конце изучения какой-либо дисциплины). Без постановки такого вопроса и постоянного поиска ответов на него профессиональная деятельность преподавателя заведомо обречена на обесмысливание, профанацию и педагогический провал¹.

Если же все-таки такого рода вопрос «стоит на повестке» профессиональной деятельности преподавателя, то вполне очевидный и «минимальный» ответ на него будет заключаться в том, что он (преподаватель) хотел бы, чтобы в результате его взаимодействия с учащейся аудиторией в рамках изучения какой-либо дисциплины в сознании студентов *хотя бы что-то осталось*, причем – не в силу того, что им пришлось *выучить* некий материал к зачету или экзамену, а потому что сообщаемые учащимся знания и формируемые у них умения показали и представились им как действительно важные и нужные, жизненные и интересные.

Выполнению такой задачи нисколько не способствуют, а, наоборот, препятствуют современные объективные, институциональные образовательные реалии, одной из которых является цифровизация образования. Последняя, согласно фактически общему признанию, является одной из основных причин существенных образовательных потерь, т.к. с процессом цифровизации образования тесно связана его технократизация, а, значит, также – бюрократизация, формализация и *отчуждение* содержания как среднего, так и высшего отечественного образования от тех, кто его получает. Иначе говоря, цифровизация образования, к сожалению, тесно связана с усилением его *профанации*.

Что делать преподавателю высшей школы в современных образовательных условиях, если он не *за*, а *против* профанации образования? Ответ на этот вопрос удивительным образом является *вневременным*, т.е. не зависит от конкретных характеристик любой эпохи – экономических, политических, социальных, культурных и т.д. Смысл этого ответа заключается в том, что преподаватель, если он действительно стремится к достижению хотя бы минимального образовательного результата, несмотря ни на какие внешние образовательные обстоятельства, условия и факторы, будет стараться изложить учащимся материал не так, чтобы они *могли его воспринять*, понять и усвоить, а так, чтобы они *не могли его не воспринять*, понять и усвоить; он будет стремиться привлечь их (учащихся) к нему (материалу) или, по меньшей мере, – не оттолкнуть их от него, а в идеале – показать им, что это все не *против* них, а *за* них и *для* них [1].

В предлагаемой вниманию читателя статье предпринимается попытка показать некоторые педагогические и дидактические ходы, с помощью которых возможно приблизиться к решению выше обозначенной задачи, на примере преподавания общеобразовательного и общеобязательного курса философии студентам нефилологических направлений и профилей подготовки и, конкретнее, – на примере изучения и изложения основных философских идей двух ключевых для всей мировой культуры фигур мыслителей, выдающихся представителей классической античной философии – Сократа и Платона.

1. «Я знаю только то, что я ничего не знаю»

Начиная преподавать общий курс философии у студентов, достаточно далеких от нее и полагающих, что *философия им не нужна*, по всей видимости, следует познакомить учащихся со странным, на первый взгляд, но вместе с тем где-то и интригующим, а значит, уже педагогически целесообразным утверждением о том, что *философия не является наукой*. Здесь, вполне возможно, даже у незаинтересованного и немотивированного человека возникнет вопрос, *а чем же тогда она является?* Само появление этого вопроса (равно, как и любого другого вопроса, адресованного студенческой аудиторией преподавателю), уже косвенно свидетельствует о том, что он находится на педагогически правильном

¹ Гусев Д.А. Философия: нескучный учебник: учебник для вузов. – Москва: Прометей, 2025. – 808 с.

пути, т.к. ситуация будет заведомо проигрышной, когда у учащихся *вообще нет никаких вопросов*, что, возможно, выступает свидетельством того, они ничего *не услышали*, потому что ничего *не поняли*, если исходить из вполне справедливой максимы о том, что *каждый слышит только то, что он понимает* [2].

Далее можно познакомить наших учащихся с тем, что философия – это самостоятельная форма духовной культуры, существующая вместе и наряду с другими ее основными формами – наукой, религией и искусством, которая стремится в наиболее общих чертах объяснить все существующее, ответить на некие глобальные, сложные или вечные вопросы, которые также часто называются *метафизическими*. Здесь можно познакомить студентов с этим знаменитым греческим термином, который состоит из двух частей – приставки «мета» (*meta*), означающей «над», «за», «сверх», и слова «физис» (*physis*), которое переводится на русский как «природа» (в смысле – весь окружающий нас мир). Здесь учащиеся уже сами смогут сделать вывод о том, что метафизический – это как бы приподнимающийся над окружающим нас миром природы и нашей повседневной жизнью, выходящий за границы, пределы, рамки того и другого, и, например, вопрос, *как сделать карьеру*, является *физическим*, а вопрос, *в чем заключается смысл жизни*, является *метафизическим*, а человек в своей жизни постоянно задается как теми, так и другими вопросами, которые, таким образом, необходимы для него, даже несмотря на то, что метафизическими вопросами он, как правило, задается намного реже, чем физическими.

Если в результате изучения курса философии человек узнает, поймет и запомнит всего лишь то, что такое *физическое* и *метафизическое* и сможет в дальнейшей своей жизни свободно обращаться к этим понятиям и пользоваться ими, то даже этот минимальный образовательный результат можно считать педагогическим достижением преподавателя, т.к. в данном случае в сознании учащегося что-то осталось, его внутренний мир все же обогатился на крайне малую величину, что, несомненно, намного лучше, чем если бы по изучении семестрового курса философии он не обогатился бы вообще *ни на сколько*, а в его сознании совсем *ничего* не осталось бы [3].

Итак, философия – это поиск ответов на метафизические вопросы, в отличие от науки, которая ищет ответы на вопросы физические. После этого возможно познакомить учащуюся аудиторию с еще одним известным определением философии, согласно которому она представляет собой *знающее незнание*. Само это словосочетание является оксюмороном – сочетанием несочетаемого, которое, будучи не произвольной логической ошибкой, а лексическим и риторическим приемом, представляет собой не нарушение, как может показаться, логического закона противоречия, а эффективное дидактическое средство, позволяющее сделать излагаемый материал не только более ясным, но и более ярким и запоминающимся.

Что такое *знающее незнание*? Как понимать этот странный, на первый взгляд, речевой оборот? Здесь самое время перенестись вместе с нашими студентами на два с лишним тысячелетия назад к знаменитому греческому философу Сократу, идеи которого, несмотря на столь «почтенный возраст», несколько не устаревают и интересны нам сегодня не только как покрытые пылью времен памятники старины, но и как вполне современные руководства к нашей сегодняшней практической жизни и деятельности [4].

Сократ, помимо прочего, оставил нам знаменитое изречение, с которым, возможно, многие нынешние студенты были знакомы задолго до того, как начали изучать вузовский курс философии: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Согласимся с нашими учащимися в том, что на первый взгляд, это утверждение выглядит достаточно странным, и расскажем им историю о том, что по преданию, кто-то из друзей Сократа спросил оракула (предсказателя), кто из греков самый мудрый. Оракул ответил: «Сократ». Когда этот ответ передали Сократу, он удивился и сказал: «Как же так – я знаю только то, что я ничего не знаю, а оракул объявил меня самым мудрым?». После некоторого размышления он сказал: «Кажется, я понимаю, о чем говорил оракул, – я-то знаю о том, что ничего не знаю, а другие даже этого не знают». Согласитесь, уважаемый читатель, что такого рода изложение материала является намного более педагогически выигрышным и дидактически эффективным, чем набившие оскомину многословные, непонятные, скучные и безжизненные определения, сопоставления, классификации, умозаключения из учебника, словаря, энциклопедии, методического пособия и т.п. и т.д. Как же понимать странное, на первый взгляд, утверждение Сократа о том, что он знает только то, что ничего не знает?

Обратим внимание наших студентов на вопрос о силе привычки и ее роли в нашей жизни, который, в принципе, не может быть скучным или непонятным, потому что непосредственно относится к

каждому из нас и напрямую влияет на любую человеческую жизнь. Человеку, который привык к окружающему его миру и самому себе, может казаться, что все вокруг просто, ясно и понятно, он может думать, будто бы все знает. Однако такое его «знание» является призрачным и представляет собой самообольщение: привычка к чему-либо никак не означает, что это и является истиной. Получается, что человек, на самом деле, ничего толком не знает, но ему кажется, что знает, а в результате он не знает того, что он ничего по-настоящему не знает. Он *не знает* своего незнания. Философ же как раз *знает* о своем незнании. Именно такое знание (знание о собственном незнании) и является самым ценным на свете знанием или подлинной мудростью. Почему? Потому что, когда человек думает, будто бы все знает, он не будет стремиться ни к какому знанию и поиску истины, – зачем стремиться, если и так уже все «понятно» и «известно». Так же и наоборот, когда человек знает о своем незнании, тогда стремление к знанию и поиску истины для него не закрыто [5].

Далее учащиеся смогут уже самостоятельно продолжить логику данного рассуждения и сказать, что когда человеку все «понятно» и «просто», когда он все «знает» и «понимает», он никуда не движется, не меняется, как бы погружаясь в некий «сон» или «обморок» ума и души и проживает всю жизнь, так и не «просыпаясь» и не «приходя в сознание». Это «сонное» или «обморочное» состояние может казаться вполне нормальным, естественным, обычным и даже вполне комфортным. В таком состоянии находятся все не наделенные разумом и свободной волей объекты и существа окружающей нас живой и неживой природы, и если человек хочет быть именно человеком, а не одним из этих неразумных объектов и существ, то его задача – не «спать» и не пребывать в «обмороке», а, наоборот, – «бодрствовать» и «быть в сознании». Таким образом, сделаем мы вывод вместе с нашими студентами – роль и значение философии, помимо всего прочего, состоит еще и в том, чтобы «растормозить» человека, «пробудить» его ото «сна», помочь «очнуться» от «обморока» и с помощью *знающего незнания* перейти к новой жизни – полноценной и осмысленной [6; 7].

2. Что такое майевтика?

Далее обратим внимание наших студентов, что, исходя из рассмотренной идеи Сократа о знающем незнании, получается, что философ не может показать людям истину, т.к. и сам не знает наверняка, где она, в чем заключается и что собой представляет, но он может подтолкнуть человека к поиску истины. Философ не может поделиться с кем-то своим *знанием*, т.к. знает только то, что ничего не знает, но он может поделиться с человеком своим *незнанием*, т.е. – открыть ему глаза на его незнание, тем самым способствуя тому, чтобы он начал искать истину и действительно смог бы узнать что-то подлинное и настоящее. Как возможно показать человеку, что он ничего не знает, в то время, как ему кажется, что он все знает? Можно поставить вместе с учащимися мысленный эксперимент, в котором мы говорим кому-то: «Ты же ничего не знаешь!». Как вы думаете, спросим мы наших студентов, велика ли в данном случае вероятность того, что он ответит так: «Ой, и правда, – я же ничего не знаю»? Скорее всего, скажут они и будут вполне правы, все будет наоборот, – он скажет, что как раз все знает, и ему все просто, понятно, известно, знакомо, привычно и т.д.

Проиллюстрируем то же самое с помощью другого примера. Любому представителю учащейся аудитории, скорее всего, приходилось когда-то с кем-то о чем-то спорить. Зададимся вопросом, – если мы в споре или дискуссии будем говорить нашему оппоненту: «Ты не прав, все не так», – то велика ли вероятность, что он ответит следующим образом: «Ой, оказывается я не прав, а я и не знал об этом, спасибо тебе за то, что ты мне об этом сообщил, теперь буду знать, как я заблуждался»? По всей видимости, все будет иначе, – чем больше мы будем ему говорить, что он не прав и заблуждается, тем только более твердо он будет стоять на своей точке зрения. Как же быть в таком случае? И вот здесь можно перейти к тому, что Сократ создал удивительный метод ведения спора или беседы, а также метод философствования, который называется **майевтика** (греч. *maieutike* – «повивальное или акушерское искусство», «искусство помощи при родах»). Свое название этот метод получил по той причине, что философ, согласно утверждению Сократа, не может родить истину, но может помочь ее рождению в уме и в сердце человека путем приведения его к пониманию собственного незнания. Смысл данного

метода состоит в том, что в беседе или споре Сократ ничего не утверждает и не отрицает, а только задает своему собеседнику вопросы, но задает их так, чтобы он в результате понял, что *ничего не знает* из того, о чем, как ему казалось ранее, он *хорошо знает*. Приведем пример использования на практике метода майевтики. Конкретные примеры имеют большое дидактическое значение и играют огромную роль в образовательных взаимодействиях [8].

Сократ спрашивает некоего человека:

- Знаешь ли ты, что такое добро и зло, что хорошо и что плохо?
- Конечно же знаю, Сократ, – уверенно отвечает он, – кто же этого не знает!
- Тебе повезло, – говорит Сократ, прикидываясь, – ты вот знаешь, а я не знаю.
- Так ты спроси меня, Сократ, я тебе все расскажу!
- Правда, – расскажешь?
- Конечно же, – расскажу!
- Ну ладно, тогда скажи мне, например, – лгать, или обманывать – это хорошо или плохо?
- Конечно же плохо, Сократ, обманывать – это плохо, и все это знают!
- Хорошо, я понял, – обманывать – плохо. Но вот теперь скажи, если, например, мать обманывает

своего ребенка, говоря ему, что лекарство сладкое, хотя на самом деле оно горькое, лишь бы он его выпил и выздоровел, – она в этом случае поступает хорошо или плохо?

– В этом случае она поступает хорошо, – уже в некотором замешательстве говорит собеседник Сократа.

- Значит, обманывать все же хорошо? – спрашивает его Сократ.
- Ну да, хорошо, – еще в большем замешательстве отвечает его собеседник.
- Постой, ты же сначала сказал, что это плохо, – говорит Сократ.
- Ну да, плохо, – отвечает тот.
- Так все же хорошо или плохо? – вновь спрашивает его Сократ.
- Теперь уже и *не знаю*, Сократ, запутал ты меня совсем, вернее сам я запутался, – отвечает чело-

век, признавая, таким образом, что именно не знает о том, о чем совсем недавно думал, что хорошо знает.

Как видим, философ открывает человеку глаза на его незнание и тем самым помогает ему преодолеть преграду на пути действительного познания, – самым же человеком созданную преграду в виде *иллюзии знания*. Если вам придется когда-либо с кем-то о чем-то спорить, скажем нашим студентам, попробуйте применить сократовский метод майевтики, – ничего не утверждать и не отрицать, тем более, не говорить вашему оппоненту, что он не прав, а только задавать ему вопросы таким образом, чтобы он через некоторое время понял, что толком ничего не знает об обсуждаемом предмете, хотя ранее был уверен в своем знании о нем [9].

Далее отметим, что понятие майевтики тесно связано с понятием **эвристики** (греч. *heurisko* – «находить», «открывать», «отыскивать»). Эвристикой обычно называется интеллектуальный поиск, попытка ответить на некие непростые вопросы, найти решение каких-то теоретических и, возможно, практических проблем. Когда человеку кажется, что он все знает, тогда, разумеется он ничего не ищет, не стремится ничего найти, открыть, понять, постичь, познать. Если же он знает только то, что ничего не знает, тогда у него есть шанс на приобретение подлинного знания. Прилагательное «эвристический», уже смогут самостоятельно сделать вывод наши студенты, означает «ищущий», «исследующий», «испытывающий», «открывающий» и т.п.

Итак, чтобы что-то узнать, надо *знать*, что ты ничего не знаешь, чтобы что-то *понять*, надо понимать, что ты ничего не понимаешь, чтобы стать лучше, надо *видеть*, насколько ты далек от совершенства. Обратим в данном случае внимание учащихся на то, что религия (в развитых своих формах) говорит человеку примерно то же самое, – чтобы стать лучше, надо понять, насколько ты плох; без осознания этого невозможно никакое совершенствование – сначала действительное *понимание* своего несовершенства, потом искреннее *раскаяние* в своих безобразиях и, наконец, подлинное *преображение* или «второе рождение» – от жизни полубессознательной к жизни, наполненной неиллюзорным смыслом и по-настоящему счастливой [10].

Подводя итог этой части нашей беседы со студентами, можем также отметить, что философия как бы «расколдовывает» человека, «заколдованного» как внешними обстоятельствами (обществом, средой, эпохой и т.п.), так и внутренними факторами – его собственным неразумием, самомнением,

обольщением, леностью и другими пороками и несовершенствами.

3. Мир идей и мир вещей

Продолжая разговор об идеях выдающихся мыслителей Античности, рассмотрим вместе с нашими студентами еще одну аналогию, иллюстрирующую то, что делает философия и зачем она нужна, предложенную нам знаменитым древнегреческим философом Платоном, который был учеником Сократа и жил на рубеже V–IV вв. до н.э. Настоящее имя его – Аристокл, а Платон – это прозвище, которое переводится с греческого как «Широкий». Он получил его то ли за крепость телосложения, то ли за широкий лоб, то ли широту мысли. Если Сократ ничего не писал, то Платон оставил много сочинений, которые в современном издании занимают четыре больших тома. Его произведения написаны, в основном, в форме диалогов, главным действующим лицом которых является Сократ, беседующий с философами на различные темы. Влияние Платона на всю последующую философскую мысль было настолько велико, что известный английский философ XIX–XX вв. А. Уайтхед даже предложил такое знаменитое утверждение, согласно которому «вся философия – это заметки на полях сочинений Платона».

Обратим внимание наших студентов на одну из основных мыслей Платона, которой является широко распространенное в философии утверждение о том, что видимое не есть реальное: если мы что-то видим, то это вовсе не значит, что оно существует именно так, как нами воспринимается. Такого рода идея является одной из вечных в истории мировой философской мысли, например, греческие философы элейской школы (элейские философы или элеаты) утверждали – несмотря на то, что мы видим вокруг себя движение и изменение, на самом деле ничто не движется и не меняется; а греческий философ Гераклит, наоборот, учил, что если нечто наблюдается нами неизменным, то это не означает, что оно действительно таково, просто никто не замечает всеобщее и непрекращающееся движение, и поэтому в одну и ту же реку невозможно войти дважды, равно, как и все остальное нельзя сделать дважды, – настолько быстро все меняется и становится через мгновение уже не таким, каким было секунду назад. Мы видим горы и деревья, луга и озера, звезды и планеты, говорил другой греческий философ – Демокрит, и совсем не понимаем, что нет ни того, ни другого, ни третьего, а есть только набор простейших, неделимых, невидимых нами элементов – атомов, которые движутся в пустоте, а их соединения и разъединения, их временные и неустойчивые комбинации как раз и являются различными объектами окружающего нас мира, про которые мы думаем, будто бы они действительно существуют, – так же, как и сам мир, хотя в реальности есть только атомы и пустота. Знаменитый Пифагор и его последователи утверждали, что весь окружающий нас и видимый нами мир – это инобытие (иная форма существования) высшего, совершенного, невидимого, но реально существующего мира математических объектов – чисел, пропорций, симметрий, геометрических фигур и т.д., иначе говоря, не мы придумали математику, а весь мир и мы в нем – ее проявление, воплощение, отражение. Итак, совершенно не исключено, что видим мы нечто одно, а на самом деле существует совсем другое, тем более, что у нас нет никаких достаточных оснований или аргументов полагать, что видимое, привычное, знакомое, понятное, известное и т.д. – это и есть мир такой, какой он сам по себе, или – *на самом деле* [11; 12].

Что же нам предлагает греческий философ Платон? Для того, чтобы лучше понять его учение, предложим нашим студентам представить себе такую картину. Допустим, перед нами лежат три предмета – яблоко, груша и слива. Эти объекты совершенно различны и непохожи друг на друга, понятно, что яблоко – это не груша, груша – не слива, слива – не яблоко. Но есть в них нечто общее, сходное, делающее их отличными от других вещей, что-то такое, что позволяет объединить их в какую-то одну группу объектов окружающего нас мира. Это общее мы фиксируем в понятии «фрукт» и в слове, которое данное понятие выражает. Теперь зададимся вопросом, – существует ли фрукт в реальности – в качестве такого объекта, в котором были бы собраны все возможные фрукты Земли, который можно было бы посмотреть или потрогать, или попробовать на вкус? Нет, не существует, говорят учащиеся, – «фрукт» – это всего лишь понятие, термин, имя, название, которым мы обозначаем группу сходных между собой объектов; реально существуют только сами эти объекты, а их понятия или понятия о них реально или предметно, телесно в мире не существуют, т.к. они находятся только в нашем уме в качестве мыслей или идей. Возможен ли

такой ход рассуждения? Конечно же, – возможен, более того, мы в своем большинстве именно так и представляем себе соотношение реальных вещей или объектов окружающего нас мира и понятий нашего ума, с помощью которых мы эти объекты отражаем, представляем, обозначаем, выражаем в нашем мышлении.

Возможен ли другой, противоположный ход мысли, можно ли предположить, что все обстоит совершенно иначе, наоборот? Например, реально и изначально существуют не объекты или вещи, или предметы окружающего нас телесного, чувственного (воспринимаемого органами чувств) мира, а как раз идеи или понятия этих вещей; но существуют эти идеи не в нашем уме, как мы привычно считаем, а *сами по себе*, вне нас, помимо нас и независимо от нас, – в особом, высшем, идеальном, недоступном нашим органам чувств, сверхчувственном мире, а все чувственные объекты, вещи, предметы, тела, которые нас окружают, – всего лишь порождения этих идей и являются их отражениями или тенями, и поэтому первоначально, действительно, реально существуют не они, а их идеи. Эта мысль – главная в учении Платона. Нам кажется, говорит он, что мир один – тот, который мы видим вокруг себя, на самом же деле мира два: один – высший, невидимый, совершенный, неизменный мир *идей* или *эйдосов* (греч. *idea, eidos* – «вид», «облик», «образ», «форма»), другой – низший, чувственно воспринимаемый нами, несовершенный, изменчивый мир *вещей*, причем второй произведен от первого, порождается им [13].

Например, в этом высшем мире идей существует идея лошади, вот она-то и «отвечает» за каждую конкретную лошадь, которая находится в окружающем нас мире, обуславливает ее, определяет, «задает», выступает ее причиной. Именно благодаря этой идее лошади, видимая нами, телесная, «вещественная» лошадь остается лошадью и не превращается в какой-нибудь другой объект; т.е. чувственно воспринимаемые вещи обретают смысл, реальность, устойчивость, постоянство как раз из-за причастности к вечным и неизменным идеям. Если бы этого стабилизирующего мирового начала – идей – не было, то любой объект постоянно, непредсказуемо и хаотично переходил бы в любое иное состояние: муравей, например, вдруг мог бы превратиться в слона или гору, или цветок, а планета могла бы стать водопадом, деревом, островом, молекулой, облаком, или каплей росы... Таким образом, мир идей – это как бы смысловой «каркас» чувственного или физического мира, не видимый глазу, но доступный нашему мышлению или нашей удивительной способности к *умозрению*. По преданию, философ Антисфен, критикуя платоновскую теорию идей, как-то сказал ее создателю: «Я видел огромное количество лошадей, Платон, но я никогда не видел идею лошади, о которой ты так настойчиво говоришь». Платон ответил ему: «Стало быть, у тебя, Антисфен, есть глаза, чтобы увидеть каждую конкретную лошадь, но, видимо, у тебя нет разума, с помощью которого ты мог бы усмотреть идею лошади».

4. От мрачного подземелья теней к светлым долинам реальности

Далее обратимся вместе с нашими студентами к вопросу о том, как соотносятся между собой идея и вещественный объект, например, та же идея лошади и наблюдаемая нами или воспринимаемая нашими органами чувств телесная, «земная» лошадь? Так же, как некий объект и тень, которую он отбрасывает. Обратим внимание на то, что речь идет именно про *тень*, а не, например, *отражение* в зеркале. Почему? По всей видимости, потому что отражение в зеркале достаточно неплохо передает отражаемый объект, показывает его таким, каким он и является, или верно о нем свидетельствует, несмотря на то, что оно – всего лишь его отражение. Как вы догадываетесь, скажем нашим учащимся, с тенью будет не то же самое: в отличие от отражения мы не можем по тени уверенно говорить о том объекте, который ее отбрасывает, – настолько она является неопределенной, смутной и обманчивой; если отражение все же сообщает нам что-то определенное об отражаемом, позволяет составить о нем представление, то тень фактически ничего не передает, и с помощью нее мы почти ничего не можем сказать об объекте, который выступает ее причиной.

Аналогия с тенью передает ту колоссальную дистанцию, которая существует между миром идей и миром вещей, между идеей как первопринципом, первообразом, образцом, эталоном вещи и самой вещью. Идея первична, совершенна и неизменна, а вещь, как ее тень, вторична, несовершенна и изменчива. Для большей ясности проиллюстрируем это с помощью следующего примера-анalogии. Прежде чем что-то нарисовать, т.е. воплотить, реализовать, материализовать на бумаге или ином носителе это

что-то, надо, чтобы сначала это было некой идеей, мыслью, формой, образом, принципом, в соответствии с которым мы и создаем наш рисунок, т.е. идея первична, а нарисованное вторично, без первого не могло бы быть второго, – невозможно, например, нарисовать *ничто*, нарисовать можно только *нечто* или что-то. Теперь представим себе, что к нам подходит ребенок и просит нарисовать лошадку. У нас, конечно же, есть идея или образ лошадки, который безупречен и прекрасен, но почему-то, к нашему разочарованию и расстройству, когда мы начинаем его воплощать или реализовывать в своем рисунке, вместо совершенной лошади у нас, как правило, получается какая-то «каля-маля». То же самое будет и в том случае, если нас попросят нарисовать принцессу или богатыря, или жар-птицу, или королевский дворец, или парусный корабль и т.д., а, скорее всего, мы вообще откажемся рисовать, зная наперед, *что* у нас из этого получится. Понятно, что, в данном случае, речь не идет про профессиональных художников. Кроме того, много ли наберется профессиональных художников среди всех преподавателей философии и студентов, ее изучающих? Эти замечания делаются только для того, чтобы показать с помощью рассмотренной аналогии, что идея в платоновском учении является совершенной, а вещь, представляющая собой ее тень, конечно же, несовершенна. Наконец, точно так же идеи неизменны, а вещи изменчивы: если нас попросят нарисовать лошадь, то большинство из нас нарисует именно упомянутое выше «каля-маля», но у всех это будет выглядеть по-разному, несмотря на то, что прекрасная идея лошади у нас у всех одна и та же [14].

Итак, объекты или вещи окружающего нас телесного мира являются проекциями, контурами, бледными подобиями или тенями идей высшего, прекрасного, совершенного бытия. Для иллюстрации своего воззрения Платон предложил нам следующую знаменитую аллегория, которая получила название «Пещеры». Познакомим наших студентов с ней, немного упростив ее: представьте себе, что мы сидим в пещере спиной к входу и смотрим на ее стену. За нами в солнечных лучах проходят какие-то животные, пролетают птицы, растут цветы и т.д. Мы же видим на стене пещеры тени этих объектов, но поскольку сидим спиной к выходу, то не знаем об их существовании, – нам кажется, что наблюдаемые тени, – это и есть сами объекты, и они-то представляют собой единственно возможную реальность. Кроме того, представьте, что в таком состоянии проходит вся наша жизнь, и мы ничего не знаем о мире вне пещеры и за ее пределами, т.е. эта наша пещера – тот мир, который нам знаком, понятен, известен, привычен, и никакой другой реальности, помимо этой, как нам кажется, не существует.

Теперь, допустим, кому-либо из этих пещерных узников удалось оглянуться и увидеть за пределами пещеры сам объект, отбрасывающий тень, который, конечно же, имеет с ней мало общего, многократно превосходит ее своим совершенством, является прекрасным «подлинником», частью настоящей, совершенной, вечной, неизменной реальности. Увидевший поймет, что все время принимал тень от объекта за сам этот объект, невольно и моментально сопоставит одно с другим, и изумлению, удивлению, восхищению его не будет предела, но также еще и – досаде, сожалению, сокрушению обо всем том времени, в течение которого он принимал тени за сами предметы или – неподлинное за подлинное. Поняв, что настоящий мир совсем не такой, каким он его раньше воспринимал как что-то знакомое, привычное, известное, само собой разумеющееся, он никогда более уже не станет смотреть на эфемерные тени, но все свои силы направит на созерцание самих объектов; более того, он выйдет из пещеры, чтобы увидеть, что помимо ее низкого свода, серых, мрачных стен, сырого воздуха есть широкие зеленые равнины, прекрасные луга, свежий простор, бесконечное лазурное небо, на котором сияет вечное Солнце.

Кроме того, возможно, он вернется в пещеру к своим товарищам по несчастью быть ее узниками и расскажет им о том мире, который видел, чтобы и они вместе с ним покинули мрачное подземелье; и здесь он испытает огромное затруднение – *как* рассказать им о том, что ему открылось, если они *никогда* этого не видели? Скорее всего, они не поверят ему и, наверное, сочтут сумасшедшим, а он будет сокрушаться о своем бессилии поведать им о настоящем мире и неспособности вывести их на его просторы [15].

Так же и в нашей жизни: мы считаем окружающий нас мир единственно возможным, видим вокруг себя различные предметы, тела, вещи и полагаем их реально существующими, не понимая, что они – всего лишь несовершенные подобия или бледные тени идей – объектов мира реального, действительного, подлинного, но невидимого или недоступного восприятию наших органов чувств. Если бы кому-то из нас удалось «увидеть» за физическими вещами их настоящее начало – идеи, он, удивившись

и восхитившись, поняв, какова подлинная, а не мнимая реальность, поспешил бы рассказать нам о ней, а мы, скорее всего, ничего не поняли бы, самодовольно считая, что он, видимо, сошел с ума и напридумывал каких-то небылиц.

5. Что такое «теория врожденных идей»?

Итак, задача философии, согласно учению Платона, как мы выяснили вместе с нашими студентами, заключается в том, чтобы помочь пещерным узникам выйти на волю – от мрачного подземелья теней к светлым долинам реальности, помочь человеку за неподлинным увидеть подлинное, за нереальным – действительное, за материальным – идеальное, за контуром – настоящие очертания, за фантомом существования – истинное бытие. Но как это сделать, и возможно ли такое вообще?

Оказывается, что возможно, хотя и не просто. Человек не полностью принадлежит окружающему нас чувственному миру телесных объектов. У него есть душа, которая, в отличие от тела, является вечной и идеальной или нематериальной; она-то и связывает его с высшим, совершенным, невидимым миром идей. После смерти тела душа отправляется именно туда, пребывает там какое-то время, при этом созерцает сами идеи и приобщается к высшему знанию. Потом она спускается в материальный мир и, вселяясь в новое тело, забывает о своем знании. Но забыть – не означает не знать вовсе, ибо в забывании кроется возможность вспомнить.

Получается, что человек рождающийся уже все знает, но только неявно, потенциально, в нем как бы «заархивировано» настоящее знание. Поэтому ему не следует идти по пути познания «с нуля» и шаг за шагом, по крупицам приобретать не знания даже, а их подобие, суррогат или видимость (т.к. это будут знания о мире вещей, а не идей). Как раз наоборот, – у него есть удивительная и уникальная возможность обнаружить в себе некогда забытое знание, проявить, «разархивировать», вспомнить его. Поэтому познание по Платону – это припоминания души. Позже данное представление о наших познавательных способностях получило название «теории врожденных идей» [16].

6. Учение Платона и христианство

Итак, еще раз отметим вместе с нашими студентами то, что одна из вечных философских идей, которая по-разному выражена в различных философских учениях, заключается в том, что окружающий нас привычный мир, который мы в большинстве своем считаем единственно возможным, не является подлинной реальностью, но представляет собой производное от невидимого, идеального, совершенного мира, вторичен по отношению к нему. Поэтому главная задача человеческой жизни заключается в том, чтобы постараться выбраться из нашего сумеречного «подземного» мира к свету мира настоящего, действительного, подлинного, который и является прекрасной, совершенной, благой, вечной реальностью как таковой. Каждый человек в своей жизни стоит перед свободным выбором – идти в сторону этой реальности или не идти, искать настоящий мир или нет, стремиться выйти из мрачной «пещеры» в долины, лежащие под бескрайним небом и ясным солнцем, или оставаться в ней. В данном случае важно то, что выбор этот не является равнозначным, «равновесным», «симметричным», наоборот, он характеризуется огромной «асимметрией»: несомненно, что для любого человека, независимо от его пола, возраста, национальности, эпохи, социальной среды и т.п. намного и даже *бесконечно лучше* в своей жизни именно выходить из «пещеры» нежели оставаться в ней, стремиться к высшему и подлинному миру, чем не стремиться к нему, искать его как единственную истину и безусловное благо вместо того, чтобы не искать [17].

Обратим внимание наших учащихся, что в данном случае философские идеи Платона созвучны одному из основных утверждений христианского учения о мироздании и человеке, согласно которому тот окружающий нас мир, в котором мы постоянно пребываем в течение всей своей жизни с нашими повседневными заботами и делами, – это «гостиница», причем «подвального типа», которую раньше или позже нам придется покинуть, а нашим настоящим Отчим Домом, действительной Небесной Родиной является Царствие Божие, стремиться или не стремиться к которому может каждый человек во время своего пребывания на земле, в чем и заключается главный выбор любой человеческой жизни. Причем, Отчий Дом

по своему совершенству и благу, нашей радости и счастьем *бесконечно* превосходит «гостиницу», даже если она и кажется нам вполне нормальной, приемлемой, а, возможно, даже удобной и «гостеприимной».

Однако между платоновской теорией и христианским учением есть принципиальные и существенные различия. Одно из них заключается в том, что высший и совершенный мир идей, о котором говорит Платон, является *безличностным*, т.е. представляет собой некое «оно», которое не является *личностью*, в то время как человек именно ей и является, в силу чего возникает справедливый вопрос о возможности *связи* между человеком и идеальным миром: как возможна связь между личностью, с одной стороны, и чем-то безличностным, с другой стороны? При чем речь идет, насколько вы догадываетесь, скажем нашим студентам, не о связи неких частей, или механическом соединении чего-то с чем-то, а о связи, как живом и осмысленном *взаимодействии, контакте, соприкосновении, диалоге, общении*. По логике вещей, связь возможна только между личностью и личностью, например: родитель и ребенок, учитель и ученик, врач и пациент, прощающий и прощаемый, защитник и защищаемый, спасатель и спасаемый.

В отличие от реальности совершенного, прекрасного, но безличностного платоновского мира идей, Царство Небесное, о Котором говорит христианство, характеризуется именно *личностным* пониманием, потому что Господь Бог – Личность, Небесный Отец, Творец, Родитель и Попечитель человека, который обращается к Нему в форме личного местоимения *Ты*: «*Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли*». Поэтому между Богом и человеком не просто возможна, но и необходима *благая связь*, как между личностью мудрого и любящего родителя и личностью его ребенка, которая существует даже тогда, когда ребенок не слушается родителя и даже сбегает из отчего дома, потому что, в этом случае у него есть возможность *возвращения* обратно. Здесь обратим внимание учащихся на то, что одним из вариантов перевода латинского слова «*религия*» на русский является «*возвращение*» [18].

Еще одно отличие платоновской философии от христианского учения заключается в том, что в христианстве под мрачным подземельем или пещерой понимается не только и не столько тот окружающий нас физический или природный, чувственный мир объектов, о котором идет речь у Платона, сколько духовный мир или духовное состояние – поврежденное, испорченное, несчастное, – в котором оказался человек после грехопадения и отпадения от Бога. Физический или материальный мир, вместе с человеком, тоже повредился и отпал от своего Творца, потому что был вверен Им человеку в попечение: в результате катастрофы грехопадения и человек, и мир стали не такими, какими они были от сотворения, утратили свое непревосходимое совершенство. Однако христианство преимущественно говорит о том, что нынешний человек находится в пропасти, поврежденной грехом собственной природы, в мрачном подземелье своих пороков и страстей, из которого, тем не менее, он может постепенно выбираться, – не только путем искреннего желания и приложения личных усилий, но и, главное, с помощью Божией, – к иному своему духовному расположению – беспорочному и бесстрастному, которое было ему даровано Творцом и утрачено грехопадением.

Пещера или подземелье, или пропасть нашего нынешнего плачевного состояния часто называется в христианстве *греховной бездной*, из которой человека может вывести Милостивый Господь Бог, милосердие Которого по отношению к нам так же бесконечно или *бездонно*, как и степень нашего отпадения от Него. Однако быть вызволенным из бездны своих грехов бездонным Божиим милосердием человек может только тогда, когда он *понимает*, что в ней находится и *истлевают* духовно, тем самым закрывая себе путь к благу бессмертию, *ужасается* этому и действительно *хочет* выбраться из нее: «*В бездне греховней валяясь, неисследную милосердия Твоего призываю бездну: от тли, Боже, мя возведи*» (Ирмос шестой Песни Последования ко Святому Причащению).

Согласно христианскому учению, путь из подземелья или пропасти наших страстей и пороков в Царствие Небесное, в рай, к максимальной или бесконечной полноте жизни, смысла, радости и счастья открывается для человека, стремящегося к своей Небесной Родине, не только после завершения его земной жизни, но – уже при ней – по мере изменения, исправления, преображения его духовного состояния или *рождения заново* – от жизни греховной и безбожной к жизни с Богом, в которой человек отчетливо видит и осознает свои безобразия и беззакония, сокрушается о них, приносит покаяние и старается стать лучше, чем он есть.

Заключение

Подводя итог нашего исследования, еще раз отметим, что в преподавании любого учебного предмета или дисциплины, особенно социально-гуманитарного блока, вполне возможно изложить основной учебный материал так, чтобы никто ничего не понял – сумбурно, непоследовательно, неясно, скучно, неинтересно, безжизненно. В таком случае познавательный интерес учащейся аудитории полностью утрачивается, а на его месте появляется настоящая *тоска*, в результате которой и появляется то самое фундаментальное *отчуждение* между преподаваемым предметом и учащимися, между ними и преподавателем, которое обнуляет и обесмысливает всю его профессиональную деятельность, т.к. внутренний мир учащегося остается одним и тем же *на входе и на выходе*, а время и силы как преподавателя, так и студентов оказываются потраченными совершенно напрасно, – некие образовательные взаимодействия были только *de jure*, а в действительности или *de facto* их не было.

Однако у преподавателя всегда имеется и противоположная возможность, которая заключается в том, чтобы изложить учебный материал последовательно, ясно и ярко, сделать его максимально приближенным к жизни, рассказать о сложном просто и интересно. В этом случае возможно получение сразу определенного *комбинированного* результата: во-первых, это радостное удивление учащейся аудитории, – оказывается, философия (история, социология, культурология, логика и т.п.) может быть совсем нескучной и быть не *против* нас, а *за нас*, а, во-вторых, годами сформированная учебная *тоска* исчезает, а на ее месте появляется неподдельный познавательный интерес и реальная образовательная мотивация. И именно в этом случае определенный результат педагогических усилий в виде твердо усвоенных нашими учащимися знаний, понимания предложенного материала и умения им пользоваться в различных эпизодах интеллектуально-речевой практики не заставит себя ждать, а мы сможем вместе с лирическим героем знаменитого фильма Л. Гайдая про Ивана Васильевича смело сказать, что «все на свете было не зря, не напрасно было». Давайте же будем, уважаемые читатели и коллеги, стремиться к такому результату нашей профессиональной деятельности, который «по общему знаменателю» будет заключаться в нашей радостной уверенности в том, что образовательные взаимодействия и педагогические усилия были приняты *не зря и не напрасно*.

Список литературы

1. Гатиатуллина Э.Р. Горек ли корень учения? Или к вопросу о личности педагога в образовательном процессе // Современное образование. – 2015. – № 2. – С. 20–44.
2. Меликов И.М. Преподавание философии: опыт осмысления // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2007. – № 3 (55). – С. 4–11.
3. Горелов А.А., Горелова А.Т. Преподавание философии в гуманитарных вузах как фактор развития личности молодого человека // Философское образование. – 2008. – № 18. – С. 42–48.
4. Гусев Д.А. Философия как удивление для современных студентов: мировоззренческий и дидактический аспекты // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2024. – № 3 (28). – С. 14–36.
5. Волкова Е.Г. Основные проблемы преподавания философии в вузе // Современное образование. – 2015. – № 2. – С. 80–115.
6. Гусев Д.А., Минайченкова Е.И., Горбунова Ю.А., Пустовойтов Ю.Л., Рюкина А.А., Суслов А.В. Апории Зенона – для современных студентов (историко-философский, общетеоретический, мировоззренческий и дидактический аспекты). Часть 1 // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 3 (44). – С. 98–114.
7. Гусев Д.А., Минайченкова Е.И., Горбунова Ю.А., Пустовойтов Ю.Л., Рюкина А.А., Суслов А.В. Апории Зенона – для современных студентов (историко-философский, общетеоретический, мировоззренческий и дидактический аспекты). Часть 2 // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 4 (45). – С. 86–95.
8. Фролова А.А. Шаг вперед, два шага назад: к вопросу об инновациях и традициях в образовательном процессе // Наука и школа. – 2015. – № 4. – С. 126–134.
9. Гусев Д.А. К вопросу о содержании учебного курса философии в средней и высшей школе // Наука и школа. – 2002. – № 4. – С. 2–7.

10. *Косиченко А.Г.* Современные глобальные проблемы как следствие апостасии // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 4 (21). – С. 14–30.
11. *Хачатрян А.А.* Удивление – источник появления философии // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сборник трудов XXI Международной научно-практической конференции, Москва, 15 февраля 2024 года. – Москва, 2024. – С. 320–326.
12. *Мальцева С.М., Строганов Д.А., Муравлева Е.М.* Удивление как познавательный стимул в процессе изучения философских дисциплин // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 2–2. – С. 85–90.
13. *Гусев Д.А., Минайченкова Е.И., Суслов А.В.* «Основной вопрос философии» для современных студентов: мировоззренческий и дидактический аспекты // Образовательные ресурсы и технологии. – 2021. – № 2 (35). – С. 79–93.
14. *Кондратьева С.Б.* Преподавание философии в вузе: проблемы, прогнозы, перспективы // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. – С. 122–131.
15. *Беляев А.В.* Преподавание философии в вузе: почему количество не переходит в качество // Человек. Социум. Общество. – 2020. – № 2. – С. 18–23.
16. *Гусев Д.А., Минайченкова Е.И.* Вторая сторона «основного вопроса философии» в контексте содержания современного образования // Образовательные ресурсы и технологии. – 2019. – № 3 (28). – С. 89–99.
17. *Цыплаков Д.А.* Образовательный процесс в России как результат секуляризации // Образование и общество. – 2015. – Т. 3, № 92. – С. 116–119.
18. *Махрачева Я.В., Махрачев Г.С.* Деятельность классных руководителей и учителей-предметников по формированию у учащихся патриотических и духовно-нравственных ценностей на основе православного мировоззрения // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2024. – № 2 (27). – С. 168–187.

References

1. *Gatiatullina E.R.* Gorek li koren' ucheniya? Ili k voprosu o lichnosti pedagoga v obrazovatel'nom processe // Sovremennoe obrazovanie. – 2015. – № 2. – S. 20–44.
2. *Melikov I.M.* Prepodavanie filosofii: opyt osmysleniya // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. – 2007. – № 3 (55). – S. 4–11.
3. *Gorelov A.A., Gorelova A.T.* Prepodavanie filosofii v gumanitarnyh vuzah kak faktor razvitiya lichnosti molodogo cheloveka // Filosofskoe obrazovanie. – 2008. – № 18. – S. 42–48.
4. *Gusev D.A.* Filosofiya kak udivlenie dlya sovremennyh studentov: mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty // Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii. – 2024. – № 3 (28). – S. 14–36.
5. *Volkova E.G.* Osnovnye problemy prepodavaniya filosofii v vuze // Sovremennoe obrazovanie. – 2015. – № 2. – S. 80–115.
6. *Gusev D.A., Minajchenkova E.I., Gorbunova Yu.A., Pustovojtov Yu.L., Ryukina A.A., Suslov A.V.* Aporii Zenona – dlya sovremennyh studentov (istoriko-filosofskij, obshcheteoreticheskij, mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty). Chast' 1 // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. – 2023. – № 3 (44). – S. 98–114.
7. *Gusev D.A., Minajchenkova E.I., Gorbunova Yu.A., Pustovojtov Yu.L., Ryukina A.A., Suslov A.V.* Aporii Zenona – dlya sovremennyh studentov (istoriko-filosofskij, obshcheteoreticheskij, mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty). Chast' 2 // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. – 2023. – № 4 (45). – S. 86–95.
8. *Frolova A.A.* Shag vpered, dva shaga nazad: k voprosu ob innovacijah i tradiciyah v obrazovatel'nom processe // Nauka i shkola. – 2015. – № 4. – S. 126–134.
9. *Gusev D.A.* K voprosu o sodержanii uchebnogo kursa filosofii v srednej i vysshej shkole // Nauka i shkola. – 2002. – № 4. – S. 2–7.
10. *Kosichenko A.G.* Sovremennye global'nye problemy kak sledstvie apostasii // Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii. – 2022. – № 4 (21). – S. 14–30.
11. *Hachatryan A.A.* Udivlenie – istochnik poyavleniya filosofii // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva v epohu cifrovizacii: sbornik trudov XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 15 fevralya 2024 goda. – Moskva, 2024. – S. 320–326.
12. *Mal'ceva S.M., Stroganov D.A., Muravleva E.M.* Udivlenie kak poznavatel'nyj stimul v processe izucheniya filosofskih disciplin // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. – 2020. – Т. 12, № 2–2. – S. 85–90.

13. Gusev D.A., Minajchenkova E.I., Suslov A.V. «Osnovnoj vopros filosofii» dlya sovremennyh studentov: mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. – 2021. – № 2 (35). – S. 79–93.
14. Kondrat'eva S.B. Prepodavanie filosofii v vuze: problemy, prognozy, perspektivy // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. – 2018. – № 4. – S. 122–131.
15. Belyaev A.V. Prepodavanie filosofii v vuze: pochemu kolichestvo ne perekhodit v kachestvo // *Chelovek. Socium. Obshchestvo*. – 2020. – № 2. – S. 18–23.
16. Gusev D.A., Minajchenkova E.I. Vtoraya storona «osnovnogo voprosa filosofii» v kontekste sodержaniya sovremennogo obrazovaniya // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. – 2019. – № 3 (28). – S. 89–99.
17. Cyplakov D.A. Obrazovatel'nyj process v Rossii kak rezul'tat sekulyarizacii // *Obrazovanie i obshchestvo*. – 2015. – T. 3, № 92. – S. 116–119.
18. Mahracheva Ya.V., Mahrachev G.S. Deyatel'nost' klassnyh rukovoditelej i uchitelej-predmetnikov po formirovaniyu u uchashchihsya patrioticheskikh i duhovno-nravstvennyh cennostej na osnove pravoslavnogo mirovozzreniya // *Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii*. – 2024. – № 2 (27). – S. 168–187.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Received: 23.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

УДК 372.881.1

DEVELOPING CULTURE OF READING IN ENGLISH IN GENERATION Z STUDENTS

Levina L.M.¹,

candidate of philological sciences, associate professor;

e-mail: levina@lunn.ru,

¹*Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia*

The article analyzes the problems faced by students of generation Z in the forming of foreign language reading competence. Theoretical approaches to the problem of forming a culture of reading in a foreign language are summarized. As a way to involve students of generation Z in reading activities, a student-centered individual reading program in English is offered, aimed at forming a reading culture for 1st–2nd year students of the university. The three-stage educational model of critical thinking development technology (challenge – comprehension – reflection) is used to organize students' activities related to individual reading during the semester. The methodology of competence-based educational practices aimed at the forming of students' autonomy through active and interactive methods is used to enhance the learning potential of the program. The results of the study confirm the effectiveness of the proposed methodology, which promotes the intellectual and emotional immersion of students in an independently selected authentic work of art and the forming of motivation to read in the process of active communication about what they have read.

Keywords: English as a foreign language, generation Z, individual reading, reading culture, student-centered learning, educational autonomy, educational model challenge-reflection-reflection, individual reading development program

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ У СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z

Левина Людмила Михайловна¹,

канд. филол. наук, доцент,

e-mail: levina@lunn.ru,

¹*Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия*

В статье анализируются проблемы, с которыми сталкиваются студенты поколения Z при формировании иноязычной читательской компетенции. Обобщаются теоретические подходы к проблеме формирования культуры чтения на иностранном языке. В качестве способа вовлечения обучаемых поколения Z в читательскую деятельность предлагается студентоцентрированная программа индивидуального чтения на английском языке, направленная на формирование культуры чтения студентов 1–2-х курсов университета. Трехстадийная образовательная модель технологии развития критического мышления (вызов – осмысление – рефлексия) используется для организации деятельности студентов, связанной с индивидуальным чтением в течение семестра. Методология компетентностно-ориентированных образовательных практик, направленных на формирование автономии обучаемых с помощью активных и интерактивных методов, применяется для усиления обучающего потенциала программы. Результаты исследования подтверждают эффективность применения предлагаемой методики, способствующей интеллектуальному и эмоциональному погружению студентов в самостоятельно выбранное аутентичное художественное произведение и формированию мотивации к чтению в процессе активного общения по поводу прочитанного.

Keywords: английский язык как иностранный, поколение Z, индивидуальное чтение, культура чтения, студентоцентрированное обучение, учебная автономия, образовательная модель вызов – осмысление – рефлексия, программа развития индивидуального чтения

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-98-107

Introduction

Technology has profoundly altered the world and alongside with a significant positive impact brought considerable challenges into 21-st century EFL classroom. Today's Generation Z students often referred to as digital natives easily keep pace with rapid advances in digital technologies. However, when it comes to such a fundamental educational skill as reading competence, the situation is different.

Gen Z students are perceived to lack strong reading culture even in their native language. They favor visual and interactive content like graphic novels, manga and comics or short blogs and essays. If representation and diversity that they give priority to when choosing books (or other forms of entertainment) are not provided by traditional sources they switch to user-generated content online. As a result, they lack reading endurance indispensable for an active reader to power through a long academic text or a book for independent reading. Undoubtedly, such deficiency does not encourage long reading, deep reading and independent reading for pleasure. University professors' empirical observations support the idea, that we witness a generational change in how students engage with literature [1; 2]. Researchers' findings also persistently indicate a decline in deep reading practices and critical thinking skills development of Gen Z students unwilling to step out of their comfort zone [3]. Independent reading is viewed by some reluctant EFL learners as a formal and tiresome long-term home assignment, rather than a pleasurable activity. In addition, with AI development the temptation of using it as an independent reading report generating tool instead of putting an effort in developing your reading culture that enables you to formulate and share your own thoughts and feelings inspired by reading authentic fiction literature becomes more evident.

Current challenges students predominantly face in reading authentic English texts include: short attention span and lack of concentration; lack of higher level of thinking critical reading skills, like inability to understand the gist of an argument, to contrast and compare the points, to synthesize and evaluate what they were reading. Sometimes, students do not possess enough vocabulary to understand an authentic text and speak about it. An additional challenge is a low level of Gen Z students' real-life face-to-face communication skills, sometimes burdened by a passive learning experience at remoted classes during Covid-19 pandemic.

Review of relevant literature and case studies revealed a number of approaches to meeting these challenges and enhancing the English reading proficiency of Gen Z, both at school and university. Many researchers advocate using the learner-centered approach in order to foster motivation and engagement among Gen Z learners. Their findings indicate the benefit of implementing different interactive educational tools, aligning with the cognitive and motivational characteristics of digital natives: project-based learning [4, p. 549], game-based learning [5], the development of tailored educational reading content that will meet the diverse needs of modern students [6, p. 444]. N. Bilonozhko and A. Syzenko, who made a thorough review of the existing classifications of learning and reading comprehension strategies, single out the strategies applicable to reading authentic texts as a way to encourage students to read [7]. As I. Pramerta claims, "Gen Z students in EFL contexts strongly prefer interactive and participatory reading activities". His findings reveal that "discussion" is the most popular method that highlights their preference for collaborative learning and interaction [6, p. 450]. However, it is of paramount importance to understand that, Gen Z students treat interaction and participation in their own way. They do not have the teamwork-oriented and collaborative nature of Millennials and, primarily, intrapersonal approach to learning is typical for them. C. Seemiller and M. Grace's research indicates that Gen Z students prefer individual learning "because they can focus, set their own pace, and make meaning of their learning before having to share that meaning with others" [2, p. 23]. These scholars further emphasize, that "Generation Z students view peers and instructors as valuable resources and like to have the option to work with others on their own terms, often after they have had a chance to think through a concept, problem, or project on their own" [Ibid.]. Nevertheless, it does not mean abandoning collaborative group work with these students. They do favor joint projects, interactive games and creative activities, as their brain section responsible for visual ability is far more advanced. For the same reason they learn more effectively solving problems by trial and error.

The abovementioned findings highlight the challenges Gen Z students face and offer some ways to foster their engagement in developing foreign language reading competence, fundamental for academic success, life-long learning and career advancement. However, there remains a significant gap in the literature, that addresses the development of customized independent reading programs for University level EFL students.

This article considers the recent research and presents the findings that specify the domains relevant to developing culture of reading in a foreign language at university level through design and implementation of a customized independent reading program, in particular: independent reading in educational context; motivation for reading and the motivating role of a teacher.

Building up on theoretical review, the author intends to present an innovative competence-oriented independent choice-led reading program specially designed to promote the culture of reading in English in Gen Z learners.

Methods and Materials

The literature search and review were carried out with the help of the following methodological steps: scoping, selecting, searching, analyzing, synthesizing and reporting.

The methods applied in further empirical research include:

- a) observation and in-depth investigation of the empirical data collected during the implementation of interactive class and out-class activities based on students' individual reading;
- b) analysis of their impact on students' reading autonomy;
- c) design of Reading Program (RP) aimed at promoting students' reading culture in EFL through engaging them intellectually and emotionally in interactive activities in a reading-friendly educational environment.

The RP operationalizes a three-stage educational framework (introduced by K. Meredith and J. Steele [8] to promote critical thinking through reading and writing) as an inclusive model for organizing activities around students' independent reading during the semester. Each stage of ERR (evocation-realization of meaning- reflection) model corresponds to a stage of the learning process organized with the help of pedagogical and methodological means. Certain processes prevail at each stage of ERR scheme and these processes give a chance to "build up" learning in full correlation with the organizational structure of the learning process. At the evocation (anticipation) stage – realization of need, provision of motive, establishing self-directed purposes (which includes choosing a way to realize the motive, planning activity and ways of action) prevail. At the stage of Realization of meaning (building knowledge) – organized active cognitive engagement and support to the learner's monitoring of understanding new information by using methods adequate to this very content (achieving specific objectives through performing actions and procedures that activate acquisition of content) predominate. At the Reflection (consolidation) stage – getting the outcome that realizes the motive and to this or that extent satisfies the need prevails [9].

The subjects of the study are freshmen and sophomores majoring in Linguistics: with specialization in "English and Education" and "English for Cross-cultural Communication". The total number of the experimental students is 90 students observed during their first two years at the university during the period of 2019–2024.

Theoretical Background of Reading Program Model

In most general sense "independent reading" implies the student's choice-led reading that is done either for information or for pleasure. It should be noted, that in one's native language context the term "reading for pleasure" has been gaining popularity with the development of "reading for pleasure pedagogy" concept that acknowledges the importance of social dimension of reading. Additionally, "reading for pleasure" is frequently referred to as leisure reading [10], spontaneous pleasure reading or lucid reading [11], or voluntary reading [12].

Independent reading in EFL, in which the choice of reading materials, time and place to read is made by the student, is done on the student's volition for the purposes of education, professional development or for enjoyment. When reading fiction, the reader is more likely to experience the intrinsic enjoyment of a "flow state". Research in this area emphasizes the importance of reading for pleasure for both educational as well as personal development [13–15] and emotional well-being. According to V. Smith [16], reading for pleasure is oriented towards finding personal meaning and purpose and related to the human need to make sense of the world, the desire to understand, to make things work, to make connections, to engage emotionally and feel

deeply. Independent reading by young adults learning EFL at the university level is in some ways similar to extensive reading. The latter also belongs to Free Voluntary Reading approaches that share the common idea of independent, voluntary reading. As J.R. Bamford and R. Day note, “in contrast to academic reading and intensive reading, and the detailed understanding they require, extensive reading encourages reading for pleasure and information”¹.

Like independent, choice-led reading, extensive reading is aimed at general understanding of the text with the main goal of finding pleasure in it and building the reader’s confidence and skills. Both kinds of reading give the reader an opportunity of personal experience. They are individualized and self-determined as a student has a choice of choosing materials for reading and reads them independently. A student is free to stop reading in case they find the book dull or too challenging. Research findings suggest that self-selection of extensive reading materials is, indeed, a way to promote learner’s autonomy. These similarities are particularly evident if an extensive reading course is administered as “a non-credit addition to an existing reading course” or as “an extracurricular activity” (in terminology of J.R. Bamford and R. Day). In the first case, it is an optional reading activity done for pleasure and to the students’ interests, in addition to a formal reading course, and often no follow-up tasks are required. In the second case, it is an optional open-access extracurricular reading club. Two other ways of incorporating extensive reading into a foreign language curriculum are a separate, stand-alone course and part of an existing reading course. They have a more calculated specified format and timeframe as well as a certain kind of assessment and less resemble reading for pleasure. Students’ autonomy in this learning procedure is also more limited. However, student-centered approach to independent/extensive reading and a subtle choice of supporting communication activities helps to turn a student’s reading experience into an intellectually and emotionally satisfying educational adventure.

Throughout this article, the term “pleasure reading” stands for “independent/extensive reading” and is defined as “independent, voluntary reading of self-selected authentic literature in English, which is done outside the classroom as a student’s long-term individual reading project”. It is monitored during group reading conferences and one-to-one interviews, and guided by individual/group scaffolding of the teacher or a junior peer with a final presentation of the assignments on the chosen book as a credit procedure before the integrated exam in EFL. As it was noted by J. Sanacore [17], becoming a lifetime reader is predicated on developing a love of reading. Independent reading at universities should be a learning procedure aimed at fostering students’ lifelong reading habits that stimulate their personal, academic and social growth. It is used to promote students’ intrinsic motivation for reading, make the process and result of reading more meaningful and pleasurable, develop young adults’ reading autonomy, enrich their cultural background and shape their identity. Thus, students grow through and by reading.

Though less studies focus on volitional reading in a second language than in their native language, there is research evidence, that reading in English of an EFL learner increases motivation and results in better language comprehension and production; enhances vocabulary acquisition, confidence in grammar and spelling, precision in writing and verbal fluency, as well as extends over all reading performance [18; 19].

Motivation for reading is another crucial issue in promoting lifelong EFL reading habits of young adults and developing their culture of reading. It should be emphasized, that motivation is multi-faceted and determined by a variety of factors and attitudes. As it was confirmed in one of our previous papers, the motivational theory of self-determination² can serve as the basis for the development of more efficient in-service training programs at a university. It is also applicable to other autonomy-supporting university programs that use a competence-based approach to learning, like, for example RP, which can develop a positive attitude to language learning, increase motivation of young adults to independently read in a foreign language and develop their reading culture.

Self-determination theory assumes that propensity to learn and develop is innate and expresses itself through proactive and future oriented behaviors. Such behaviors are promoted by three types of motivation: intrinsic, integrated and identified. Extensive research has proved that behaviors resulting from these three forms

¹ Bamford J., Day J.R. *Extensive Reading Activities for Teaching Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 220 p.

² Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory // *Handbook of theories of social psychology* / P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 2012. – P. 416–437.

of motivation vary in the level of self-determination. Intrinsic motivation has the most positive impact on cognitive, behavioral, and emotional aspects of learning, while identified motivation – the least positive impact. Evidence suggests that this effect decreases with the degree of extrinsic determination when external controls introduced into the learning environment affect the psychological processes connected with high-quality learning [20; 21]. Research evidence illustrates that intrinsic but not extrinsic motivation predicts reading for pleasure [22]. Reading motivation is defined as “the individual’s personal goals, values and beliefs with regard to the topics, processes, and outcomes of reading”. In the context of motivation for reading, intrinsic motivation “has to come from readers undisturbed by an externally imposed task who are reading for their own enjoyment and satisfaction”³. K.E. Cox, and L.T. Guthrie demonstrated that readers who are intrinsically motivated are more likely to be reading for their own pleasure and satisfaction; the research indicates that these readers may be reading more widely and more frequently and enjoying their reading more [23]. This correlates with the findings of research by A. Wigfield et al. focused on children’s motivation. The authors discuss the nature of reading motivation, focusing on two major constructs that determine reading motivation: reading self-efficacy, and intrinsic motivation for reading. Their findings demonstrate that the often-observed decline in children’s motivation can be reversed with instructional practices designed to foster children’s motivation [24]. In an earlier research assessing whether or not reading motivation is domain specific, A. Wigfield came to the conclusion that “for some of the important motivation constructs, particularly, competence and efficacy beliefs, there is strong evidence for domain specificity. For other constructs, particularly, achievement goal orientations, most of the measures are general” [25, p. 62].

A powerful motivational factor in the learning environment is teachers’ motivational influence. According to Dornyei, it is based on: a) personal characteristics (motivation, warmth, commitment, empathy and competence); b) immediacy (perceived closeness and accessibility); c) active motivational socializing behavior permitting to exert a direct influence through appropriate modeling, task presentations, a system of feedback and rewards; d) classroom management (setting and maintaining group norms and maintaining autonomy supporting authority). Dornyei developed a comprehensive model of a motivational teaching practice that has four dimensions: creating the basic motivating conditions, generating initial student motivation, maintaining and protecting motivation, encouraging positive retrospective self-evaluation [26].

The autonomy-supporting RP piloted at the Chair for the English Language and Professional Communication of the Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN), took into consideration the data reviewed above.

Results and Discussion

A RP structure was developed in order to foster students’ culture of reading in EFL, increase their learner autonomy and stimulate their development into self-motivated lifelong readers. The program helped to create a reading-friendly educational environment rich in round-fiction activities. Fitting EER framework instructional techniques and strategies were systematically organized in a specially designed RP model. The methodology of autonomy-supportive educational practices and educational tools were chosen to maximize the teaching potential in the context of an activity-based instructional theory of practice. The students were actively engaged in setting goals for independent reading, interactive participation in decision-making and collaboration.

Student-centered activities also involved faculty members of the Chair for the English Language and Professional Communication of Higher School of Linguistics, Pedagogy and Psychology of LUNN, librarians from the English-language library (the Chair and the open-space library form an educational cluster that serves as a platform for interaction of the university community in the English language) and junior students. The faculty, as the leading facilitators of the program carried out individual and group activities including goal-setting, monitoring the participants’ pleasure reading during the semester, reflection practices, anonymous feedback and portfolio reviews. The librarians launched reading-oriented project activities. Scaffolding was flexibly adjusted to the emerging needs of students and provided by teachers, librarians and junior students or peers.

³ Guthrie J.T., Wigfield A. Engagement and motivation in reading // Handbook of Reading Research / M.L. Kamil, P.B. Mosenthal, P.D. Pearson, and R. Barr (Eds.). – 3rd ed. – New York: Longman, 2000. – Vol. 3. – P. 405.

It might take place at group sharing sessions, as an individual support outside classroom hours, in the library, through LMS that assists our students' independent learning.

The project activities started outside the classroom when each student chose a fiction book to read during the coming semester. At the first book club session, each student presented the chosen book and made a promotion presentation to introduce the book to the group and find the group-mates who would prefer to join this student in reading the book. After the students split into book teams, they choose their team captain, developed the group name and motto, introduced their team to the group, and shared with the group, what stood behind their decision to read the book they have finally chosen.

During the semester, the book team members read the book and did individual assignments, as well as met informally in the library and online to discuss what evoke their reaction. Monthly book club sessions or readers' conferences were arranged in class where the book teams participated in different communication activities talking about their book in a small group and then with the whole audience exchanging information, sharing ideas and emotions. The final book club session was arranged at the end of the semester after the chosen books have been read till the end.

Additionally, at the end of each semester individual interviews were scheduled where the students discussed follow-up assignments and portfolios with the teacher conducting the program in their group. Dual-entry diaries and portfolios were handed in/uploaded to LMS two weeks prior to the appointed interview. The books were to be brought to the interview/sent to the teacher by e-mail beforehand/uploaded to cloud storage. A student was able to choose to present an oral video-summary of the plot of the book and their inferences before the interview or do it face-to-face with the teacher during the interview.

The participants of the program autonomously made the following choices: the book for the semester (with a given minimum amount of pages to read), paper or web-portfolio to reflect on it, hand-written or e-way to present the written part of follow-up assignments, a personal or a video summary of the of the book to make. The distribution into book teams was also arranged by the students without any pressure from the teacher.

The taxonomy of chosen activities included reading conferences, book club sessions, writing a dual-entry diary, vocabulary-sharing sessions, quote reflection and answering discussion question entries in individual blogs, book promotion presentations, reflective practices, open-ended question discussions, short-story projects, reading recommendations for peers, book trailers, final eye-to-eye interviews, anonymous feedback, portfolio reviews, etc.

Since the RP was launched as a long-term project in 2012, it has undergone regular changes that incorporate new events, digital tools, follow-up procedures.

Though the participants of the program are given the lower limit of the amount of pages to read per semester, we observe that a growing number of students regularly read more than recommended. More students choose the book their groupmates spoke about at book club sessions as the book to read during the next semester. Students actively respond to quote reflection in individual blogs, enthusiastically participate in open-ended question discussions, reading-oriented project activities and other round-fiction activities. Discussion questions evoked by reading deal with the students' life, their personal values and the world around them. Thus, young adults get involved in heated debate not only between the members of the team that read the same book, but with the other students that read a different one.

Qualitative empirical evidence has been acquired through portfolio reflection, questionnaire surveys, class observations and interviews. The responses of students demonstrate evident improvement in their attitude to reading fiction for interest, enjoyment and learning. The students shared that communication over pleasure reading provoked their interest for additional voluntary reading on a peer's or teacher's recommendation. As we may currently conclude after analyzing the collected data, the students are particularly inspired by group reading-oriented projects and round-fiction activities.

During COVID-19 pandemic, classes were held via a cloud-based video communications app Zoom. Figure 1 illustrates the way a Sophomore Book Team presented their book during the final Book Club Session in a Zoom "classroom".

The students were distributed into four Zoom rooms according to the books they had read in small groups during the semester and were given time to develop group reflection on the book. To present the results of their joint activities, the students that had named their group "Fourk" added to the poster their own photos

where they are demonstrating the sign of four. The way they incorporated their own images into the book cover is also meaningful.

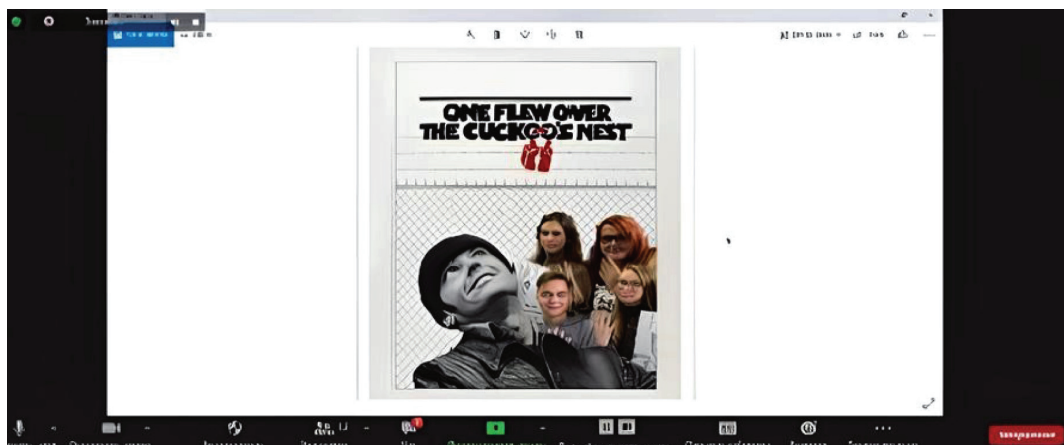

Figure 1 – Final Book Club Session in Zoom Students' Book Team Project
(printed with permission)⁴

As our qualitative data show, due to active engagement and collaboration Gen Z students find reading for pleasure worthwhile and readily reflect on their reading experience as the book is included into the process of communication over its plot, ideas, message, and emotional response.

Judging by anonymous feedback, the students, especially freshmen, are impressed by the community spirit and lifelong reading and learning role models they observed through a closer out-class contacts with the faculty and library team, which resulted in summer reading projects launched on agreement with students at the end of the first RP year.

Increased motivation and strengthened confidence in free reading have also been observed. Though quantitative research is still in progress and goes beyond the scope of this paper, preliminary findings show the tendency to the growth of motivation of the students participating in RP with predominance of intrinsic motivation. Both at the end of Freshmen and Sophomore years the respondents demonstrated that cognitive motives played an essential role in motivating them to read with a tendency to growth from 19.7 % in Freshmen to 22.8 % in the Sophomore group. It may be explained by critical thinking-oriented EER framework of the Reading Program in which all the activities are focused on developing such cognitive skills dimensions as: interpretation, analysis, explanation, inference and evaluation.

Professional motives, closely related to broad cognitive motives, occupied the second place, 21.6 % and 22.7 % accordingly and revealed insufficient change in the Sophomore group. Professional approach to language learning and using the English language as a means of communication inside the curriculum in and outside the classroom from the very first day at the university permeates the whole EFL curriculum into which RP is integrated. It might be assumed that such an educational environment arrangement fosters the development of the students' professional motivation and further on sharpens their professionally important skills as well as personal development. The accessibility of all the materials and assignments of the course in LMS in addition to vast open resources in English helps students become driven about "living in English" as a way to gradually acquire the language up to a near-native level. Development of soft skills indispensable at modern workplace and the values shared with others is also linked to professional motivation.

The next two groups of motives were emotional and communication motives. There was a slight 1.1 % decrease in emotional motives, from 13.6 % to 12.5 %, however, practically no change in communication motives: 12.3 % in Freshmen and 12.5 % in Sophomores. It may be related to the traditional teaching format at Russian universities, when students attend classes within the same group throughout the whole period of studies. After school, Freshmen go through a certain period of adjustment to a new university educational environ-

⁴ Compiled by the author.

ment, whereas Sophomores are already used to interaction and collaboration in EFL classroom and out-class activities. Through free active communication about what they read, the students secure attachment to others, autonomy, identity and social needs are satisfied.

Achievement and pragmatic motives demonstrated a certain degree of decrease, from 15.8 % to 13.8 %, and from 7.2 % to 5.4 %, accordingly. Ambition motives increased insufficiently from 9.7 % to 10.2 %, whereas duty motives remained low and unchanged, 0.15 % in both Freshmen and Sophomores.

The experience of developing RP suggests that meaningful choices and true communication in reading for pleasure, connection of what you read with the real world and personal values, are powerful tools for instilling love for reading and developing students into self-motivated lifelong readers. Communicating your ideas and feelings inspired by reading for pleasure leads to the development of critical thinking, decision-making, public speaking skills, empathy, open-mindedness, teamwork, etc. Critical thinking skills progress was evident in a variety of questions referring to a higher-level of thinking and more mature argumentation the students were using during book club sessions, in blog writing and reflection. Through sharing their ideas and feelings, the students learned to be better speakers and listeners. Exposed to a variety of opinions, they became less judgmental and biased, more open-minded and empathic.

The role of the English-language library in the project should not be underestimated. Spiritually, the library is an integral part of the faculty and gives the students the feeling of belonging. Shared values, activities and events, in which the teachers, librarians and visiting alumni participate together with the students, a healthy learning environment the faculty tries to create and foster motivation to advance in both students and teachers.

Conclusion

The article has described some results of empirical research in independent reading in EFL at modern university. The experience of using the suggested RP model confirmed, that a student-centered independent reading program tailored to reach certain objectives with the help of active and interactive methods of teaching represents an effective educational practice and serves as a framework for developing Gen Z students' culture of reading through fostering the students' motivation to read and enhancing their linguistic, social, and critical thinking skills. It also demonstrated that nurturing young adults' voluntary independent reading is not an optional extra or standalone activity. Though many students experienced improvement in their skills as a direct result of their independent reading efforts, to meet its goals RP should be an integral part of a well-designed EFL curriculum. The curriculum provides fostering all skills in consistency. The curriculum as a whole should be based on student-centered approach, active teaching/learning strategies and mutual values. Thus, it promotes students' autonomy strategies that contribute to the enhancement of positive reading habits and attitudes, motivate and equip students for further independent reading in a foreign language. Reading culture as a shared value of the university community developed in a reading-friendly educational environment triggers a sense of reader relationships that socially motivates students to read. It ultimately results in more independent reading and is a ground for more exciting and enthusiastic self-stimulated discussions.

However, many questions require further analysis. For example, profound quantitative research in motivation for independent reading developed through PR is needed. Additionally, the language teaching community might benefit from knowing whether the RP will adequately serve the needs of university students for whom English is a second major and whose level of English is lower than of the research participants. With the growing number of foreign students at Russian universities, it might also be of interest to explore peculiarities of individual reading programs in other countries to find out what methods and activities are efficient in other cultural contexts. The above-mentioned issues might be the focus of further research.

References

1. *Susanti R., Saha S., Mallya D.* Exploring Pedagogical Approaches for Teaching English to Generation Z: A Bibliometric Analysis // *Asian J. Educ. Soc. Stud.* – 2024. – Vol. 50, No. 5. – P. 442–451. – DOI 10.9734/ajess/2024/v50i51374.

2. Seemiller C., Grace M. Generation Z: Educating and Engaging the Next Generation of Students // About Campus. – 2017. – No. 22 (3). – P. 21–26. – DOI 10.1002/abc.21293.
3. Cremin T., Scholes L. Reading for pleasure: scrutinising the evidence base – benefits, tensions and recommendations // Language and Education. – 2024. – No. 38 (4). – P. 537–559. – DOI 10.1080/09500782.2024.2324948.
4. Utami Y.P., Hidayat R., Fadhillah N. Integration Technology and Learner-Centred Approaches for Better Generation Z's English Reading Skills: A Literature Review // Nusantara Journal of Multidisciplinary Science. – 2024. – No. 2 (3). – P. 548–556.
5. Saxena M., Mishra D.K. Gamification and gen z in higher education: A systematic review of literature // International Journal of Information and Communication Technology Education. – 2021. – No. 17 (4). – P. 1–22. – DOI 10.4018/IJICTE.20211001.0a10.
6. Pramerta I.G.P.A. What Do Gen Z Students Need to Succeed in Reading Comprehension? // Voices of English Language Education Society. – 2024. – No. 8 (2). – P. 44–457. – DOI 10.29408/veles.v8i2.26908.
7. Bilonozhko N., Syzenko A. Effective Reading Strategies for Generation Z Using Authentic Texts // Arab World English Journal: Special Issue on the English Language in Iraqi Context. – 2020. – P. 121–130. – DOI 10.24093/awej/elt2.8.
8. Meredith K.S., Steele J.I. Classrooms of Wonder and Wisdom: Reading, Writing and Critical Thinking for the 21st Century. – London: Corwin, SAGE LTD, 2011. – 172 p.
9. Levina L.M., Mariko V.V. Effective Ways of Motivating Adults for Learning in Professional Field // Asian Social Science. – 2015. – No. 11 (3). – P. 235–241. – DOI 10.5539/ass.v11n3p235.
10. Greaney V. Factors related to amount and type of leisure reading // Reading Research Quarterly. – 1980. – No. 15. – P. 337–57.
11. Nell V. The psychology of reading for pleasure: Needs and gratifications // Reading Research Quarterly. – 1988. – No. 23. – P. 6–50.
12. Krashen S. The power of reading. – Portsmouth: Heinemann and Westport; CN: Libraries Unlimited, 2004. – 199 p.
13. Wang J.H.Y., Guthrie J.T. Modelling the effects of intrinsic motivation, extrinsic motivation, amount of reading, and past reading achievement on text comprehension between U.S. and Chinese students // Reading Research Quarterly. – 2004. – No. 39. – P. 162–186.
14. Alderson J.C. Assessing Reading. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 398 p.
15. Cullinan B.E. Independent reading and school achievement // School Library Media Research. – 2000. – Vol. 3. – P. 1–24.
16. Smith V. Making Read Mean: No. 34 (Minibook Series). – Leicester: UKLA, 2012. – 40 p.
17. Sanacore J. Encouraging children to make choices about their literacy learning // Intervention in School and Clinic. – 1999. – No. 35. – P. 38–42.
18. Krashen S.D. The Power of Reading: Insights from the Research. – Portsmouth: Libraries Unlimited, 2004. – 199 p.
19. Amiruddin B.S., Fajriyani M., Hartawan M. The Role of Independent Reading on Reading Comprehension in The Second Years Students of MTs As'adiyah Putra 1 Sengkang // ETDC: Indonesian Journal of Research and Educational Review. – 2022. – No. 1 (3). – P. 297–304. – DOI 10.51574/ijrer.v1i3.384.
20. Deci E.L., Ryan R.M. Toward a social psychology of assimilation: Self-determination theory in cognitive development and education // Self-regulation and autonomy: Social and developmental dimensions of human conduct / B.W. Sokol, F.M.E. Grouzet, U. Muller (Eds.). – New York: Cambridge University Press, 2013. – P. 191–207. – DOI 10.1017/CBO9781139152198.014.
21. Wilkesmann U., Schmid C.J. Intrinsic and internalized modes of teaching motivation // Evidence-based HRM. – 2014. – No. 2 (1). – P. 6–27. – DOI 10.1108/EBHRM-07-2013-0022.
22. Wang J.H.Y., Guthrie J.T. Modelling the effects of intrinsic motivation, extrinsic motivation, amount of reading, and past reading achievement on text comprehension between U.S. and Chinese students // Reading Research Quarterly. – 2004. – No. 39. – P. 162–186.
23. Cox K.E., Guthrie L.T. Motivational and cognitive contributions to students' amount of reading // Contemporary Educational Psychology. – 2001. – No. 26 (1). – P. 116–131.
24. Wigfield A., Guthrie J.T., Tonks S., Perencevich K.C. Children's Motivation for Reading: Domain Specificity and Instructional Influences // The Journal of Educational Research. – 2004. – No. 97 (6). – P. 299–309. – DOI 10.3200/JOER.97.6.299-310.

25. *Wigfield A.* Reading motivation: A domain-specific approach to motivation // *Educational Psychologist*. – 1997. – No. 32. – P. 62. – DOI 10.1207/s15326985ep3202_1.
26. *Dornyei Z.* *Motivational Strategies in the Language Classroom*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 163 p. – DOI 10.1017/CBO9780511667343.

Статья поступила в редакцию: 18.01.2025

Received: 18.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

БУДУЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Семёнова Юлия Александровна^{1,2},

канд. филос. наук,

e-mail: semenovaua2008@yandex.ru,

¹Московский технический университет связи и информатики, г. Москва, Россия

²Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия

В статье раскрывается специфика социально-гуманитарной экспертизы будущего образования в условиях НБИКС-революции (нано-, био-, инфо-, когно- и социотехнологий) и разработки метатехнологии искусственного интеллекта. Социально-гуманитарная экспертиза такого типа обнаруживает экзистенциальное и эсхатологическое измерения техно-инноваций. Вероятностный характер результатов социально-гуманитарной экспертизы связан с тем, что эксперты опираются не на факты, но на архетипы, модели, сценарии, которые позволяют выявить зарождающиеся тренды и являются основой принятия решений в условиях неопределенности, поливариативности, нелинейности будущего. В работе сопоставлены основные сценарии будущего образования – технооптимизм и технопессимизм. Обосновано значение социально-гуманитарной экспертизы как форсайта антропологических и образовательных рисков, порождаемых автономным развитием искусственного интеллекта и его возможным превращением в субъект познания. Ключевые риски связаны с наступлением постчеловеческой эры, угрожающей существованию естественного интеллекта, и разрушением образования как антропологического пространства.

Ключевые слова: будущее образования, сценарии, социально-гуманитарная экспертиза, технооптимизм, технопессимизм, искусственный интеллект, экзистенциальные риски

THE FUTURE OF EDUCATION AS AN OBJECT OF SOCIAL AND HUMANITARIAN EXPERTISE

Semenova Y.A.^{1,2},

candidate of philosophical sciences,

e-mail: semenovaua2008@yandex.ru,

¹Moscow Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia

²Bauman Moscow State Technical University (national research university), Moscow, Russia

The article reveals the specifics of the socio-humanitarian expertise of future education in the context of the NBICS revolution (nano-, bio-, info-, cognitive and sociotechnologies) and the development of metatechnology of artificial intelligence. Social and humanitarian expertise of this type reveals the existential and eschatological dimensions of techno-innovations. The probabilistic nature of the results of social and humanitarian expertise is due to the fact that experts rely not on facts, but on archetypes, models, scenarios that allow identifying emerging trends and are the basis for decision-making in conditions of uncertainty, polyvariability, and nonlinearity of the future. The work compares the main scenarios of the future of education – techno-optimism and techno-pessimism. The importance of social and humanitarian expertise as a foresight of anthropological and educational risks generated by the autonomous development of artificial intelligence and its possible transformation into a subject of cognition is substantiated. The key risks are associated with the onset of the post-human era, threatening the existence of natural intelligence, and the destruction of education as an anthropological space.

Keywords: future of education, scenarios, social and humanitarian expertise, techno-optimism, techno-pessimism, artificial intelligence, existential risks

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-108-113

Введение

С 10-х годов XXI века возрастает значение социально-гуманитарной экспертизы будущего в условиях революционного развития нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий (НБИКС-технологий). Как отмечает Д.И. Дубровский, «... в аббревиатуре НБИКС буква «С» обозначает социогуманитарные технологии и социогуманитарные знания, которые, будучи органической составляющей конвергентного развития НБИКС, призваны выполнять целеполагающие, прогностические, оценочные и, главное, санкционирующие функции этого развития, чтобы парировать его риски и угрозы» [1].

Метатехнологией, определяющей будущее, становится искусственный интеллект. При этом эксперты отмечают высокую рискогенность как применения ИИ в образовании на данном этапе, так и возможного автономного развития ИИ в будущем. Вместе с тем, сопротивление технологическим инновациям также содержит в себе угрозы, связанные с отстающим (по сравнению с другими сферами) характером развития образования.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении рисков появления автономного искусственного интеллекта и превращения его в субъект на основе сопоставления технооптимистичного и технопессимистичного сценариев будущего образования в рамках социогуманитарной экспертизы.

Специфика социально-гуманитарной экспертизы будущего

Специфика социально-гуманитарной экспертизы будущего обусловлена как транснаучным, междисциплинарным характером подобной экспертизы, ее сложностью – сочетанием теоретического и внетеоретического (ценностного) компонентов. Кроме того, объектом данного вида экспертизы являются эмерджентные и уникальные системы, для которых отсутствует единый образец и алгоритм принятия управленческих решений [2, с. 36], а предметом – такие риски и угрозы, которые носят экзистенциальный и эсхатологический характер и касаются радикальной трансформации природы человека, перспектив выживания человечества и сохранения жизни на Земле. Кроме того, субъект социально-гуманитарной экспертизы будущего предельно размыт и представляет собой не только само экспертное сообщество, но и различные «группы интересов» [3]. В свою очередь, методы форсайта как ключевые в социально-гуманитарной экспертизе будущего, несмотря на вариативность, взаимодополнительность, возможность использования потенциала горизонтальных связей субъектов экспертизы и интегрированность исследовательских практик в процесс управления, остаются предельно креативными и требуют дальнейшей разработки и апробации [4].

Отечественный философ Б.Г. Юдин, стоявший у истоков разработки концепции и методологии социально-гуманитарной экспертизы в России, определяет экспертизу как отслеживание новых явлений и эффектов, порождаемых техно-инновациями, оценку возможностей и рисков инновационного процесса [5].

И.И. Ашмарин рассматривает экспертизу как «опережающий анализ и прогнозирование рисков и реальных опасностей для человека и человечества, связанных с научно-техническими и социальными инновациями» [6, с. 203]. При этом повышение «наукоемкости» факторов риска, с одной стороны, соответствует масштабу технико-технологического роста и управленческих решений в данной области, а с другой – требует развития научной компетентности и гражданской ответственности экспертов.

Г.Л. Тульчинский рассматривает гуманитарную экспертизу как социальную технологию, то есть исследование социально значимых проблем, включающее не только оценку результативности и эффективности инновационных технологических решений, но и «учет возможных последствий для перспектив личностного развития» [7, с. 29].

Е.В. Брызгалина отмечает, что «в рамках социально-гуманитарной экспертизы осуществляется рефлексия над направлениями и альтернативами научно-технологического развития, комплексное моделирование и фиксация последствий применения инновационных продуктов и технологий, разработка представлений об объектах и механизмах этико-правового регулирования» [8, с. 50].

В целом социально-гуманитарная экспертиза не сводится к сопровождению инновационного процесса и мониторингу его результатов, но состоит в опережающем выявлении антропологических

и социальных рисков разработки и внедрения технологий. Эксперт выступает элементом «общества риска» (У. Бек). При этом отечественные исследователи подчеркивают аксиологическую направленность экспертизы, ядром которой выступают такие ценности, как экологическое равновесие, благополучие человека и общества, устойчивое развитие, безопасность и свобода личности, возможности самоопределения, творчества и т.д. Отечественный философ В.И. Бакштановский даже вводит понятие социально-нравственной экспертизы, которая рассматривается им как «особый вид практического приложения комплекса научного знания о морали и воспитании, организованного вокруг этического “ядра” – прикладной этики» [9]. Социально-гуманитарная экспертиза будущего, таким образом, направлена на обоснование и сохранение ценностных основ существования человека в условиях НБИКС-революции, выявление приоритетов технико-технологического роста, а также разрешение ценностных дилемм, возникающих в инновационном процессе.

Специфика социально-гуманитарной экспертизы будущего также заключается в том, что она носит вероятностный характер, одним из ключевых методов социально-гуманитарной экспертизы будущего является метод сценариев.

В условиях турбулентности, неопределенности и нестабильности линейное мышление, опирающееся на экстраполяцию и единый сценарий предсказуемого будущего, дает ложное ощущение ясности и уверенности и сменяется множественными образами будущего. В целом идея прогресса, доминирующая в сциентистском и технократическом мировоззрении, является своего рода когнитивным искажением. К примеру, Д. Бэнгстон, специалист в области стратегического форсайта, отмечает: «традиционные гавайцы верили, что мы сталкиваемся лицом к лицу с прошлым, которое мы можем “видеть” в своей памяти, а “будущее лежит позади” и находится вне поля зрения. Предвидение необязательно должно быть совершенным, чтобы помочь нам принимать правильные решения и избегать ошибок» [10].

Опираясь на идеи современной футурологии (Д. Белл, Д. Бенгстон, Дж. Кашио, Э. Корниш, Р. Слотер, Э. Тоффлер и др.) можно выделить следующие ключевые характеристики будущего как объекта социально-гуманитарной экспертизы:

- 1) будущее плюралистично, это будущее во множественном числе;
- 2) будущее вариативно, мышление о будущем включает в себя различные сценарии – возможные, правдоподобные, вероятностные или предпочтительные;
- 3) будущее открыто, не предопределено, у нас есть возможность и свобода влиять на будущее в позитивном направлении;
- 4) будущее нечеткое: фактов о будущем не существует, что связано и с эмерджентностью систем, и с несовершенством знания о будущем из-за когнитивных искажений;
- 5) будущее неожиданное: люди постоянно недооценивают неопределенность и возможность событий типа «Черный лебедь»;
- 6) будущее может не вызывать удивления за счет сочетания непрерывности и перемен, трендов и контртрендов;
- 7) будущее – это быстрые изменения: значительные изменения возможны за относительно короткое время;
- 8) будущее включает и медленные изменения, часто ускользающие от внимания, имеющие значительные кумулятивные последствия;
- 9) будущее архетипично: футурология сводится к изучению представлений людей о будущем, архетипическими вариантами которого выступают: 1) Продолжение или Непрерывный рост – образ будущего, основанный на экстраполяции текущих тенденций; 2) Коллапс –экономический, экологический или моральный крах; 3) Дисциплина – образ общества, жестко структурированного вокруг набора фундаментальных идеалов и 4) Трансформация – сценарий будущего, в котором быстрое развитие и внедрение прорывных технологий (в том числе метатехнологии ИИ) создают совершенно неузнаваемый мир;

10) будущее сочетает входящие и исходящие перемены – изменения, которые находятся вне нашего контроля, и изменения, которые мы создаем сами [10].

У нас нет фактов о будущем, есть только сценарии. Как отмечают М. Лингдрен и Х. Бандхольд, разработка сценариев позволяет хоть как-то подготовиться к «неожиданному» будущему. Генерация

сценариев заставляет думать о невообразимом, формирует дивергентное мышление, которое заключается в поиске множества решений одной и той же проблемы. Открытый формат, где нет «правильного» и «неправильного» сценария, способствует совместному исследованию будущего. Кроме того, набор сценариев помогает выработать общее видение мира, что облегчает принятие решений [11].

Искусственный интеллект и будущее образования: ключевые сценарии

Можно выделить два основных, но радикальных сценария будущего образования в условиях разработки метатехнологии искусственного интеллекта.

В первом – технооптимистичном сценарии – реализуется архетип Трансформации. Так, футуролог и изобретатель Рэй Курцвейл прогнозирует скорое появление «духовных машин», характеризуя подобные перспективы как «хороший путь»¹. По словам Р. Курцвейла, уже в 2029 году машины осваивают всю доступную литературу и мультимедийные материалы. Машины смогут утверждать, что обладают сознанием, субъективным опытом и таким же широким спектром духовных переживаний, как и их человеческие прародители, и эти утверждения в основном будут приниматься человечеством. Человеческое обучение в основном будет осуществляться с помощью виртуальных учителей и нейронных имплантатов, которые улучшают память и восприятие. Но пока еще невозможно загрузить знания напрямую, обучение все еще требует от человека значительных временных затрат. В то же время машины смогут продуцировать новое знание без участия людей и обмениваться знанием между собой без каких-либо барьеров [12, с. 161–162].

К 2099 году будет наблюдаться сильная тенденция к слиянию человеческого мышления с миром машинного интеллекта, который изначально был создан человеком, а большинство обладающих сознанием существ не будут иметь постоянной физической оболочки. Р. Курцвейл прогнозирует изменение самой концепции того, что значит быть человеком. В рамках ускорения эволюционного процесса произойдет полное слияние человеческого вида с технологией, которую он первоначально создал. При этом моральные аргументы и дискуссия о рисках, с точки зрения футуролога, тормозят прогресс искусственного интеллекта [12, с. 192].

Противоположный архетип будущего – Коллапс – реализуется в сценариях технопессимистов. Так, Нобелевский лауреат в области машинного обучения Джеффри Хинтон утверждает, что машины уже умнее нас, аргументируя это тем, что цифровой интеллект (нейросеть), не являясь копией биологического мозга, обучается эффективнее людей за счет мгновенной передачи информации, владения более общего знания обо всем и отсутствия биологических ограничений. Обработка множества данных позволяет цифровому интеллекту видеть такие тренды и структуры, которые не может увидеть человек. Экзистенциальные риски развития ИИ связаны с тем, что человечество может стать промежуточной фазой в эволюции интеллекта. Как отмечает Дж. Хинтон, цифровое бессмертие возможно, но не для нас².

Крайним вариантом технопессимизма выступает алармизм или технопаника. К примеру, историк, философ и футуролог Юваль Харари утверждает, что хотя у ИИ нет сознания, он уже является угрозой человеческому выживанию, так как способен к самообучению со сверхчеловеческой эффективностью, способен породить более мощный ИИ, может выстраивать глубокие отношения с людьми и манипулировать языком³. Ю. Харари определяет человека как «хакнутое (взломанное) животное», объясняя это тем, что алгоритмы могут понять человека лучше, чем он сам. Здесь открываются возможности предсказывать выбор человека, манипулировать желаниями и принятием решений, что в конце

¹ Нил Деграсс Тайсон и Рей Курцвейл. 2030, какое будущее предсказывает наука? – URL: <https://m.youtube.com/watch?v=UDbtK1nOe4Y&pp=ygVD0J3QuNC7INC00LXQs9GA0LDRgdGBINGC0LDQuDGB0L7QvSDQuCDRgNC10Lkg0LrRg9GA0YbQstC10LnQuyAgMjAzMA%3D%3D> (дата обращения: 15.02.2025). – Текст: электронный.

² «Крестный отец ИИ» о том, что нас ждет. Выступление Джеффри Хинтона для MIT. – URL: https://m.youtube.com/watch?v=EnmetgyiMic&pp=ygU_0LrRgNC10YHRgtC90YvQuSDQvtGC0LXRhiDQuNC4INC-INGC0L7QvCDRh9GC0L4g0L3QsNGBINC20LTQtdGC (дата обращения: 15.02.2025). – Текст: электронный.

³ ИИ и будущее человечества. Юваль Ной Харари на Frontiers Forum. – URL: <https://m.youtube.com/watch?v=4IB1PuGc-cE&pp=ygUv0LjQuCDQuCDQsdGD0LTRg9GJ0LXQtSDRh9C10LvQvtCy0LXRh9C10YHRgtCy0LA%3D> (дата обращения: 15.02.2025). – Текст: электронный.

концов может привести к утрате человеком свободы воли. Кроме того, НБИКС-революция, по прогнозу Ю. Харари, приведет к каскаду сбоев, что потребует от человека неоднократно изобретать себя заново и оставаться впереди алгоритмов. Развитие устойчивости, эмоционального интеллекта, психологического равновесия становится главным вызовом образования XXI века. Несмотря на алармизм, Ю. Харари указывает на то, что люди – сверхадаптивные существа⁴ и именно образование является пространством формирования *soft skills*, необходимых для выживания человечества.

В целом, исходя из представленных сценариев, можно выделить две основные группы рисков, связанных с разработкой сильного ИИ и обретением ИИ автономии:

1) дефицит самопознания, утрата человеком мотивов к свободному выбору, алгоритмизация человеческого бытия; риски деградации естественного интеллекта, превращения человечества в переходную ступень эволюции интеллекта, уничтожения или резкого сокращения потенциала земной разумной жизни, «самоубийства духовности» (Дж. Ланье);

2) риски разрушения образования как антропологического пространства: доминирование средств над целями образования, обесценивание человеческого интеллектуального труда и знания, добываемого человеком, и даже – исчезновение человека как субъекта образования.

Социально-гуманитарная экспертиза будущего образования, таким образом, включает не только исследовательские практики по выявлению рисков внедрения ИИ и его превращения в субъект (в том числе субъект познания), но и консультационное сопровождение процесса разработки таких управленческих решений, которые бы обеспечивали, с одной стороны, научно-технический прогресс, а с другой – безопасность и благополучие человечества.

Заключение

Итак, будущее образования как объект социально-гуманитарной экспертизы множественно, открыто, поливариативно, существует только в представлениях экспертов в виде архетипов, моделей, сценариев. Спецификой социально-гуманитарной экспертизы будущего образования является ее транснаучность, полисубъектность, ориентация на сотрудничество всех стейкхолдеров образования и краудсорсинг как использование ресурсов «умной толпы».

В целом социально-гуманитарная экспертиза будущего образования включает не только форсайт рисков, но и формирование системы навигации в будущем, практик созидательного участия в нем и адаптации в условиях «футурошока» (Э. Тоффлер).

Анализ существующих в российской науке концептуальных подходов показал значимость аксиологической составляющей социально-гуманитарной экспертизы будущего, ее направленность на сохранение ценностных основ человеческого существования в условиях НБИКС-революции. Несмотря на различия рассматриваемых сценариев будущего образования – технооптимистичного и технопессимистичного, общим остается признание рисков, связанных с экзистенциальной безопасностью человека и деградацией образования как пространства антропологических практик в условиях разработки метатехнологии искусственного интеллекта. Но если технооптимизм ставит идею прогресса ИИ выше моральных аргументов, то в рамках технопессимистичного сценария утверждается необходимость введения встроенных моральных ограничений при разработке технологии ИИ. Таким образом, одной из задач социально-гуманитарной экспертизы становится разрешение данного спора о приоритетах технико-технологического развития.

Список литературы

1. Дубровский Д.И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко) // Вопросы философии. – 2021. – № 3. – С. 214–220.
2. Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е.М. Био-банкинг: социально-гуманитарные аспекты. – Москва: Изд-во МГУ, 2018. – 232 с.

⁴ The Future of Education. Yuval Noah Harari & Russell Brand. Penguin Talks. – URL: <https://m.youtube.com/watch?v=j0uw7Xc0fLk> (дата обращения: 15.02.2025). – Текст: электронный.

3. Воронин А.А. Б.Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 91–102.
4. Горбунова Ю.А. Форсайт в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе // Образовательные ресурсы и технологии. – 2024. – № 2 (47). – С. 33–38. – DOI 10.21777/2500-2112-2024-2-33-38.
5. Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 146–154.
6. Ашмарин И.И. Надпрофессиональные смыслы гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 4. – С. 202–205.
7. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2010. – № 3 (29). – С. 28–38.
8. Брызгалова Е.В., Киселев В.Н. Роль социально-гуманитарной экспертизы в обеспечении научного лидерства Российской Федерации // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 44–65. – DOI 10.32326/2618-9267-2021-4-3-44-65.
9. Бакутановский В.И. «Понимающая этика»: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования // Вестник прикладной этики. – 2019. – № 54. – С. 181–196.
10. Bengston D.N. Principles for thinking about the future and foresight education // World Futures Review. – 2018. – Vol. 10, No. 3. – P. 193–202.
11. Линдгрен М., Бандхольд Х. Сценарное планирование: связь между будущим и стратегией. – Москва: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2009. – 256 с.
12. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human. – London: Viking, 1999. – 388 p.

References

1. Dubrovskij D.I. K voprosu o global'nom budushchem i transgumanisticheskoy evolyucii (otvet P.D. Tishchenko) // Voprosy filosofii. – 2021. – № 3. – S. 214–220.
2. Bryzgalina E.V., Alasaniya K.Yu., Varhotov T.A., Gavrilenko S.M., Ryzhov A.L., Shkomova E.M. Biobanking: social'no-gumanitarnye aspekty. – Moskva: Izd-vo MGU, 2018. – 232 s.
3. Voronin A.A. B.G. Yudin o gumanitarnoj ekspertize i vyzovy nejrarevolucii // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2018. – № 3. – S. 91–102.
4. Gorbunova Yu.A. Forsajt v prepodavanii gumanitarnyh disciplin v tekhnicheskom vuze // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. – 2024. – № 2 (47). – S. 33–38. – DOI 10.21777/2500-2112-2024-2-33-38.
5. Yudin B.G. Tekhnonauka, chelovek, obshchestvo: aktual'nost' gumanitarnoj ekspertizy // Vek globalizacii. – 2008. – № 2. – S. 146–154.
6. Ashmarin I.I. Nadprofessional'nye smysly gumanitarnoj ekspertizy // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2006. – № 4. – S. 202–205.
7. Tul'chinskij G.L. Gumanitarnaya ekspertiza kak social'naya tekhnologiya // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologij upravleniya i ekonomiki. – 2010. – № 3 (29). – S. 28–38.
8. Bryzgalina E.V., Kiselev V.N. Rol' social'no-gumanitarnoj ekspertizy v obespechenii nauchnogo liderstva Rossijskoj Federacii // Cifrovoj uchenyj: laboratoriya filosofa. – 2021. – T. 4, № 3. – S. 44–65. – DOI 10.32326/2618-9267-2021-4-3-44-65.
9. Bakhtanovskij V.I. «Ponimayushchaya etika»: koncepciya gumanitarnoj ekspertizy i konsul'tirovaniya // Vedomosti prikladnoj etiki. – 2019. – № 54. – S. 181–196.
10. Bengston D.N. Principles for thinking about the future and foresight education // World Futures Review. – 2018. – Vol. 10, No. 3. – P. 193–202.
11. Lindgren M., Bandhol'd H. Scenarnoe planirovanie: svyaz' mezhdu budushchim i strategiej. – Moskva: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2009. – 256 с.
12. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human. – London: Viking, 1999. – 388 p.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2025

Received: 19.02.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ № 1 (50)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Демиденко В.К.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Переводчик

Грибов В.В.

Электронное издание.

Подписано в тираж 26.03.2025.

Печ. л. 14,3. Усл.-печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 9,6.

Объем 3,7 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 25-0004.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.